

902.6
Ш 14

ПРИМОРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ
ПРИМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИМЕНИ В. К. АРСЕНЬЕВА

Э. В. ШАВКУНОВ

ПАМЯТИ ДРЕВНИХ ЗЕРКАЛ

Издательско-полиграфический комплекс
"Дальпресс"
Владивосток
1993 год

315713

Э. В. ШАВКУНОВ

МАЙЖЫ ДРЕВЖИХ ЗЕРКАЛ

315713

8
11/12

90216
1414

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древние металлические зеркала, как объект научного исследования, впервые привлекли мое внимание еще в 1956 году, когда после сильного наводнения, вызванного пронесшимся над Приморским краем очередным тайфуном, потоками воды на одном из участков колхозного поля вблизи деревни Хмельницкой был смыт толстый слой почвы и обнажен зарытый некогда, очевидно, чжурчжэньским шаманом клад из девяти бронзовых зеркал (10, с. 231 — 237). С тех пор мне, как археологу, и моим товарищам по работе не раз приходилось находить во время раскопок чжурчжэньских городищ бронзовые зеркала. И каждый раз такая находка вызывала у нас огромную радость, особенно если помещенный на тыльной стороне зеркала декор отличался большой выразительностью и реализмом сюжета, совершенством исполнения рисунка, свидетельствующими о высоком мастерстве, тонком художественном вкусе и прекрасном знании окружающей природы безвестного, но сразу же полюбившегося нам древнего художника.

Изучение найденных во время раскопок древних зеркал и прежде всего имеющегося на их тыльной стороне декора показало, что они содержат в себе массу самой разнообразной информации. Это обстоятельство и послужило толчком к более основательному изучению данного предмета туалета и всего того, что имеет к нему какое-либо отношение. Постепенно, по мере накопления фактов и материалов о древних зеркалах, стала созревать мысль о необходимости изложить в отдельной книге все, что удалось о них собрать и проанализировать. Следует сразу же оговориться, что поскольку по роду своих научных интересов мне в основном приходилось иметь дело с памятниками средневековых культур VIII — XIII вв. российского Дальнего Востока и смежных с ним зарубежных территорий, то нет ничего удивительного в том, что это обстоятельство так или иначе наложило свой отпечаток на содержание данной книги. В ней, в частности, довольно часто можно будет встретить упоминание о средневековых и современных народах Дальнего Востока, в том числе о монголоязычных киданях и их империи Ляо (916 — 1125 гг.), а также о тунгусоязычных чжурчжэнях, положивших начало могущественной Золотой империи, более известной под китайским названием Цзинь (1115 — 1234 гг.), в состав которых входили современные территории Приморского края, восточные районы Монголии, северные районы Кореи и вся северная часть Китая. Короче говоря, в книге будет преобладать дальневосточный материал.

По числу обнаруженных в процессе археологических раскопок древних металлических зеркал Россия занимает, пожалуй, второе после КНР место. Однако, если эти зеркала рассматривать с точки зрения представлен-

ных ими типов, то в этом случае Россия будет прочно удерживать лидерство. Такое огромное разнообразие типов зеркал объясняется не только существованием в прошлом на территории нашей страны большого числа этнически самостоятельных центров их производства, но и, кроме того, импортом зеркал из других, причем порой весьма удаленных, стран.

В глубокой древности, когда люди еще не освоили технологию литья металлов и, соответственно, металлических изделий, они при необходимости довольствовались рассматриванием своего отражения в стоячей воде, например, в луже, озерке и т. п. Позже для этой цели они стали использовать воду, налитую в какой-нибудь широкогорлый и относительно глубокий сосуд, как это имело место в древнем Китае и даже совсем еще недавно в Бирме (7, с. 68 — 70, 77 — 78). Как показали результаты раскопок в Турции неолитического поселения Чатал-Хююк, датируемого второй половиной VII — первой половиной VI тысячелетий до н. э., на заре первых цивилизаций люди уже пользовались зеркалами из обсидиана, т. е. вулканического стекла, "закрепленного в рукоятке при помощи известковой массы" (5, с. 38). Зеркала из вставленного в глиняную оправу осколка обсидиана имели распространение в датируемой III тысячелетием до н. э. докерамической культуре Перу (5, с. 230). В Мексике в памятниках ольмекской культуры II — I тысячелетий до н. э. обнаружены зеркала из полированного камня (5, с. 247), а переселившиеся в XII в. н. э. на территорию Мексики ацтеки, хотя они уже и знали медь и бронзу, свои зеркала также делали из тщательно обработанного и отполированного обсидиана (6, с. 252).

Что касается первых зеркал из меди и бронзы, то они появляются на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. в Южном Туркменистане и Северном Иране (9, с. 89; 2, с. 172 — 173; 5, с. 127 — 128, 152). С этого времени, по существу, начинается победное шествие металлических зеркал по странам и континентам. Но особенно большую популярность и широкое распространение металлические зеркала — бронзовые, латунные, серебряные, золотые и даже железные — получают с развитием классовых отношений, когда металлургическое производство достигает высокого по сравнению с предшествующими эпохами уровня развития.

Но не только этим было обусловлено почти повсеместное в этот период распространение производства металлических зеркал. Как известно, в эпоху становления ранних классовых обществ происходит коренная ломка старых, изживших себя религиозных представлений, и формирование новых, классовых по природе, когда неизмеримо возрастает роль различного рода религиозно-культовой атрибутики и значительно усложняется соот-

ветствующая обрядность. Будучи прежде всего предметом туалета, металлические зеркала в силу определенных своих качеств начинают в это время наделяться человеком еще и религиозно-магическими свойствами, что почти всегда находило свое проявление на характере декоративного оформления их тыльной стороны. При этом считалось, что зеркала со сложным и богатым декором обладали и наиболее результативными магическими свойствами, благодаря чему они не только приобретали большую популярность, а соответственно и ценность, но и становились объектами многочисленных копий и подражаний, причем нередко далеко за пределами первоначального места их изготовления. Как правило, качество таких копий было настолько высоким, что отличить их от подлинника визуально было практически невозможно. И здесь значительную помощь могут оказать данные количественного спектрального анализа сплавов, из которых отлиты эти зеркала. Правда, в таких случаях всегда необходимо учитывать то обстоятельство, что при отливке копий в качестве исходного сырья нередко использовались менее ценные зеркала или их обломки, так как считалось, что металл старых зеркал, многократно подвергшийся очистительному воздействию огня, обладал, как о том повествуют некоторые надписи на китайских зеркалах, наиболее подходящим для этого свойством (4, с. 17, 43, № 20 — 21). В целом же, как показывает практика, применение естественно-научных методов исследований может дать весьма интересные результаты, в том числе и по оценке общего состояния уровня производительных сил и характера производственных отношений, а также торгово-экономических связей изучаемых обществ.

Следует, однако, отметить, что некоторые исследователи склонны несколько недооценивать значение зеркал как информативного исторического источника, относя их главным образом к категории эпиграфических памятников (1, с. 10, 166 — 167). Но это не совсем согласуется с истиной, так как в своем подавляющем большинстве зеркала содержат на тыльной стороне не надписи, а составленные в определенные тематические композиции орнаменты или сюжетные рисунки, почти всегда несущие в себе какую-либо семантическую нагрузку. Поэтому изучение имеющихся на зеркалах орнаментов и сюжетных рисунков может дать интереснейшие сведения не только об особенностях декоративно-изобразительного искусства и мировоззрения изучаемых обществ, но и об имевших когда-то внутри них место этнокультурных и социально-экономических процессах.

Из сказанного становится, таким образом, очевидным, что древние металлические зеркала с полным на то основанием следует отнести к категории наиболее информативных археологических находок. Именно этим и объясняется тот повышенный интерес, который все чаще начинают проявлять исследователи к зеркалам как одному из исторических источников. Можно даже сказать, что благодаря работам целого ряда российских и зарубежных исследователей в исторической науке фактически сложилось целое научное направление, которое можно было бы назвать катоптроникой (производное от греческого *katoptron* — зеркало) или спекулумикой (производное от латинского *speculum* в том же значении). Однако первое из предложенных названий труднопроизносимо, тогда как второе не совсем благозвучно. Поэтому лучше, очевидно, будет называть это направление в науке адаршаникой (от сан-

скритского *adarśa* — зеркало), тем более, что наряду с древнегреческим и латынью санскрит тоже является одним из древних письменных языков, на котором составлена богатейшая мифопоэтическая и историческая литература.

Пожалуй, сейчас трудно найти человека, который в своих повседневных делах не прибегал бы к услугам обыкновенного зеркала из стекла с соответствующим отражающим покрытием на одной из его сторон, как характеризуют этот предмет туалета солидные энциклопедические справочники. К услугам зеркала прибегают не только для того, "чтобы Вы могли следить за Вашей внешностью и приводить в порядок Ваши шапку и одеяние", о чем гласит надпись на одном зеркале из Ананьевского городища — памятника культуры чжурчжэней XII — начала XIII вв. в Приморском крае (11, с. 92), но также в самых различных отраслях современного хозяйства, медицине, науке, технике и т. п.

Давно подмечено, что из всех творений рук человеческих лишь зеркало способно вызывать у нас широкую гамму самых противоречивых чувств и эмоций, в зависимости от настроения человека сделать его сильным или слабым, поднять или, наоборот, понизить ему настроение. Вместе с тем зеркало обладает еще одним весьма примечательным свойством, на которое обычно мало кто обращает осознанное внимание, хотя довольно часто им пользуется. Речь идет о свойстве зеркала как бы "привораживать" внимание человека к его отражению. Обычно это происходит в тех случаях, когда человек долго и пристально всматривается в свое отражение в зеркале. Вскоре это отражение начинает восприниматься им как отражение некоего стороннего, хотя и чем-то близкого ему человека. При этом глядящийся в зеркало человек, причем чаще всего совершенно неосознанно, может улыбнуться, подмигнуть, а то и "скорчить рожицу" своему отражению. Более того, нередко бывает и так, что человек мысленно, а иногда и вслух начинает даже разговаривать со своим отражением в зеркале. Все это очень напоминает комическую сценку, с большим мастерством описанную знаменитым русским баснописцем И. А. Крыловым в басне "Зеркало и обезьяна". Думается, будет нелишним привести ее текст с некоторым сокращением:

Мартышка в зеркале увидя образ свой,

Тихохонько Медведя толк ногой:

"Смотри-ка, — говорит, — кум милый мой!

Что это там за рожа?

Какие у нее ужимки и прыжки!

Я удавилась бы с тоски,

Когда бы на нее хоть чуть была похожа.

А ведь, признайся, есть

Из кумушек моих таких кривляк пять — шесть:

Я даже их могу по пальцам перечесть". —

"Чем кумушек считать трудиться,

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?" —

Ей Мишка отвечал.

Но Мишенькин совет лишь попусту пропал (3, с. 102).

Примерно такое же впечатление, а порой и потрясение испытывал, естественно, первобытный человек, видя свое отражение в стоячей воде лужи, а позже — на отшлифованной поверхности первых металлических изделий. В те далекие времена человек еще не мог объяснить себе, какова действительная природа этого отражения, которое было отнесено им к явлениям

сверхъестественного происхождения, что в конечном итоге способствовало наделению зеркал особыми магическими свойствами, в том числе какой-то их связью с силами потустороннего мира.

Вера в магические сверхъестественные свойства зеркал, обусловленные, по представлению древних, их связью, с одной стороны, с силами мира мертвых, царством холода и тьмы, а с другой — с солнцем с его живительным теплом и светом, искусно использовались на разных этапах истории человеческого общества, особенно после того, как человек научился добывать и обрабатывать металлы, служителями всевозможных культов и религиозных учений для подчинения своей воле широких народных масс с целью всесторонней их эксплуатации и извлечения для себя многих материальных благ. В связи с сказанным уместно будет напомнить, что еще в первых веках нашей эры Каутилье, предполагаемый автор "Артхашастры" — древнеиндийского трактата об искусстве управления государством, поучал своего правителя, как с помощью всевозможных религиозных суеверий, различных трюков и "чудес" можно способствовать распространению среди масс народа веры в сверхъестественные способности и божественное происхождение царя, что крайне необходимо было ради поддержания внутренних и внешних интересов государства, ради приобретения и дальнейшего приумножения богатств высших кругов общества (12, с. 312 — 315).

Одурачивание масс, насаждение среди них суеверий путем демонстрации мнимых "чудес" имеет место и в ряде современных стран, где в последнее время пышным цветом расцвели оккультные "науки", занимающиеся изучением существующих якобы в природе таинственных сверхъестественных сил, которые с помощью зеркала и особо разработанных приемов, имеющих прямое отношение к магии, но отнюдь не к науке, могут быть подчинены человеку и использованы им по его личному усмотрению.

Согласно одному из таких учений, изложенному на страницах распространявшегося несколько лет назад самиздата, "плоское зеркало служит продолжением окружающего мира без перекреста, и поэтому в изображении в зеркале вы у самого себя левую руку видите справа (в физическом мире наоборот). Зеркало поэтому может быть инструментом выхода в нижние тонкие энергетические пространства, оно применяется в целях магии для удовлетворения физических нужд". Спустя несколько страниц самиздат поучает, как надо работать с зеркалом, чтобы добиться желаемого результата: "Сядьте за 1,5 — 3 м от большого зеркала и смотрите на него рассеянным взглядом. Вы должны почувствовать перспективу отраженной в зеркале комнаты, ее глубину и себя в ней. В какой-то момент ваш двойник в зеркале как бы отделится от вас, и вы увидите чужого вам реального человека. Он будет менять свои очертания, цвет и даже совсем пропадать. Для тех, у кого возникает сильное чувство страха, это упражнение, — заключает самиздат, — делать не рекомендуется" (8).

Последние слова самиздата, надо полагать, рассчитаны на то, чтобы под покровом таинственности произ-

вести на суеверного читателя должный психологический и эмоциональный эффект и тем самым заранее настроить его на мистический лад, в результате чего человек теряет над собой контроль и начинает верить во всякие "чудеса", тем более, если эти "чудеса" обряжены в тогу наукообразности.

Не зная обстоятельств возникновения мистического отношения человека к зеркалам, трудно, конечно, рассчитывать на успех в разоблачении различного рода суеверий, которые, хотим мы этого или нет, все еще находят свое проявление в свадебных обрядностях, при похоронах и т. п. Именно поэтому автор в своей книге постарался не только высветить и объяснить истоки мистического отношения древнего человека к зеркалам и своему отражению в них, но и перечислить, насколько это позволил ставший известным ему фактический материал, различные случаи использования зеркал в магико-религиозных обрядах у разных народов, а попутно указать на их отношение к зеркалам, что нашло свое отражение в пословицах, поговорках, афоризмах, загадках, суевериях и даже анекдотах.

Учитывая огромный интерес, который представляет для науки семантика помещаемого на тыльной стороне зеркал декора, одна из глав книги посвящена раскрытию смысла выраженных в аллегорической форме при помощи определенных рисунков-символов тех или иных благопожеланий и заклинаний, что, следует надеяться, поможет лучше понять направление мыслей, убеждения и мировоззренческую позицию людей тех историко-культурных эпох, к которым относятся анализируемые исследователями зеркала.

Большое внимание в книге уделено вопросам терминологии, употребляемой при описании древних металлических зеркал, их классификации. Насколько это удалось сделать, судить, конечно, читателю, с помощью и при активной поддержке которого автор в процессе публикаций отдельных статей по зеркалам и во время работы над рукописью настоящей книги уже получил немало ценных советов, сведений, замечаний, а порой и идей, в связи с чем, пользуясь подходящим случаем, он выражает всем своим добровольным помощникам глубокую благодарность и признательность.

Приступая к работе над книгой, автор собирался вначале сопроводить ее большим числом имеющихся в его распоряжении иллюстраций зеркал. Однако довольно скоро стало ясно, что их публикация сможет отразить лишь малую часть огромного числа самых разнообразных зеркал, которые хранятся в музеях, фондах научно-исследовательских институтов и вузов, а также в частных коллекциях страны. Чтобы опубликовать всю эту массу зеркал, необходим труд большого коллектива авторов, а само издание такой работы предполагает выпуск нескольких объемистых томов. Естественно, что подобного рода работа не по силам одному человеку. Все эти соображения и вынудили в конечном итоге ограничиться публикацией только некоторых наиболее интересных зеркал, о которых пойдет речь в настоящей книге.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Наука, 1983. — 349 с.
- ² Кирчо Л. Б. Металлические изделия эпохи неолита и бронзы Алтын-депе // Советская археология. 1980. № 1. — С. 158 — 174.

- ³ Крылов И. А. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: "Правда", 1984. — 511 с.
- ⁴ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. — 165 с., ил.
- ⁵ Массон В. М. Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. — 275 с.
- ⁶ Сокровища Британского музея. М.: "Планета", 1984. — 317 с.
- ⁷ Стратанович Г. Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточноазиатский этнографический сборник. Вып. 2. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 23). М.: Изд. АН СССР, 1961. — С. 47 — 78.
- ⁸ Философский камень. М.: Самиздат, 1982.
- ⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. — 299 с.
- ¹⁰ Шавкунов Э. В. Клад чжурчжэньских зеркал // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 86. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 231 — 237.
- ¹ Шавкунов Э. В., Конькова Л. В., Хорев В. А. Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Сборник научных трудов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. — С. 80 — 95.
- ¹² Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество: Пер. с англ. / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: Прогресс, 1987. — 632 с.

В ДРЕВНОСТИ ЗЕРКАЛА ТОЖЕ БЫЛИ РАЗНЫМИ

Трудно представить жизнь современного человека без зеркала. К его помощи он прибегает, собираясь на работу, в гости, театр и т. п. А придя домой, он, как правило, поинтересуется, насколько у него усталый вид или, наоборот, как хорошо он выглядит. И так изо дня в день, из года в год.

Благодаря зеркалу человек замечает и происходящие с ним с течением времени возрастные изменения — совсем как в "Песенке без конца" Э. Колмановского, сочиненной им на стихи И. Шаферана:

*Перед зеркалом девушка лет пяти,
Перед зеркалом девушка лет пяти,
Хохотушка и вертушка лет пяти
Корчит рожицы, не хочет отойти.*

*Припев: А время, а время
Не убавляет ход,
А время, а время
Идет себе, идет.*

*Смотрит в зеркало невеста не спеша,
Смотрит в зеркало невеста не спеша,
Хоть и ждут ее давно, а не спеша,
Так и эдак огляделась — хороша.*

Припев.

*И, вздохнув печально, женщина прошла,
И, вздохнув печально, женщина прошла,
Задержалась на мгновенье — и прошла...
Помоложе раньше были зеркала...*

Припев.

*И когда успела внучка подрасти?
Вот у зеркала девушка лет пяти,
Хохотушка и вертушка лет пяти
Корчит рожицы, не хочет отойти. (Рис. 1).*

Припев.

Если теперь поинтересоваться, сколько и каких зеркал имеется в современной квартире, то окажется, что их там будет не одно и не два, а, по крайней мере, несколько штук — в прихожей, в ванной, в дамской сумочке, в бритвенном приборе, на туалетном столике и т. д., и т. п. Иначе, говоря словами С. И. Кирсанова,

*Зеркала —
на стене.*

*Зеркала —
на столе.*

*У тебя
в портмоне,
в антикварном старье (9, с. 177).*

Все эти зеркала в зависимости от их назначения имеют самые разнообразные формы, размеры и декоративное оформление.

С таким же примерно явлением мы сталкиваемся и в тех случаях, когда речь заходит о древних зеркалах, причем характер их декоративного оформления зависит прежде всего от времени и места изготовления зеркал.

Не трудно понять, что за многие столетия только на евразийском материке было изготовлено огромное число различных по форме, размерам и декоративному оформлению металлических зеркал. Разобраться в этом многообразии зеркал, а тем более определить, где и когда они были изготовлены, можно будет лишь при условии четко разработанной научной их классификации. И чем подробнее будет разработана типологическая классификация зеркал, тем легче и эффективнее можно будет извлечь из них необходимую информацию. Это давно уже общепризнанный факт. К сожалению, в отношении металлических зеркал мы не только не располагаем четко разработанной типологической классификацией, но даже соответствующей случаю общепринятой терминологией. Здесь, образно говоря, царит еще терминологическая неурядица, на что уже было обращено внимание в одной из работ Т. М. Кузнецовой (11, с. 18 — 30). Однако, предлагая те или иные термины для определения отдельных элементов или частей зеркал, Т. М. Кузнецова опиралась исключительно на скифские зеркала, которые, естественно, не отражают всего многообразия существующих форм и конструктивных особенностей металлических зеркал различных эпох и культур. Этим-то обстоятельством и продиктована необходимость вновь вернуться к вопросу о правомерности и целесообразности применяемых в литературе терминов для определения отдельных частей и элементов зеркал.

Так, касаясь основной детали зеркала, Т. М. Кузнецова предлагает для ее определения оставить широко распространенный термин "диск", хотя при этом она и оговаривается, что зеркала имеют форму не только плоского круга, т. е. диска, но самую разнообразную, в том числе и квадратную (11, с. 18). Ясно, что термин "диск" не всегда соответствует своему значению применительно к зеркалам, в связи с чем его целесообразней будет заменить термином "корпус".

Отполированная сторона корпуса зеркала, в которую смотрится человек, является рабочей. Ее чаще всего называют "лицевой", реже "отражающей". Противоположную сторону называют, как правило, "оборотной", иногда "тыльной". Как известно, термины "лицевая" и "оборотная" применяются также в нумизматике, где лицевая сторона монеты предполагает обязательное наличие изображений и надписей, на основании которых определяется ее принадлежность, время выпуска и достоинство (8, с. 61; 29, с. 137). Между тем на так называемой лицевой стороне зеркала нет, за крайне

редким исключением, ни надписей, ни каких-либо изображений. И это вполне объяснимо, так как функциональное назначение зеркал совершенно иное, чем монет. Следовательно, в данном случае вряд ли будет оправданным применять этот термин в отношении зеркала. Более правильным здесь будет говорить не о лицевой, а о рефлекторной, или отражающей, стороне и не об оборотной, а о тыльной стороне.

Вдоль внешнего края тыльной стороны корпуса подавляющего большинства зеркал имеется круговой выступ, который чаще всего называют "бортиком", "валиком", "закрайной" и т. п. Касаясь значения этих терминов, Т. М. Кузнецова отмечает, что они не совсем точно характеризуют рассматриваемую деталь зеркала. Но, несмотря на это, она предлагает все же использовать термин "бортик" (11, с. 18). Если же учесть, что данная деталь зеркала может иметь самые разнообразные формы, в том числе и форму бортика, т. е. в виде вертикальной узкой стенки, то станет очевидным, что во избежание путаницы от этого термина лучше будет отказаться, заменив его более соответствующим по смыслу термином "ободок", который, как и в нумизматике (29, с. 191), наиболее точно отражает функциональную сущность рассматриваемой детали металлических зеркал.

Для обозначения боковой поверхности корпуса зеркала вполне применим также используемый в нумизматике термин "гурт" (29, с. 67).

Чрезвычайно большое терминологическое разнообразие наблюдается и в том случае, когда речь заходит о деталях, при помощи которых зеркала держались в руке или на что-либо подвешивались, крепились, фиксировались. В зависимости от устройства и формы таких приспособлений их называют ручкой, дужкой, петлей, ушком, кнопкой, полусферным, а также пирамидальным, зооморфным, петлевидным выступом с отверстием для шнура или ленты-держателя (рис. 2, 3). К сожалению, ни один из перечисленных терминов не отражает главной сути этого приспособления, для определения которого с учетом сказанного выше необходимо ввести более соответствующий данному понятию термин "держатель" или "фиксатор".

Обычно принято считать, что зеркало — это предмет туалета. В действительности же использование металлических зеркал уже в глубокой древности было гораздо шире, чем это может показаться на первый взгляд.

Впервые вопрос о функциональном назначении древних металлических зеркал в советской исторической литературе был рассмотрен Г. Г. Стратановичем, который подразделил их на туалетные, погребальные и зажигательные, причем туалетные он, в свою очередь, подразделил еще на женские и мужские. К женским им были отнесены зеркала с держателем в виде радиально отходящей от края корпуса боковой ручки, тогда как к мужским — с держателями других конструкций (27, с. 66 — 78). С подобным делением туалетных зеркал на женские и мужские трудно согласиться, так как зеркала с держателем в виде боковой ручки получают распространение у народов Дальнего Востока лишь с IX — X вв. (18, с. 71; 19, с. 24). Но в таком случае получается, что до этого времени женщины в странах Дальнего Востока не пользовались зеркалами. С таким выводом невозможно согласиться. К сказанному следует также добавить, что зеркала, являвшиеся, согласно Г. Г. Стратановичу, женскими или мужскими, по семантике помещенных на их тыльной стороне декоров далеко не

всегда находятся в соответствии с теми признаками, по которым этот исследователь подразделил их на два указанных типа.

Очевидно, вопрос о том, кто пользовался зеркалами — женщины или мужчины, не столь важен при определении их функционального назначения. Главное заключается не в том, кто пользовался зеркалами, а в том, для каких конкретно целей они были предназначены с самого начала их изготовления. А это, естественно, зачастую предполагало либо соответствующие изменения в их конструкции, а также в размерах, либо же использование при их изготовлении качественно иного материала, в результате чего свойства зеркал как таковых кардинально изменялись. Только при наличии принципиально существенных конструктивных или иных изменений можно с уверенностью говорить о том, что данное зеркало не является туалетным и имеет совсем иное назначение.

В самом деле, обычное туалетное зеркало, подвешенное на грудь или на спину воина, могло защитить его от вражеской стрелы или клинка, но от этого оно еще не становилось доспехом, точно так же, как оно не может стать молотком, если с его помощью мы попытаемся расколоть орехи или вбить в доску гвоздь. Однако если в зеркалах просверлить несколько отверстий и с их помощью соединить эти зеркала друг с другом наподобие панцирных пластин, то в этом случае они действительно могли бы играть роль доспеха. Такая же метаморфоза произойдет с зеркалом, если к нему приделать обухом молотка. Поэтому, когда речь заходит, например, о погребальных зеркалах, то, по-видимому, для такого их определения должны быть какие-то более веские основания, чем просто находка зеркала в погребении, куда, как известно, чаще всего клали обыкновенное туалетное зеркало, причем преимущественно из числа тех, которыми покойный пользовался при жизни. Вместе с тем, как это явствует из данных археологических исследований, в Китае существовал обычай класть в могилу с покойным не сами вещи, которыми он пользовался при жизни, а их копии-заменители из камня, в том числе и копии зеркал из стеатита (28, с. 30; 33, с. 684, рис. 2). Но зеркала из стеатита не способны дать отражение лица человека или какого-либо иного объекта, в чем, собственно говоря, и заключается их принципиально качественное отличие от металлических туалетных зеркал. Следовательно, каменные копии зеркал могли иметь только обрядово-ритуальное назначение. Об использовании в обрядово-ритуальных целях каменных копий зеркал, но уже не при совершении погребального обряда, свидетельствуют и данные китайских письменных источников (12, с. 89; 25, с. 178). Все это вместе взятое и дает основание отнести каменные копии зеркал к категории не погребальных, а обрядово-ритуальных. К этой же категории, возможно, следует отнести и керамическую копию бронзового зеркала, обнаруженную В. И. Дьяковым в Приморском крае на одном из поселений бронзового века (3, с. 152 — 155).

Некоторые исследователи склонны выделять в особую категорию так называемые свадебные зеркала, которые дарились молодоженам при совершении свадебного обряда. К свадебным зеркалам, по мнению этих исследователей, относятся те из них, у которых на тыльной стороне помещены изображения пары птиц, "символизирующих счастливый брачный союз" (19, с. 19 — 20).

Как известно, на тыльной стороне металлических зеркал, особенно дальневосточных, имеются самые разнообразные рисунки, в аллегорическом виде выражающие те или иные благопожелания. Благопожелательный характер носит и большинство помещаемых на зеркалах надписей. Тема этих благопожеланий весьма обширна и многозначна, так что если при определении функционального назначения зеркал руководствоваться данными признаками, то в этом случае число категорий⁶ металлических зеркал достигнет внушительной цифры. В связи с этим нелишне будет отметить, что зеркала, рисунки на тыльной стороне которых содержат, например, пожелание "счастливого брачного союза", вполне были уместны и использовались в качестве подарка не только молодоженам, но и лицам, давно вступившим в брак. Наконец, нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что нам пока не встречалось ни одного источника, в котором при описании свадебных церемоний говорилось бы об использовании каких-то специально изготовленных по этому случаю свадебных зеркал (2, с. 346; 7, с. 171; 16, с. 44, 46; 17, с. 320 — 323; 26, с. 86 — 87). Отсюда можно сделать вывод, что при исполнении брачной церемонии вовсе не требовалось изготовления специальных зеркал.

Все сказанное, таким образом, еще раз подтверждает справедливость мнения о необходимости учета при выяснении функционального назначения тех или иных зеркал, имеющих у них принципиально существенных изменений в их конструкции, материале и даже размерах.

Итак, придерживаясь изложенных выше соображений, все известные в настоящее время древние металлические зеркала можно подразделить на следующие категории: туалетные, гелиоконцентрические, куда входят и так называемые зажигательные зеркала, акустические, конденсаторные, иначе лунные, и обрядово-ритуальные.

К туалетным относятся зеркала с плоской, слегка выпуклой или чуть вогнутой рефлекторной стороной и держателем в виде радиально отходящей от края корпуса боковой ручки, а также с помещенной в центре его тыльной стороны петелькой или полусферным выступом. По размерам корпуса туалетные зеркала подразделяются на малые (диаметром от 4,1 до 8 см), средние (диаметром от 8,1 до 16 см) и большие (диаметром от 16,1 до 24 см). Зеркала таких размеров давали возможность разглядеть в них если не все лицо, то хотя бы большую его часть. Кроме того, они обладали сравнительно небольшим весом, что позволяло носить эти зеркала подвешенными к поясу в специальном мешочке, на груди, в запечной котомке или хранить в туалетных ларчиках.

Гелиоконцентрические зеркала имели вогнутую поверхность, что позволяло сконцентрировать в узкий пучок свет солнца или огня, используемый в различных технических целях. Сведений о применении таких зеркал сохранилось не так уж и много. Известно, например, что в 280 г. до н. э. архитектором Состратом Книдским на о. Фарос был построен Александрийский, иначе Фаросский маяк. На его куполе горел огонь, свет которого усиливался путем его отражения системой больших металлических зеркал, благодаря чему он был виден на расстоянии 50 — 60 км (22, с. 113 — 114). А во время Второй Пунической войны Архимед для отражения осаждавшего Сиракузы римского флота применил в 212 г. до н. э. зажигательное устройство из больших

вогнутых металлических зеркал и поджег сконцентрированным с их помощью в узкий пучок солнечным светом римские корабли, вынудив римлян отказаться от попытки взять Сиракузы штурмом и перейти к его длительной осаде.

Зажигательные зеркала под названием "ян суй", т. е. "солнечное ян", получают распространение в Китае еще при династии Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.). Согласно Г. Г. Стратановичу, эти зеркала отличаются от прочих наличием сильно вогнутой поверхности рефлекторной стороны, способной сфокусировать в узкий пучок лучи солнца, с помощью которого можно было поджечь паклю или трут (27, с. 71 — 73). О зажигательных зеркалах было известно и средневековым арабам, о чем можно судить по следующим словам известного прозаика XII в. Ибн Туфейля: "Если это зеркало вогнуто особенным образом, тогда, от чрезмерного скопления света, возникает в нем огонь". "Ведь свет всегда сопровождается жаром, так что, когда свет собирается в зажигательном зеркале, загорается предмет, находящийся против него" (6, с. 212, 209). Зажигательные зеркала благодаря их связи с солнцем и его живительным светом почитались в качестве божественных предметов (38, с. 314). Одно такое зеркало, к сожалению, без инвентарного номера, в связи с чем неизвестно, где и при каких обстоятельствах оно было обнаружено, хранится в фондах Иркутского областного краеведческого музея (рис. 4). Корпус зеркала круглый, диаметром 5,6 см. Держатель представляет собой радиально отходящую от края корпуса боковую ручку длиной 3,85 см. Рефлекторная сторона вогнута на глубину примерно 0,5 см от края гурта. Ее поверхность так и не была отполирована после отливки зеркала. На тыльной стороне его помещена надпись, состоящая из нескольких китайских иероглифов. Четыре из них, расположенные по бокам, читаются как "Фо цзянь чжэн се" — "Меч Будды да покарает нечисть", что свидетельствует о назначении этого зеркала для исполнения каких-то магико-религиозных обрядов. К сожалению, иероглифы, находящиеся в центральной части тыльной стороны зеркала, прочитать пока не удалось.

Акустические зеркала, по всей вероятности, не получили широкого распространения, так как известно описание, приведенное немецким исследователем Х. Дембером, только одного такого зеркала, обнаруженного в Китае в провинции Синьцзян. Оно состояло из двух бронзовых дисковидных пластин, спаянных по краю с соответствующих размеров бронзовым обручем, образующим гурт, в результате чего корпус зеркала получался полым. При этом одна из дисковидных пластин декорировалась и предназначалась для тыльной стороны, тогда как другая, тщательно отполированная, — для рефлекторной. Перед тем как обе дисковидные пластины припаять к обручу, к нему изнутри припаялись спаянные между собой на одном из концов две тонкие металлические пластинки, противоположные концы которых не соприкасались друг с другом и при вращении или встряхивании зеркала начинали вибрировать и издавать жужжащий звук. В полном корпусе этот звук, естественно, многократно усиливался. Считалось, что это был глас самого божества (41, с. 207).

Конденсаторные, или лунные, зеркала — чандраканта — вначале были известны в древней Индии, откуда они впоследствии попадают в Китай. С их помощью получали "сняющую воду", т. е., попросту говоря, ночную росу, используемую для приготовления священных жертвенных блюд (4, с. 49; 20, с. 200) и,

возможно, лекарственных снадобий, так как всему, что было связано с луной (а наиболее обильно роса выпадала лишь в лунные ночи), приписывались сверхъестественные свойства (4, с. 48). О конструкции и внешнем виде лунных зеркал найти что-либо в литературе не удалось. Вероятней всего, к этой категории принадлежит зеркало из одного бурятского дугана Красно-Чикойского района Читинской области¹. Оно состоит из двух частей — собственно зеркала и чашевидной подставки (рис. 5). Диаметр зеркала 11,9 см, ободок у него тонкий, в виде невысокого бортика, возвышающегося с внутренней стороны на 0,3 см. В центре тыльной стороны зеркала находится держатель из двух параллельных петелек, расположенных на расстоянии 2,3 см друг от друга. Между петельками и крестообразно вокруг них помещена рельефно выполненная на тибетском языке буддийская формула-заклинание "Ом мани падме хум" — "Да будет так, драгоценный камень-лотос". Вдоль ободка на небольшом от него удалении тонкими рельефными линиями обозначены два круга. С тыльной стороны зеркало слегка вогнуто, тогда как с рефлекторной, наоборот, равноценно выгнуто и имеет вид усеченного сфероида. Чашевидная подставка имеет вертикальную стенку высотой 0,9 см с небольшим в верхней части отклонением наружу. Диаметр чашевидной подставки в ее верхней части 12,6 см. Дно у нее плоское, с едва заметным уклоном к находящемуся в центральной части пирамидальному углублению с плоскими стенками. С внешней же стороны это углубление имеет вид четырехступенчатой пирамидки с плоской квадратной макушкой, столь характерной для мифической священной горы Сумер. Высота пирамидки 1 см, ширина основания 2,3 см. Пирамидку окаймляет окружность из узкого рельефного валика. Еще три подобные же окружности расположены вдоль внешнего края наружной стороны дна чашевидной подставки, а в зоне, заключенной между этими окружностями и окружностью вокруг пирамидки, выгравированы пользующиеся большой популярностью у ламаистов изображения "восьми драгоценностей", или "восьми эмблем славы" (5, с. 137 — 139) в следующем по ходу часовой стрелки порядке — зонтик, две золотые рыбки, белая раковина, лотос, сосуд, узел счастья, знамя победы, колесо закона. С помощью пирамидального выступа чашевидную подставку можно было прочно укрепить в земле, после чего в нее вкладывалось рефлекторной стороной вверх зеркало. В ясную лунную ночь, когда смена температуры воздуха происходит особенно резко, на рефлекторную сторону зеркала обильно осаждалась роса и, конденсируясь в капли, стекала по его сфероидной поверхности к краям зеркала и к стенкам чашевидной подставки, откуда капли росы затем стекали по дну в пирамидальное углубление. Только так, логически рассуждая, можно объяснить принцип работы этого сложного в конструктивном отношении зеркала.

Для обрядово-ритуальных целей могли использоваться все перечисленные выше категории зеркал, но наряду с этим для отправления некоторых обрядов требовались и специальные зеркала, а также их каменные и керамические копии, о которых речь уже шла выше.

¹ Это зеркало в свое время было доставлено студентами в Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, а в 1987 г. передано доцентом этого института Е. В. Ковычевым в распоряжение автора данной работы, за что автор выражает ему свою глубокую признательность. — Э. Ш.

Способность металлических зеркал отражать живительные и все очищающие лучи солнца, якобы непереносимые всякой нечистью, дало основание нашим предшественникам еще в глубокой древности использовать зеркала в качестве своеобразных оберегов. Считалось, например, что подвешенное на грудь или на спину обычное туалетное зеркало отгоняло отражаемыми им лучами солнца от человека злых духов и прочую нечисть (40, с. 11 — 12; 23, с. 297 — 298; 21, с. 19). Ту же функцию оно выполняло и будучи положенным на грудь усопшему (32, с. 90, 95; 14, с. 102) или в ларь с зерном (37, с. 123 — 124). Впоследствии для этих же целей стали отливать и специальные зеркала-обереги. К их числу, по мнению А. М. Хазанова, следует отнести медалевидные зеркала с боковым ушком-петелькой (32, с. 95), а также миниатюрные зеркала диаметром от 1,5 до 3 см (32, с. 96) или, во всяком случае, не более 4 см в поперечнике, так как в зеркала таких размеров трудно было разглядеть хотя бы большую часть лица, в связи с чем они были не пригодны для использования в качестве туалетных. Как отмечает этот же исследователь, миниатюрные зеркала не являются и детскими игрушками, поскольку они встречаются в основном в погребениях взрослых (32, с. 96). Столь же мало пригодными для использования в качестве туалетных из-за чрезмерного веса были и зеркала огромных размеров с диаметром корпуса от 24,1 см и больше. Они, судя по всему, были рассчитаны для стационарной установки, например, в буддийском храме перед ликом статуи Будды для получения с их помощью освященной воды (13, с. 1; 1, с. 209 — 210).

К обрядово-ритуальным вне всякого сомнения относятся и так называемые волшебные, или магические, зеркала (рис. 6). От туалетных они отличаются лишь более тонким корпусом, толщина которого в местах, где на тыльной стороне отсутствует рельефный рисунок, не превышает 2 мм. Такие зеркала обладают способностью давать в отраженном ими на какой-нибудь экран "зайчике" световые контуры имеющегося на их тыльной стороне рельефного рисунка. Суть этого явления, открытого в Китае еще в эпоху Западной Хань (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.), долгое время объяснить не удавалось. И лишь сравнительно недавно, когда мне посчастливилось приобрести отлитое в Японии в XVIII или XIX в. зеркало, рефлекторная сторона которого до сих пор дает отчетливое отражение, в результате тщательного его обследования и с учетом уже проделанной в этом же направлении работы других исследователей удалось установить, как все это получается. Оказалось, что весь фокус заключается в неравномерности остывания металла после отливки зеркала, во время которого более тонкие участки корпуса остывали значительно быстрее, чем те места, где находится рельефный рисунок. В результате между охлажденными и горячими участками металла и на поверхности рефлекторной стороны появляются невидимые невооруженному глазу микродеформации, довольно точно воспроизводящие контуры имеющегося на тыльной стороне рисунка. Под воздействием направленного под определенным углом рассеянного источника света, например, от фонаря, на отполированную поверхность рефлекторной стороны зеркала, микродеформации начинали проецировать контуры рисунка в отражаемом зеркалом "зайчике" (41, с. 203 — 207; 35, с. 91 — 93).

К волшебным зеркалам можно, очевидно, отнести и бронзовое зеркало работы знаменитого монгольского художника Занабазара (1635 — 1724 гг.). Согласно свидетельству монгольского ученого Б. Ринчена, которому довелось видеть это зеркало, стоило "посмотреть в него под определенным углом, и тогда появлялось отчетливое изображение богини Тары, так искусно выгравированное, что оно не было видно, если смотреть на зеркало прямо" (24, с. 26).

Естественно, что у людей, не посвященных в секрет технологии изготовления и принципа действия волшебных зеркал, все это вызвало чувство религиозного благоговения и даже страха, почему эти зеркала и получили название волшебных, или магических.

Ученые России провели большую и в целом плодотворную работу по классификации и определению этнокультурной принадлежности древних металлических зеркал (10; 13; 31; 34; 39). Однако разработанная ими классификация не может, к сожалению, быть использована применительно к средневековым зеркалам, отличающимся крайне большим разнообразием типобразующих признаков. Этого, естественно, не могли не учитывать исследователи средневековых зеркал. Правда, они, как правило, имеют дело с небольшими группами зеркал, причем зачастую сравнительно однотипными, в связи с чем предложенные ими классификационные схемы не могут отразить все присущие средневековым металлическим зеркалам типобразующие признаки. Некоторые же исследователи вообще слишком уж упрощенно подошли к решению данной задачи. К числу последних можно отнести, в частности, Г. Г. Стратановича, который в своей в целом весьма интересной и содержательной работе, посвященной анализу и классификации китайских бронзовых зеркал, подразделяет их, о чем уж говорилось ранее, на два основных типа — женские и мужские (27, с. 47 — 52, 78). Выше уже была дана критическая оценка неправомерности применения тех типобразующих признаков, на которые опирался этот исследователь, подразделяя китайские бронзовые зеркала на женские и мужские. Наряду с этим Г. Г. Стратанович подразделяет китайские зеркала по характеру декоративного оформления тыльной их стороны на четыре больших хронологических периода (27, с. 54, 78). Следует, однако, отметить, что им были учтены далеко не все виды декора китайских зеркал. Кроме того, некоторые представленные на них сюжеты, например, изображения двух карпов, появляются на китайских зеркалах не в ханскую эпоху (III в. до н. э. — III в. н. э.), как считает Г. Г. Стратанович (27, с. 58), а в танскую (VII — X вв.), и особенно широкое распространение получают в XI — XIV вв., причем уже не столько в собственно Китае, сколько в других странах, где карп чаще всего заменяется рыбами иных пород (36, с. 97 — 98; 42, с. 223 — 242).

В целом же, предложенную Г. Г. Стратановичем классификацию китайских бронзовых зеркал нельзя считать типологической, так как она строилась с учетом прежде всего функционального назначения зеркал и фактически без учета формы и конструкции их корпуса, держателей, ободка и т. п., без чего типологическая классификация немыслима.

Как и Г. Г. Стратанович, другой исследователь китайских бронзовых зеркал, Е. И. Лубо-Лесниченко, тоже подразделяет их по хронологическим признакам на группы, но уже не на четыре, а на шесть, и на основании

имеющихся на их тыльной стороне декоративно-изобразительных композиций — на соответствующие типы и подтипы (19, с. 7 — 8). Хотя разработанная Е. И. Лубо-Лесниченко классификация металлических зеркал имеет больше оснований считаться типологической, однако, как и классификация Г. Г. Стратановича, она строилась из предпосылки, что время отливки исследуемых зеркал уже более или менее установлено. Но в таком случае предложенная им классификация по сути дела теряет свой смысл, поскольку ее назначение как раз и состоит в том, чтобы с ее помощью определить время и по возможности место изготовления исследуемых зеркал.

Согласно формально-типологической классификации зеркал, разработанной Г. А. Федоровым-Давыдовым, последние подразделены им "по орнаментальным мотивам как характерной черте, определяющей происхождение зеркала или его прототипа", на отделы, а по форме корпуса, его диаметру, а также по форме держателя — на типы (30, с. 78). Примерно такой же схемы придерживается и Б. А. Литвинский (15, с. 75 — 98).

Большой интерес представляет разработанная Т. М. Кузнецовой формально-типологическая классификация скифских зеркал, которая в какой-то степени может быть применена и к средневековым зеркалам. В зависимости от конструкции зеркал Т. М. Кузнецова подразделяет их на классы, а по материалу, из которого изготовлены держатели, — на группы. Кроме того, по расположению держателей относительно корпуса зеркала каждого класса она распределяет их на отделы, по форме держателей — на варианты (10, с. 35). К сожалению, Т. М. Кузнецова, классифицируя скифские зеркала, не учла такой важный типобразующий признак, как декор на тыльной стороне их корпуса, что, естественно, значительно снижает возможность более точного определения времени и места изготовления исследуемых зеркал.

Рассмотренные выше формально-типологические классификации древних и средневековых металлических зеркал не отражают всего многообразия присущих им типобразующих признаков. В самом деле, в процессе длительного эволюционирования металлические зеркала многократно видоизменялись даже в пределах одного небольшого региона не только с точки зрения разнообразия используемых для их изготовления металлов, конструкции зеркал, но также форм и размеров корпуса, держателей, ободка, а главное — характера декора, в результате чего в настоящее время древние металлические зеркала представлены огромнейшим числом типов.

При сложившемся положении дел становится очевидной необходимость разработки такой формально-типологической классификации, благодаря которой было бы учтено по возможности как можно большее число типобразующих признаков. Вместе с тем, учитывая возможность обработки данных о древних и средневековых зеркалах на ЭВМ, каждую из классификационных ступеней вместе с составляющими их типобразующими признаками следует снабдить соответствующим цифровым кодом.

Всего, если учитывать все присущие зеркалам типобразующие признаки, набирается восемь классификационных ступеней: категория, группа, разряд, класс, подкласс, отдел, вид, подвид. В закодированном виде данные по всем восьми классификационным ступеням дают в итоге тип. Но поскольку исследователю в основ-

ном приходится иметь дело с категорией туалетных зеркал и в какой-то мере обрядово-ритуальных, которые, кстати, в своем подавляющем большинстве принципиально мало чем отличаются от туалетных, то отсюда можно сделать вывод о нецелесообразности в таких случаях кодировки данной классификационной ступени для ЭВМ. То же самое следует сказать и о классификационной ступени "группа", так как все древние туалетные зеркала, если не считать эпоху неолита, металлические, причем преимущественно бронзовые или латунные и крайне редко серебряные, железные, золотые и суберативные, т. е. содержащие в качестве основы корпуса иной, чем снаружи, металл. Зеркала из камня, глины или свинца, не являющиеся к тому же туалетными, настолько редко встречаются, что при их описании это обстоятельство всегда можно будет специально ого-

ворить заранее. Если же среди анализируемых зеркал нет миниатюрных и крупных, относящихся, как уже указывалось выше, к категории обрядово-ритуальных, то в этом случае также нет особой необходимости учитывать данную классификационную ступень.

Закодированные с помощью цифровых кодов зеркала по классификационным ступеням со временем можно будет распределить на соответствующие культурно-хронологические колонки, по которым, используя ЭВМ, сравнительно легко будет хотя бы приблизительно определить время и место изготовления практически любого зеркала. В дальнейшем, по мере накопления фактических данных, время и место изготовления анализируемых зеркал будет, естественно, уточняться и корректироваться.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митунов Г. Ц. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX веков. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. — 235 с.
- ² Джарылгасинова Р. Ш. Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. — С. 343 — 349.
- ³ Дьяков В. И. Глиняное "зеркало" из Приморья // Советская археология. 1985. № 3. — С. 152 — 155.
- ⁴ Евсюков В. Нефритовый заяц-луна // Азия и Африка сегодня. 1987. № 1. — С. 47 — 49.
- ⁵ Жуковская Н. Л. К вопросу о семантике некоторых предметов ламаистского культа // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 61). Л.: Наука, 1987. — С. 137 — 148.
- ⁶ Ибн Туфейль. Повесть о Хайе Ибн Якзане // Средневековая андалусская проза. Перевод с арабского. М.: "Худож. литература", 1985. — С. 197 — 275.
- ⁷ Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. М.: Наука, 1982. — 232 с.
- ⁸ Казамина Л. Н. Введение в античную нумизматику. М.: Изд. МГУ, 1969. — 302 с.
- ⁹ Кирсанов С. И. Зеркала. М.: "Советский писатель", 1972. — 247 с.
- ¹⁰ Кузнецова Т. М. Зеркала из скифских памятников IV — III вв. до н. э. (Классификация и хронологическое распределение) // Советская археология. 1987. № 1. — С. 35 — 47.
- ¹¹ Кузнецова Т. М. О терминах для описания зеркал из скифских памятников // Советская археология. 1987. № 2. — С. 18 — 30.
- ¹² Кюнер П. В. Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры, в связи с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке. Ч. 1. Владивосток, 1909. — 249 с.
- ¹³ Лаврова М. Китайские зеркала Ханьского времени. (Из собрания Русского музея) // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 1. М., 1927. — С. 1 — 14.
- ¹⁴ Литвинский Б. А. Зеркало в верованиях древних ферганцев // Советская этнография. 1964. № 3. — С. 97 — 104.
- ¹⁵ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978. — 216 с., ил.
- ¹⁶ Лобачёва Н. П. Свадебный обряд хорезмских узбеков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 34. М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 39 — 48.
- ¹⁷ Лобачёва Н. П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. — С. 298 — 333.
- ¹⁸ Лубо-Лесниченко Е. И. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II — XVI вв.) // Страны и народы Востока. Вып. 8. М.: Наука, 1969. — С. 70 — 78.
- ¹⁹ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. — 165 с., ил.

- ²⁰ Малявин В. В. Чжуан-цзы. М.: Наука, 1985. — 309 с.
- ²¹ Мифы древних даосов // За рубежом. 1987. № 20 (1401). — С. 18 — 19.
- ²² Нейхардт А. А., Шишова И. А. Семь чудес древней Ойкумены. М.: Наука, 1990. — 128 с.
- ²³ Пэй Син. Куньлуньский раб // Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII — IX вв.). М.: "Худож. литература", 1970. — С. 296 — 302.
- ²⁴ Ринчен Б. Улыбка Тары // Монголия. 1989. № 1. — С. 25 — 28. .
- ²⁵ Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М.: Наука, 1979. — 359 с.
- ²⁶ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. — 336 с.
- ²⁷ Стратанович Г. Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточноазиатский этнографический сборник. Вып. 2. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 23). М.: Изд. АН СССР, 1961. — С. 47 — 78.
- ²⁸ У Миншэн. Хунань Чанша Си Хань му цинли цзяньбао (Краткое сообщение о взятии на учет могилы эпохи Западная Хань в Чанша пров. Хунань) // Каогу тунсюнь. 1957. № 4. — С. 30 — 32. (На кит. яз.).
- ²⁹ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М.: "Радио и связь", 1982. — 328 с.
- ³⁰ Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд. МГУ, 1966. — 274 с., ил.
- ³¹ Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. 1963. № 4. — С. 58 — 71.
- ³² Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // Советская этнография. 1964. № 3. — С. 89 — 96.
- ³³ Чжоу Шижун. Чанша дун цзяо Лян Хань му цзянь цзе (Краткое описание могил периода Обеих Хань в восточном предместье Чанша) // Каогу. 1963. № 12. — С. 684 — 685. (На кит. яз.).
- ³⁴ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. — 299 с.
- ³⁵ Чэнь Пэйфэнь. Си Хань тоу гуан цзин цзи ци мони шиянь (Светопроницаемые зеркала Западной Хань и опыт их копирования) // Вэньу. 1976. № 2. — С. 91 — 93. (На кит. яз.).
- ³⁶ Шавкунов Э. В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. — С. 93 — 110.
- ³⁷ Шавкунов Э. В., Болдин В. И. Орудия обработки зерна и способы его хранения у чжурчженей // Советская этнография. 1976. № 1. — С. 118 — 124.
- ³⁸ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. — 608 с.
- ³⁹ Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 60. М.: Изд. АН СССР, 1959. — С. 323 — 523.
- ⁴⁰ Шимкевич П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Записки Приамурского отдела имп. Русского географического общества. Т. 1, вып. 2. Хабаровск, 1896. — 133 с., ил.
- ⁴¹ Dember H. Ostasiatische Zauberspiegel // Ostasiatische Zeitschrift. Neue Folge, 9, No. 6. Berlin und Leipzig, 1933. — S. 203 — 207.
- ⁴² Fodor I. Újabb adatok a Bánkúti sír értékeléséhez // Folia archaeologica. T. XXIII. Budapest, 1972. — 223 — 242.

МАГИЯ ЗЕРКАЛ

"Человек смотрит на юг, а видит север" (44, с. 293). Эти слова из корейской загадки как нельзя точнее характеризуют свойство зеркал показывать видимый в них мир в обратном отражении. С подобным явлением человек столкнулся уже в глубокой древности, когда еще не было зеркал. Глядя в стоячую воду, человек не мог не заметить, что его отражение предстает перед ним в необычно перевернутом положении, когда левая рука каким-то непостижимым образом оказывалась на месте правой, а правая — соответственно на месте левой. Поскольку же отражение в воде не поддается, подобно тени, ни осязанию, ни обонянию и, следовательно, не имеет материальной сущности, то из этого факта был сделан единственно логичный для того времени вывод, что человек видит в воде, в которой, кстати, он не мог жить, не отражение своей плоти, а свою душу, своего духа (96, с. 219), принявшего его, человека, обличье, причем, как еще сравнительно недавно в это верили корейцы, полностью копировавшего все характерные для данного индивидуума черты (86, с. 229). А так как вода является местом обитания духов, то из этого следовало также, что она служила входом в потусторонний мир, т. е. в мир мертвых, в связи с чем в мифологической традиции некоторых народов умыть водой лицо было равнозначно понятию "умереть" (55, с. 19).

В связи с сказанным небезынтересно будет отметить, что в Китае еще в первых веках нашей эры существовал особый художественный прием, символизирующий потусторонний мир, царство Тьмы и Смерти, в соответствии с которым левая сторона в изображениях покойного рисовалась как правая и наоборот. Символом приобщения к потустороннему миру служил и недавно бытовавший в Китае обычай облачать покойного в халат, запахнутый на другую, чем у живых сторону (94, с. 33 — 34). Такой же обычай существовал и в Японии (193, с. 55).

Впоследствии представления, связанные с отражением в воде, были перенесены и на отражение в зеркале. Не случайно же среднеазиатские шаманы, "призывая духов, смотрели в зеркало или в чашку с водой" (64, с. 96), а по представлениям бурятских шаманистов зеркало служило символом души (18, с. 194, 197). Все это способствовало тому, что наши далекие предшественники со временем стали воспринимать зеркало в качестве своеобразного окна в заселенный духами потусторонний мир.

Вместе с тем еще в ту далекую эпоху, когда человек впервые освоил плавку и производство необходимых ему изделий из металла, он заметил, что эти изделия, будучи начищенными до ослепительного блеска, способны не только отразить, подобно стоячей воде, его облик, но при ясной погоде своим сверканием вполне могли поспорить с самим солнцем. Это обстоятель-

ство и послужило причиной того, что первые металлы — золото, серебро, медь, а позже и бронза, которые человек научился использовать в своих интересах, вскоре стали ассоциироваться им с блеском молнии, огня, небесных светил (6, с. 71) и прежде всего с сиянием солнца. Не случайно же первые металлические зеркала почти повсеместно получили по аналогии с солнцем форму круглого диска. При этом на зеркала были перенесены все те сакральные свойства, которыми якобы обладало наше светило — источник тепла, света и жизни на земле, за что, собственно говоря, оно и было возведено многими народами мира в ранг верховного божества.

Благодаря способности зеркал отражать свет божественного солнца их стали наделять особой магической силой, могущей, с одной стороны, рассеивать тьму и тем самым изгонять затаившуюся в ней нечисть, а также, согласно поверью даосских монахов, высветлять природу всех существ (57, с. 202) и отгонять демонов, отражая "в себе их подлинный ужасный образ, а не тот обманный облик, который они принимают, преследуя человека" (47, с. 1), а с другой — оказывать благотворное влияние на произрастание растений и размножение животных, на здоровье человека, а следовательно, на увеличение продолжительности его жизни.

Стремясь усилить магическую силу зеркал, древние мастера помещали на их тыльной стороне различные орнаменты и рисунки, заключавшие в себе выраженные в аллегорической форме пожелания изобилия, жизненной силы, здоровья, большого потомства, долголетия и т. п. С появлением письменности рисунки нередко стали заменять благопожелательными надписями-заклинаниями.

Таковы две главные мировоззренческие концепции, которые с самого начала легли в основу подавляющего большинства магико-религиозных обрядов, предполагавших обязательное применение в них зеркал.

С первой, более древней концепцией, согласно которой зеркала являлись своеобразным окном в потусторонний мир, в мир духов и тьмы, связаны шаманские обряды выявления вредящих человеку злых духов с тем, чтобы путем соответствующего камлания изгнать или уничтожить их. Недаром, согласно М. Б. Кенину-Лопсану, одним из важнейших атрибутов тувинских шаманов и самым могущественным фетишем являлось шаманское зеркало — кузунгу ээрен, которым никто, кроме шамана, не имел право владеть. Великие, т. е. наиболее сильные шаманы владели девятью, а то и двенадцатью зеркалами сразу. Считалось, что шаманские зеркала небесного происхождения, и поэтому они являлись "главными помощниками шамана при лечении больных, страдающих головной болью или парали-

чом, поскольку источником этих болезней мыслилось небо" (38, с. 56).

Хотя отливкой зеркал из бронзы обычно занимались по заказу тувинских шаманов кузнецы, однако сами шаманы утверждали, что достали эти зеркала "с высоких небес", причем, как правило, на месте старого русла реки или в лощине возле скал. Там эти зеркала, по утверждению тувинских шаманов, весело играют, то поднимаясь, то опускаясь по стволу могучей лиственницы. Поймать его можно только при помощи особого камлания, во время которого зеркало сперва останавливается в воздухе, а затем под звуки бубна и мелодию шаманской песни начинает медленно спускаться на землю. Интересно, что к месту, где якобы "играет" зеркало, шаман никого не подпускал. Эта мера предосторожности не была излишней, так как никаких парящих в воздухе зеркал в действительности не было и не могло быть. Все это искусно инсценировалось шаманом с целью приобретения в глазах простых людей еще большего авторитета. Как только зеркало под воздействием шаманского камлания опускалось на землю, его без промедления, иначе оно вновь могло взмыть в воздух, надо было накрыть чистым платком или кадаком — специальным шелковым полотнищем, подносившимся в дар как знак приветствия и уважения. Считалось, что шаману, обладавшему "пришедшим с неба" зеркалом, была подвластна любая болезнь.

В юрте шамана зеркало занимало самое почетное место — его закрепляли шелковым платком на жерди, поддерживавшей войлочное перекрытие и располагавшейся за очагом напротив входа, между сундуками и кроватью.

Собираясь по вызову к больному, шаман заворачивал зеркало в белую ткань и клал его за пазуху. Некоторые шаманы носили зеркало подвешенным к поясу в специальном войлочном мешочке. Такое бережное отношение к зеркалу вызвано не только его большой ценностью, но и стремлением предохранить от случайного прикосновения к нему посторонними людьми, видимо, чтобы сохранить его сакральную чистоту и силу. По прибытии шамана к больному, последний в зависимости от достатка должен был прикрепить к расположенному на тыльной стороне зеркала петельчатому держателю шелковые платки или ленточку длиной в 15 — 20 см из козлиной кожи. Необходимым дополнением шаманского зеркала считались кадаки из голубого или сине-голубого шелка с нарисованными на них фигурами людей. Прикрепление их к зеркалу называлось "освящением зеркала".

За зеркалом полагался уход как за живым существом: по утрам жена шамана или сама шаманка брызгла деревянной ложкой свежий чай в сторону зеркала, вечером шаман ставил перед ним самодельную свечу. В юрте больного зеркало "угощали" вареным курдюком специально заколотого для этой цели барана. Кроме того, жене больного, а если больной оказывалась хозяйка юрты, то ее близкой родственнице полагалось брызгать чаем и каждое утро устраивать кормление зеркала, заключающееся в том, что перед зеркалом ставилась посуда с налитым до краев свежим чаем, отчего зеркало приобретало якобы новую силу и чистоту.

Перед началом камлания шаман проводил обряд оживления зеркала, окуривая его дымом горящего на плоском камне можжевельника.

Лечение больного с помощью зеркала чаще всего заключалось в том, что шаман высоко поднимал над

головой завернутое в ленты зеркало с имеющимся на его тыльной стороне изображением двенадцати животных восточного календаря, а затем, не глядя, указательным пальцем касался одного из животных, после чего из бумаги, бересты или мягкой древесины делалось его изображение, которое должно было помочь шаману победить злого духа — виновника болезни.

Иногда с целью определения характера болезни шаман обводил зеркалом вокруг какого-нибудь внутреннего органа больного, например, вокруг печени. Определив таким способом характер заболевания, шаман вешал зеркало на самое почетное место в юрте и, произнося соответствующие заклинания, прогонял злых духов, тщательно подметая метелкой из красного каргання место, где находился больной.

Некоторые тувинские шаманы бросали на рефлекторную сторону зеркала четыре атрофированные лодыжки от правых ног кабарги и по их положению определяли, чем болеет человек и какова будет его дальнейшая судьба.

Во время камланий шаман, как правило, восхвалял свое зеркало, его сверхъестественное происхождение и заключенную в нем силу, способную сокрушить любого злого духа, выбив ему зубы и сломав хребет.

Когда шаман умирал, то в его юрте оставлялись только принадлежавшие ему изображение духа-сироты и зеркало, но если среди его наследников не оказывалось шамана, то в этом случае зеркало следовало также отнести на могилу покойного, откуда оно вновь должно было взлететь на небо (38, с. 22, 56 — 62, 83).

С представлением о том, что зеркала являются окном в потусторонний мир духов, связано широко распространенное у разных народов поверье, в соответствии с которым при наличии в доме покойного необходимо было закрыть все находящиеся там зеркала полотенцами или тканью, либо же повернуть рефлекторной стороной к стене. Это делалось для того, чтобы отраженная в зеркале душа покойного не могла увидеть находящихся в доме людей и увести с собой их души в потусторонний мир (20, с. 680; 22, с. 344; 6, с. 357; 96, с. 220). Более того, больным также не рекомендовалось смотреться в зеркало, так как считалось, что "во время болезни, когда душа может легко улететь, ее особенно опасно выпускать из тела через отражение в зеркале" (96, с. 220).

Вера в возможность установления с помощью зеркал прямых контактов с божествами и духами, от которых якобы зависели судьбы людей, породила со временем представление, будто при их содействии в зеркале "отражаются деяния людей, как добрые, так и дурные, и оно имеет возможность узнавать истину" (102, с. 12) и предсказывать тем самым судьбу. Не случайно же зеркала чаще всего связаны "с действиями прорицания, предсказаний, предвидения и колдовством" (19, с. 218).

В связи с сказанным интересно будет обратить внимание на тот факт, что на многих этрусских зеркалах имеются изображения различных женских божеств, большинство из которых помимо прочего считались еще богинями судеб (66, с. 196). Согласно же поверьям древних иранцев и греков, зеркало обладало способностью "отражать целый мир и предсказывать прошлое и будущее" (71, с. 22). Сохранилось и описание того, как древние греки использовали зеркало при гадании: "Перед святилищем Деметры есть источник... Тут практикуется верный способ гадания не по всем вопросам, а только по вопросам здоровья. Сюда опускают зеркало,

привязав его на тонкую веревку, и, опуская его прямо, стараются не погружать его глубоко в источник, но так, чтобы вода только касалась ободка зеркала. Затем, помолившись богине и совершив воскурение фимиамом, смотрят в зеркало. И оно показывает им болящего живым или мертвым — настолько правдива эта вода" (71, с. 23).

Зеркало было одним из неперенных атрибутов Чойчжала — повелителя загробного судилища у ламаистов Тибета и Монголии, с помощью которого он узнавал истину, т. е. высвечивал "ложь и правду в исповеди грешной души" (19, с. 217 — 218). Подобный же повелитель ада с волшебным Зеркалом Душ, от которого "не скроется ни одно прегрешение", существовал в пантеоне японских буддистов (27, с. 55 — 57, 3-я стр. обложки, рис. 4). Чтобы очистить тело и душу покойного от грехов, прежде чем его душа предстанет перед Чойчжала, бурятские ламаисты сжигали выложенное из зерен на зеркале-толи изображение скорпиона, символизирующего грехи умершего (18, с. 203).

Происхождение поверья о способности зеркал предсказывать судьбу человека связано, по образному выражению В. И. Сарияниди, с тем, что "зеркало, отражая человеческий образ владельца, тем самым отражает и его возрастные изменения, ведущие к старению и в конечном счете к смерти" (83, с. 293), как бы предсказывая этим его дальнейшую судьбу. Такое свойство зеркал давно было подмечено нашими далекими предшественниками, о чем можно судить по отрывку из стихотворения "Подносыя вино", написанного Ли Бо (701 — 762 гг.) — знаменитым китайским поэтом эпохи династии Тан:

*Неужто вы не видите, друзья,
Как в царственных покоях зеркала
Скорбят о волосах — они вчера
Чернее шелка были,
А ныне стали снегом? (41, с. 101).*

Подобные представления о зеркалах существовали и значительно позже.

Так, в одной средневековой китайской новелле говорится о том, что недалеко от города Цзиси в Хуэйчжоу имеется гора под названием "Каменное зеркало". "Все четыре стены ее отвесны. Одна из них гладко обтесана и напоминает ширму, цветом темна и до того блестяща, что в нее можно глядеться, словно в зеркало. По преданию, в стене можно увидеть свой облик в будущей ипостаси" (107, с. 108).

О чудесном свойстве зеркал отражать все, что происходит в данный момент с другим человеком, говорится в одной из новелл известного китайского прозаика XVII в. Пу Сунлина "Зеркало Фэнсянь" (73, с. 444), а также в некоторых русских сказках (89, с. 490).

В поэме таджикско-персидского поэта XV в. Абдурахмана Джами "Саламан и Абсаль" говорится о том, как шах, узнав об исчезновении своего сына, прибегает к помощи чудесного зеркала, "все отражающим в мире поднебесном", и находит сына, уединившегося с возлюбленной на далеком острове (24, с. 42).

В поэме Алишера Навои "Фархад и Ширин" упоминается магическое зеркало Искандера (Александра Македонского), состоявшее, как отмечает К. А. Кедров, из двух половин. Одна его половина хранилась в хрустальном ларце, который Фархад находит в сокровищнице своего отца. На этой половине зеркала была надпись:

*"Вот зеркало, что отражает мир:
Оно зенит покажет и надир".*

Но чтобы что-либо увидеть в этом зеркале, необходима была его вторая половина, хранившаяся в замке владычества тьмы Ахримана под охраной дракона. Когда Фархад, убив дракона и Ахримана, попадает в этот замок, он находит там

...небольшой, от прочих обособленный покой.

*Он вокруг себя сиянье излучал,
Загадочностью душу обольщал.
Фархад вошел. Предчувствием влеком,
Увидел солнце он под потолком, -
Нет, это лучезарная была
Самосветящаяся пиала!
Не пиала, а зеркало чудес, -
Всевидящее око, дар небес!
Весь мир в многообразии своем,
Все тайны тайн отображались в нем;
События, дела и люди — всё
И то, что было, и что будет, всё.
С поверхности был виден пуп земной,
Внутри вращались сферы до одной (37, с. 24 — 25).*

Нельзя в этой связи не вспомнить и "Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях" А. С. Пушкина, в которой говорится о том, что у одного царя жена родила дочь, но вскоре после этого умерла. Погоревав, царь через год женился снова. Новая жена была очень красивой, умной, но в то же время своенравной и ревнивой. Среди ее приданого находилось зеркальце, обладавшее способностью говорить. И лишь с этим зеркальцем царица была

*Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
"Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?"
И ей зеркальце в ответ:
"Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее".
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.*

Между тем подрастала и с каждым днем хорошела падчерица-царевна. Наконец, наступил день, когда на очередной вопрос царицы зеркальце вдруг ответило ей:

*"Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее".
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
"Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.
...
Признавайся: всех я краше.*

*Обойди все царство наше,
Хоть весь мир; мне равной нет.
Так ли?" Зеркальце в ответ:
"А царица все ж милее,
Все ж румяней и белее" (76, с. 443 — 444).*

Зеркала, обладавшие способностью отвечать на задаваемые вопросы, упоминаются и в русских народных сказках (90, с. 108 — 109, 346 — 347).

Существовало также поверье, что некоторые зеркала обладали свойством показывать лица людей намного краше, чем это было в действительности. Очевидно, это поверье основано на том, что с помощью зеркала и косметики человек мог значительно улучшить свой внешний вид. О таком поверье говорится в повести И. А. Крылова "Каиб". Как явствует из ее текста, у одного восточного государя, которого звали Каиб, был великолепный дворец с огромными зеркалами из чистой стали внутри него. Но не размерами славились эти зеркала, а тем, что "имели дар показывать вещи в тысячу раз прекрасней, нежели они есть" на самом деле. "Старик видел себя в них молодым красавцем, изветшавшая кокетка — пятнадцатилетнюю девушку, урод — пригожим, а разгильдяй — ловким. Со всем тем Каиб никогда в них не смотрелся, а держал для одних своих придворных, и то для того, чтоб забавляться, видя, как отвратительные лица перед сими зеркалами спорят о своей красоте и заводят ссоры" (46, с. 369).

Все эти поверья способствовали широкому применению зеркал в мантике, т. е. в гаданиях. В художественной литературе прошлого сохранились описания некоторых способов гадания с помощью зеркал. Один из таких способов, применявшийся русскими, довольно подробно описан В. А. Жуковским в балладе "Светлана". Дело происходило "в крещенский вечерок", когда девушки гадали о своих суженых. И лишь одна из них, Светлана, не принимала участия в общем веселье, опечаленная длительным отсутствием каких-либо весточек от возлюбленного. Чтобы узнать, где он и что с ним случилось, Светлана прибегает к гаданию при помощи зеркала. Дальнейшие события в несколько сокращенном виде разворачивались следующим образом:

*Вот в светлице стол накрыт белой пеленою;
И на том столе стоит зеркало с свечою;
Два прибора на столе. "Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле в полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор ужинать с тобою".
Вот красавица одна; к зеркалу садится;
С тайной робостью она в зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем чуть лиеет сиянье...
...
Подпершись локотком, чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит; за ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит яркими глазами...
...
Оглянувшись... милый к ней простирает руки...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.
Где ж?.. у зеркала одна посреди светлицы;*

*В тонкий занавес окна светит луч денницы;
Шумный бьет крылом петух, день встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух смутен сновиденьем.
"Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он — горькую судьбину... (32, с. 51 — 57).*

Русские девушки верили также, что при помощи зеркал можно было якобы узнать о том, кто будет их суженым. "Гадают до полуночи в такой избе, в которой нет народа или в которой все спят. Крест снимают, волосы распускают, все пуговицы расстегивают; говорить во время гадания нельзя. Самое главное состоит в следующем: берут два зеркала, устанавливают их так, чтобы было видно зеркало в зеркале, и смотрят в одно зеркало, не мигая глазами. В зеркале начнет появляться изображение суженого: сначала покажутся волосы (или шапка), потом голова, дальше плечи, грудь и т. (ак) д. (алее). Когда изображение дойдет до пояса, его нужно зааминить (сказать: "аминь, аминь"), иначе суженый может выпрыгнуть из зеркала и причинить несчастье" (70, с. 136).

Народное поверье гласит, "что новогодние и святочные гадания всегда сбываются. Гадать начинают в ночь под Рождество. Наиболее благоприятны для предсказаний и пророчеств так называемые святочные дни — от рождественской ночи до Крещения Христа (19 января). Гадать... нужно в период между двенадцатью и тремя часами, когда все живое на земле спит, и миром правит темная колдовская сила. Считается, что в ворожбе помогают "нечистый" и те, кто часто занимается гаданиями, по мнению церкви, — большие грешники. Но в Святки разрешается многое, в том числе и гадания". (15).

Для гадания "берется два зеркала... — одно большое, второе маленькое. Ставятся одно супротив другого так, чтобы в большем отражалась бесконечная зеркальная галерея. По бокам от зеркал ставишь в стаканах, наполовину наполненных солью, две зажженные свечи. В комнате должно быть тихо, темно, и ты должна быть совершенно одна. Оглядываться нельзя — случится несчастье. В полночь ты начинаешь гадать — с распушенными волосами и без пояса. Через несколько минут, всматриваясь в большое зеркало, ты увидишь, что по галерее к тебе идет суженый. И как только он подойдет так близко, что ты сможешь рассмотреть его лицо, нужно сказать "Чур меня!" и опрокинуть маленькое зеркало. А не успеешь — из большого... высунется черт, да... отнесит оплеуху!.. И будешь потом ходить с красным пятном на щеке до тех пор, пока милого не встретишь" (15).

Как отмечает один из живших в прошлом столетии знатоков русской обрядности М. Забылин, гадание при помощи зеркал о суженом было скорее всего заимствовано русскими у какого-то другого народа (80, с. 24). Гадание, по его словам, "всегда сопряжено с тишиной и молчанием, а вместе с тем с безлюдностью, для чего избирается ночь". Этот исследователь перечисляет три способа гадания при помощи зеркал, каждое из которых отличается друг от друга незначительными деталями.

При первом способе зеркало ставят в темной комнате на стол перед зажженной свечой. Гадающей девушке следует смотреть в зеркало через свечу до тех пор, пока не покажется образ суженого. Как только она скажет "чур меня", видение исчезнет.

При втором способе, наиболее популярном в Сибири, используются два зеркала. Перед одним из них, находящемся на столе, ставят две свечи, а второе устанавливают против первого. Гадающая девушка садится между ними лицом к зеркалу на столе, очерчивает вокруг себя предварительно подожженной от зажженного в сочельник огня лучиной и начинает внимательно глядеть в стоящее перед ней зеркало. Как только в зеркале покажется образ смотрящего через плечо девушки суженого, необходимо, не оглядываясь, вовремя зачураться.

При третьем способе берут два (желательно больших и одинаковой величины) зеркала и устанавливают их одно против другого, освещая их по бокам двумя свечами одинаковой высоты. Лучшее всего, когда одно зеркало висит на стене, а второе, находящееся в руках гадающей девушки, направлено на первое таким образом, чтобы в нем образовался из отражений зеркал длинный освещенный огнями коридор. При этом желательно, чтобы зеркала были чистыми, без пузырей и других дефектов. Необходимо также удалить из комнаты собак, кошек, птиц и посторонних лиц, оставив лишь одну или две также заинтересованных в результатах гадания девушке, но они не должны смотреть в зеркало, подходить к гадающей девушке и разговаривать. Гадающая девушка должна пристально и неподвижно смотреть в самый конец образовавшегося из отражений двух зеркал коридора, и тогда вскоре перед ее взором зеркало начинает как бы тускнеть, свет свечей становится расплывчатым, а вслед за этим появляются и различные видения, о которых разрешается сообщать присутствующим вслух (80, с. 23 — 25).

Существуют еще несколько способов гадания при помощи зеркал, отличающихся от вышеописанных незначительными деталями: "Ставят два зеркала: одно — большое, другое — поменьше, обращенное одно к другому лицевой стороной; меньшее зеркало должно быть ближе к гадающему. Между зеркалами ставят две свечи и смотрят через верх меньшего зеркала. Получается длинный коридор, мало-помалу темнеющий в глубину. В эту глубокую часть устремляют взгляд и через некоторое время начинают видеть там различные предметы, по которым и определяют будущее. Лучше гадать в нежилом помещении или на чердаке, с распущенными волосами и без пояса. Вначале говорят: "Суженый-ряженый! Приди ко мне ужинать!" Рано или поздно в зеркале появляется суженый. Тогда нужно сказать: "Чур меня!" Видение исчезнет. Если не успеешь этого сделать, суженый может выпрыгнуть из зеркала, и тогда произойдет несчастье" (23, с. 10).

"На стол ставят графин с водой, с трех сторон от него зажженные свечи, а за ним — зеркало, и смотрят в зеркало через графин. Что увидят в зеркале, то и сбудется" (23, с. 10).

Известен еще один способ гадания о суженом. "На ночь девица кладет матери под изголовье сковороду, а себе полотенце, гребень и зеркало. Ночью уже на рассвете суженый приходит к теще есть блины, а к девице, т(о) е(сть) будущей жене, утираться и причесываться" (70, с. 137).

Русские девушки применяли зеркало и в тех случаях, когда им надо было приворожить к себе любимого. Для этой цели они брали приворотный корень Ибрагим или корень травы кукоос, клали его на зеркало и, смотря в него, приговаривали: "Как смотрюсь в зерка-

ло, да не насмотрюсь, так бы (такой-то) на меня не насмотрелся" (80, с. 409).

Приговаривали еще при привораживании и так: "Как люди смотрятся в зеркало, так бы муж смотрел на жену да не насмотрелся; а мыло сколь борзо смоеется, столь бы скоро муж полюбил; а рубашка какова на теле бела, столь бы муж был светел" (23, с. 10).

Чтобы узнать, сколько будет детей, русские девушки брали зеркало и наводили на него месяц. "Сколько в зеркале получится лунных отражений, столько, будто бы, у гадающей девицы будет по выходе ее замуж и детей" (70, с. 141).

В Китае применялся способ гадания, известный под названием "зеркалом слушать", о котором, кстати, упоминается в новелле Пу Сунлина "Зеркало слушает" (73, с. 473 — 477). Суть этого гадания заключается в том, что "берут древней выделки медное зеркало, кладут его в парчовый мешок, уединяются в кухню и там, обращаясь к духу очага и держа обеими руками зеркало, семь раз творят следующее заклятие:

*Тот же свет и та же красота...
И со мной случись удача та!*

Затем выходят (на улицу. — Э. Ш.) и подслушивают человеческие речи, чтобы определить, будет ли удача или горе. В дальнейшем продолжают еще и так: закрывают глаза и делают семь шагов, куда идет. Открывают глаза, наводят зеркало. И то, что в нем отразится, сводят (т. е. сравнивают. — Э. Ш.) с только что подслушанными словами" (73, с. 566). По другим данным, на улицу выходят "слушать зеркалом" в направлении, указанном ручкой плавающего в тазу ковша, и при этом стараются запомнить первые услышанные слова чьей-либо речи (11, с. 454, цзинтин), чтобы по ним уже предсказать свое будущее.

Схожий способ гадания подслушиванием под окнами разговора в доме, по содержанию которого пытались предсказать свою судьбу, был когда-то очень популярен среди русских девушек, правда, без применения зеркал. Еще русские девушки ходили на перекресток и слушали, с какой стороны раздастся шум или лай собаки, а значит, в какую сторону им предстоит уехать из отчего дома (21, с. 204; 22, с. 346 — 347).

Интересно отметить, что у русских с зеркалами в основном связаны лишь дурные приметы и суеверия: "Зеркало разбить — к худу" (20, с. 680; 22, с. 342); "Тянуться на зеркало, есть перед зеркалом — худоба нападет, иссохнешь" (20, с. 681); "Ребенку не показывать зеркало, чтоб не был пуглив" (22, с. 352). Все это свидетельствует о том, что большинство представлений о зеркалах у русских было связано с первой, т. е. наиболее древней мировоззренческой концепцией, согласно которой зеркала были тесно связаны с потусторонним миром мертвых и вечной тьмы, служившим обителью для всякой нечисти и злых духов.

Со второй, поздней по происхождению мировоззренческой концепцией, связаны обряды, суть которых сводилась к тому, чтобы при помощи отражаемого зеркалом солнечного света охранять людей от козней нечистой силы и оказывать тем самым благотворное воздействие на все стороны их бытия. В этих обрядах находит свое проявление связь зеркал с древним культом солнца, воплотившим в себя идею плодородия, очищения от скверны, долголетия и т. п. Об этом же говорит и тот факт, что зеркала очень часто можно видеть в

качестве неперменного атрибута Великих богинь солнца и плодородия Древнего Востока (48, с. 102—103; 97, с. 93 — 94; 65, с. 99 — 107; 29, с. 65).

Известные к настоящему времени изображения древних богинь с зеркалами в руках, обнаруженные в процессе археологических раскопок в Передней и Средней Азии, а также в Причерноморье, по расположению зеркал относительно туловища богинь можно подразделить на пять основных типов. К первому типу следует отнести тех богинь, у которых зеркало, поддерживаемое одной или двумя руками, прижато к груди (65, с. 100, рис. 1 и 3; 69, рис. 246; 75, рис. на с. 51 и 75). Ко второму типу относятся богини с зеркалом в отведенной руке (71, с. 19, рис. 1). К третьему типу относятся богини, у которых в обеих руках имеется по зеркалу (65, с. 102). К четвертому — богини, на голове которых находится поддерживаемое обеими руками огромное по сравнению с их фигурками зеркало, больше всего напоминающее собой солнце (3, табл. 68 — 69, 124). К этому же типу следует, очевидно, отнести зеркала, которые находятся на месте головы богини, а сама богиня изображена с упирающимися в бедра руками, иногда с опущенными вниз руками или с одной поднятой вверх рукой и упирающейся в бок — другой (83, с. 288 — 289). Наконец, к пятому типу следует отнести скульптурные изображения женских фигурок, выполняющих роль своеобразных накладных держателей у одной из разновидностей среднеазиатских бронзовых зеркал (8, с. 128, рис. 49). Здесь женская фигурка предстает перед нами, если ее рассматривать вместе с зеркалом в вертикальном положении, стоящей как бы на фоне восходящего солнца.

Ясно, что такое разнообразие типов богинь с зеркалами должно указывать на какие-то их сакральные различия. Стремясь установить сакральную сущность этих богинь, почти все исследователи, как правило, опирались на аналогии с богинями Древней Греции или Рима. При этом ими не учитывался тот факт, что не менее ценные и интересные результаты можно получить, привлекая для этого дальневосточные параллели.

К сожалению, пока трудно найти безусловную параллель первому и пятому типам богинь с зеркалами. В то же время существующие у народов Дальнего Востока представления о металлических зеркалах, как символах солнца (68, с. 254), служат одним из подтверждений принадлежности указанных типов изображений к кругу древних богинь плодородия и предков-родоначальниц.

Интересная параллель четвертому типу богинь с поддерживаемым руками зеркалом-солнцем на голове обнаруживается с древнекитайской Нюйва, почитавшейся первоначально, как это было установлено Э. М. Яншиной, в качестве матери-прародительницы и богини плодородия. Обычно Нюйва изображалась "получеловском-полужмеей: голова и верхняя часть туловища у нее человеческие, но вместо ног — змеинный хвост". Ее принято было изображать держащей в руках над головой луну, тогда как мужа Нюйва, Фуси — держащим солнце (109, с. 122 — 127, рис. 42 — 43; 108, рис. на с. 36 — 37, с. 38). Однако если учесть тот факт, что Нюйва являлась Великой Матерью богов и всей природы, демиургом мира, а "выдвижение культа предка Фуси произошло сравнительно поздно и что его соединение с Нюйва как с женой... не было изначальным", ибо это было сделано значительно позже с целью оттеснения женского предка на второй план, в связи с чем на него, как полагают некоторые исследователи, были пе-

ренесены многие характерные ранес для Нюйва черты (109, с. 122, 125, 127), то станет очевидным, что когда-то Нюйва изображалась или, во всяком случае, подражывалась не с луной, а с солнцем в руках.

Аналогичная метаморфоза произошла и в воззрениях эвенков-орочонов, которые представляют луну в виде принадлежащего энекан буга, т. е. хозяйке вселенной и рода человеческого, зеркала. Но если принять во внимание то обстоятельство, что первоначально "представление об энекан буга было связано с лосем и оленем" (56, с. 136, 125), которые у многих народов древности олицетворяли солнце, солнечное божество (104, с. 118 — 119), то из этого можно заключить, что вначале эвенкийская энекан буга, как и китайская Нюйва, считалась солнечным, а не лунным божеством. Только этим можно объяснить тот находящийся в противоречии с представлениями о луне, как о зеркале энекан буга, факт, что у тех же эвенков-орочонов солнце на шапке шамана обозначалось также бронзовым зеркалом (56, с. 144).

В связи с указанным уместно будет отметить, что японцы всегда считали богиню солнца Аматаэрасу женщиной, главным атрибутом которой было зеркало. Более того, согласно мифам, Аматаэрасу явилась на свет из зеркала, находившегося в левой руке первобога Идзанаги, тогда как из зеркала в его правой руке — мужское божество луны Цукиёми (88, с. 103 — 104). Если же учесть, что мифотворчество древних японцев формировалось во взаимодействии с мифологией народов материковой части Восточной Азии (12, с. 116 — 121), то не исключено, что древнекитайская Нюйва послужила прообразом для японской богини солнца Аматаэрасу.

Привлечение дальневосточных параллелей в какой-то мере позволяет конкретизировать и образ третьего типа богинь с зеркалами в обеих руках. С ними, в частности, соотносится китайская богиня молнии Дянь-му ("Матушка молния"), которая изображалась в синезелено-красно-белом платье с двумя зеркалами в поднятых над головой руках. Паря среди облаков, богиня то сближает, то разводит зеркала, отчего в результате столкновения отражаемых ими лучей Инь и Ян возникает молния (14, с. 401; 79, с. 418). "Считалось, что Дянь-му освещает молнией сердца грешников, которых должен наказать бог грома (Лэй-гун), потому ее нередко называют Зеркалом бога грома" (79, с. 418). Судя по всему, подобные же представления, связанные с образом богини молнии, существовали в XII в. у чжурчженей, у которых большой популярностью пользовался танец разодетых в цветастые платья женщин с зеркалами в обеих руках. Они, как и китайская Дянь-му, поднимали и опускали в такт музыке руки, благодаря чему сияние зеркал то ослабевало, то усиливалось (17, с. 49). Вполне допустимо, что в образе третьего типа среднеазиатских богинь скрывается древняя богиня-громовница.

Относительно природы второго типа сидящей богини с зеркалом в отведенной руке, которая, как это имеет место на сахновской пластине или на бляшках из Чертомлыкского кургана, чаще всего изображается в композиции со стоящим перед ней мужчиной, существует несколько версий. Суть одной из них сводится к тому, что на сахновской пластине якобы показан момент надения скифской богиней стоящего перед ней мужчины царской властью (71, с. 25). Все это живо напоминает миф о японской богине солнца Аматаэрасу омиками ("Небо освещающей великой богине"), которая, посы-

лая на землю в качестве первого в Японии императора своего внука Ниниги, вручила ему три императорские регалии: зеркало, яшмовую магатаму и меч. При этом она объявила, что потомки Ниниги будут властвовать до тех пор, пока они будут владеть этими регалиями и чтить их. Вручая Ниниги зеркало, являвшееся вещественным воплощением богини и ее души, Аматаэрасу, согласно преданию, завещала: "Считая это зеркало за мою душу, чтить его, как бы ты чтит меня самое" (61, с. 121). Еще она сказала, что если Ниниги захочет ее увидеть, то пусть он посмотрит в это зеркало (10, с. 65).

Таким образом, приведенные выше параллели помимо уточнения функций некоторых древних богинь с зеркалами позволяют также, учитывая причастность зеркал к солярным культам, конкретизировать их роль при исполнении ряда магико-религиозных обрядов. Вместе с тем становится очевидным, что решение этой, как и других задач, в немалой степени будет способствовать и сбор воедино всех крупниц сведений, пусть даже порой, казалось бы, никак не связанных между собой, в которых содержатся новые факты о характере использования зеркал у разных народов в тех или иных обрядах.

Руководствуясь сказанным, рассмотрим ниже те сведения и факты об использовании зеркал в магико-религиозных обрядах, которые удалось выявить к настоящему времени в различных источниках.

Интересный обряд существовал, например, в древней Японии, где каждый род имел передаваемые из поколения в поколение так называемые наследственные зеркала, которые "вывешивались на ветке священного дерева старейшиной клана в знак приветствия" (69, с. 13). Впоследствии устанавливаемые у ворот или у входа в дом одно или два дерева (преимущественно сосны) стали уже осмысливаться японцами в качестве символа божественной супружеской пары — Идзанаги и Идзанами, породивших Японские острова и пантеон синтоистских богов (59, с. 52), включая сюда и богиню солнца Аматаэрасу, одним из символов которой являлось, как уже отмечалось выше, зеркало.

Чтобы понять смысл этого обряда, необходимо вспомнить, что, согласно представлениям многих народов мира, небо и земля якобы соединены между собой большим деревом (33, с. 44 — 45), нередко ассоциируемым с шаманским деревом, являвшимся дорогой, "по которой шаман или его молитва восходят к небу" (106, с. 737). Подобное представление "о дереве как дороге или лестнице, ведущей на небо, было обычным в мифах древнего Китая" (33, с. 44). В Корее дерево считалось символом родовой общины и являлось центром связи общинников с силами потустороннего мира (35, с. 192, 201).

Как правило, мировое, или шаманское, дерево имеет трехчленное деление, "к ветвям которого приурочена птица, к корням — змея, а к стволу — девушка" (33, с. 45). Если теперь учесть, что в "австралийских мифах солнце — это девушка, поднимающаяся по дереву на небо" (33, с. 48), то становится очевидным существование логической связи между девушкой, солнцем, богиней солнца, зеркалом. Следовательно, дерево с подвешенным к нему зеркалом следует скорее всего воспринимать как путь, при помощи которого осуществлялась связь людей с божествами верхнего мира, солнцем.

Судя по всему, японский обряд установки священных деревьев у ворот или у входа в дом имеет общее происхождение с широко распространенным сравни-

тельно недавно в Южном и Западном Китае обычаем ставить священное дерево у входа в селение. Считалось, что это дерево служило обиталищем духа родового предка, управлявшего судьбами людей (96, с. 136), каковой изначально всегда и у всех народов мыслился лицом женского пола.

В связи с указанным уместно будет вспомнить, что зеркало, согласно представлениям древних, могло предсказывать судьбу. Следовательно, его связь через священное дерево с управлявшим судьбами людей духом родового предка вовсе не случайна. Вместе с тем, будучи подвешенным на ветке священного дерева и ассоциируемое с солнцем, а чаще — с богиней солнца, зеркало было призвано охранять данный род от невзгод, обеспечивая, как это будет показано ниже, ежедневное восхождение солнца, свет которого якобы обладал способностью истреблять различные вредоносные силы (96, с. 711 — 712). Кстати, согласно поверьям, это могло делать непосредственно и само зеркало, высвечивая, а затем уничтожая отражаемым им солнечным светом затаившуюся в темных местах нечисть.

Все эти представления находят свое проявление в японском мифе о богине солнца Аматаэрасу, которая, обидевшись на божество Сусаноо, спряталась в небесном гроте, и во всем мире "наступила кромешная темень и повсеместно начались несчастья". Чтобы извлечь Аматаэрасу из грота, боги вырвали растущее на Небесной Сияющей Горе священное дерево сакаки и, установив его перед входом в грот, повесили на верхних ветвях этого дерева драгоценный камень магатама, на средних — специально изготовленное женским божеством-кузнецом Исикоридомэ зеркало, а на нижних — полоски белой и зеленой материи, символизирующие солнечные лучи. После этого боги принялись неистово веселиться. Сгорая от любопытства, Аматаэрасу выглянула из грота и спросила о причине веселья. Когда же ей ответили, что появилось новое божество, превосходящее ее, Аматаэрасу, красотой, и показали ей на зеркало, богиня, увидев в нем свое отражение, чтобы получить его разглядеть, вышла из грота, чем поспешили воспользоваться два специально спрятавшихся божества, преградив дорогу в грот, благодаря чему "на небе и на земле снова стало светло" (60, с. 1 — 11; 10, с. 63; 92, с. 415; 84, с. 32 — 33; 68, с. 252).

Как отмечает Н. П. Мацокин, аналогичный ритуал, призванный заставить светиться солнце, существовал и у меланезийцев, которые брали для этой цели круглый камень, называемый "солнечным камнем" ("ват лао"), окружали его "красными лентами и перьями совы, чтобы изобразить солнечные лучи", и вешали все это на высокое дерево (60, с. 9).

Анализируя миф об извлечении Аматаэрасу из грота, М. И. Никитина пришла к выводу, что соединение зеркала и дерева должно символизировать стадию "полного развития" солнца, "готового тронуться в свой путь по небу". Схожие представления об эволюции солнца, отмечает она, были, очевидно, свойственны древнекитайской и корейской культурам (68, с. 252). То, что это действительно так, видно, во-первых, из анализа китайского иероглифа "дун" в значении "восток", состоящего из двух более простых иероглифов в значении "дерево" и "солнце", соединение которых дало понятие "восходящего из-за дерева солнца". Во-вторых, в древнекитайских мифах упоминается огромное солнечное дерево, на ветвях которого жили десять солнц — поочередно девять находившихся на нижних ветвях и одно на

макушке (108, с. 139 — 140; 107, с. 109 — 114). Впоследствии девять солнц были убиты стрелком. И, благодаря чему на небе, а точнее — на макушке солнечного дерева осталось только одно солнце (108, с. 143 — 144). Этот сюжет, по всей видимости, нашел свое отражение в настенной росписи одного из когурёских склепов, где изображено ритуальное дерево с висющим на его ветвях диском солнца (26, рис. на с. 142), весьма напоминающим, кстати, зеркало.

Интересно отметить в этой связи наличие на тыльной стороне некоторых чжурчжэньских зеркал сюжетных рисунков с изображением подвешенного к ветвям дерева зеркала¹ с отчетливо выраженным центральным полусферным держателем и ленточным ободком вдоль края диска. Помимо изображения дерева на этих зеркалах имеются еще изображения летящего аиста, ползущей черепахи и какого-то стоящего божества со служкой позади него, держащего в руках свернутый и перевязанный в двух местах не то зонтик, не то бунчук (99, с. 100, рис. 13; 53, с. 92 — 95, рис. 86; 4, с. 60 — 65, рис. 1; 5, с. 54 — 55, 130 — 131, рис. 15).

Еще одно зеркало с изображением дерева с висющим на его ветвях зеркалом-солнцем обнаружено И. В. Асеевым на Чиндантском могильнике XI—XIII вв. в Забайкалье (4, с. 60 — 65, рис. 2; 5, с. 52 — 53, 130, рис. 13). На этом зеркале, как и на предыдущих, под деревом с правой стороны изображены два человека, в центре — аист и черепаха, с левой стороны — олень с сидящим на нем человеком с веткой в руках. Последний персонаж весьма напоминает собой китайское божество долголетия Шоу Сина, который обычно изображается сидящим на олене с веткой персикового дерева в руках. Шоу Син, ветка персикового дерева, олень, аист, черепаха — это все благопожелательные символы долголетия и бессмертия (14, с. 425 — 426).

Связь дерева с зеркалом прослеживается и в некоторых легендах нанайцев — коренных жителей российского Дальнего Востока и одних из потомков чжурчжэней. Дерево, согласно легенде, шаманское. Его ствол "так толст, что сотни людей не могут его обхватить; дерево... имеет кору из гадюк; корни его — громадные змеи; листья состоят из толи (т. е. металлических) зеркал. — Э. Ш.), цветы — из колокольчиков...; вершина дерева имеет множество металлических рогов" (102, с. 10). В другой легенде говорится, что шаманское дерево — это огромных размеров тополь, "за листвою его днем солнца не видно, а ночью месяца не видно. Листьями этого дерева служили толи-тундурхабдаты, цветками — конгокто-чимчикха, ветви его были ободраны когтями громадных птиц — гааза; вся земля вокруг усыпана человеческими костями" (102, с. 62). Как далее явствует из легенды, человеку, которому суждено было стать первым шаманом, приснился "белый, как лунь, старик с бородой до земли". Этот старик дал подробное наставление будущему шаману относительно того, что и как ему надо надеть на себя, повелев, в частности, надеть на грудь и на спину зеркала-толи: "они будут охранять твоё тело, — сказал он, — от стрел, которые будут пускать в тебя враги шаманства" (102, с. 11).

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что некоторые из персонажей нанайских легенд находят опреде-

ленные параллели, с одной стороны, с персонажами на рисунках рассмотренных выше зеркал, а с другой — с персонажами мифов народов Центральной Азии и Дальнего Востока.

Прежде всего это касается шаманского дерева, у которого вместо листьев были зеркала-толи. На упомянутых зеркалах и в росписи когурёского склепа тоже имеются изображения дерева, правда, с одним зеркалом на ветвях. Это, несомненно, те самые священные родовые деревья, речь о которых уже шла выше. К числу родовых принадлежали, как известно, и шаманские деревья, на ветвях которых, согласно поверью кудинских бурят, висели, а по другой версии росли различные шаманские принадлежности (31, с. 82 — 83; 63, с. 192). В то, что на шаманских деревьях росли принадлежности шаманского облачения, верили и нанайцы (105, с. 495). Определенная параллель прослеживается здесь и с японским мифом о богине солнца Аматэрасу, где также фигурирует дерево с подвешенным к его ветвям зеркалом, изготовленным богиней-кузнецом. Об изготовлении зеркал-толи небесными кузнецами говорится и в бурятских легендах (63, с. 189), в чем также просматривается общность истоков мифологии древних японцев и народов материковой части Восточной Азии.

Согласно нанайской легенде, земля вокруг шаманского дерева была усеяна человеческими костями. В этой связи нельзя не вспомнить, что в дуплах шаманских деревьев буряты нередко хоронили останки умерших шаманов, а их духам здесь же совершались жертвоприношения, в том числе человеческие (63, с. 83, 250, 255 — 257).

Что касается белого старика из нанайской легенды, то в данном случае на память приходит широко распространенный в мифологии монголов и бурят Цаган убагун, или Сагаан убагэн — Белый старец, почитаемый в качестве семейно-родового покровителя, хранителя жизни, долголетия и плодovitости всех живых существ, особенно домашнего скота (31, с. 32; 18, с. 160). Образ Белого старца, его иконография и атрибутика генетически связаны с китайским божеством долголетия Шоу Сином и другими подобными ему божествами Восточной Азии (31, с. 33 — 34). Пока еще трудно установить, когда и где конкретно впервые сформировался образ этого божества. Несомненно лишь то, что наиболее раннее изображение Белого старца рядом с висющим на дереве зеркалом имеется на втором чиндантском зеркале из Забайкалья, куда оно могло попасть либо от монголоязычных киданей в X — XII вв., либо же является производением местных литейщиков (4, с. 64). Как бы там ни было, но находка второго чиндантского зеркала дает основание думать, что китайский Шоу Син безусловно был известен киданям, у которых он, слившись с образом какого-то автохтонного шаманского духа, постепенно трансформировался в Белого старца, получившего затем большую популярность у ближайших с киданями соседей, в том числе и у чжурчжэней — предков современных нанайцев.

С представлениями об очистительной силе отражаемых зеркалом лучей солнца, будто бы способных отвратить насылаемую нечистой бедоу, связан распространенный раньше в Китае обычай подвешивать зеркало над входной дверью, над окнами или на стенке специально сооруженной на крыше дома миниатюрной кумиренки (93, с. 58, рис. 20), причем чаще всего это делалось в тех домах, по соседству с которыми случилось какое-нибудь несчастье (97, с. 90). Не исключено, что

¹ На этот факт впервые обратила внимание М. И. Никитина во время просмотра ею коллекции зеркал из фондов сектора археологии средневековых государств Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — Э. Ш.

роль своеобразных оберегов призваны были выполнять и накладные изображения зеркал на стенах некоторых киданьских и чжурчжэньских пагод (17, с. 186).

По поверью китайцев, зеркало, подвешенное на грудь едущей к жениху новобрачной или идущему в бой воину, могло охранить их от козней злых духов (97, с. 90). Вообще следует отметить, что обычай ношения зеркала на груди был весьма распространен в древнем и средневековом Китае (78, с. 248, 279; 77, с. 297 — 298), а даосские монахи, чтобы понадежней обезопасить себя от демонов, нередко подвешивали зеркало еще и на спину (62, с. 19). Точно так же поступали, готовясь к камланию, и нанайские шаманы, подвешивая на грудь и спину зеркала, чтобы защитить себя от стрел злых духов (102, с. 11 — 12, 52, с. 261).

Надо полагать, что подвешенное на грудь воину зеркало действительно не раз спасало его от стрел, копий и мечей, направленных против него не каким-то призрачным духом, а живым противником во плоти, в связи с чем со временем его защитный доспех получил дополнительную металлическую броню — нагрудник, по форме и месту расположения соответствующий подвешенному в качестве оберега зеркалу, из-за чего этот нагрудник получил еще и другое название — зеркало. На Руси зеркала скорее всего под влиянием монголо-татар появились около 1300 г. (40, с. 21).

Судя по всему, охранные свойства зеркал широко использовались также в любовной магии у берберов Алжира, у которых юноша дарил понравившейся ему девушке круглое зеркальце с написанными на его тыльной стороне сакральными формулами. "Девушка носила такое зеркальце на шею, вкладывая его иногда в специальный серебряный футляр", представляющий "собой круглую плоскую коробочку, украшенную либо филигранью, либо чеканным узором и дополненную подвесками из цепочек" (9, с. 161).

Большое разнообразие использования зеркал прослеживается в погребальных обрядах. Так, в Китае существовал обычай подвешивать к ветвям бамбука одежду покойного вместе с зеркалом. Это делалось для того, чтобы душа покойного не могла вернуться назад (48, с. 102). В данном случае, по-видимому, предполагалось, что душа покойного в поисках своей одежды наталкивалась на отражаемые и непродолимые для нее лучи солнца, в результате чего она не могла посетить здравствующих родственников и причинить им вред.

Некоторые зеркала специально изготавливались для использования их исключительно в качестве оберегов. К ним А. М. Хазанов относит миниатюрные зеркала диаметром 1,5—3 см, которые нередко встречаются в погребениях. Как отмечает этот исследователь, такие зеркала из-за чрезмерно малых размеров не могли служить в качестве туалетных. Вместе с тем они не могли быть и детскими игрушками, так как миниатюрные зеркала в основном встречаются в погребениях взрослых (97, с. 96). К оберегам А. М. Хазанов относит и медалевидные зеркала с боковым ушком-петелькой, которые в погребениях шиповской археологической культуры чаще всего встречаются на груди покойного (97, с. 95). Здесь уместно будет отметить, что по поверью китайцев положенные на грудь покойного зеркала, освещая могилу, отгоняли от него нечистую силу (48, с. 102; 97, с. 90).

Судя по всему, обычай подвешивать зеркало в специальном мешочке на воткнутом на могиле посохе когда-то существовал и у таджиков (98, с. 202).

По представлениям таджиков, место в комнате дома, где обмывали покойника, являлось святым и опасным, в связи с чем они стремились как-то внешне его отметить. С этой целью после выноса покойного на это место помещали определенный набор предметов, но иногда вместо них на пол клали просто зеркало и пять кусков сухой земли. Зеркало и землю, а также другие необходимые в случае неожиданной смерти предметы таджики брали с собой, отправляясь в дальний и опасный путь. Считалось, что в этом обряде зеркало, обладавшее "светлым, очищающим, защищающим магическим воздействием", призвано было помогать покойному (98, с. 200, 202).

В средневековом Китае существовало поверье, согласно которому с помощью зеркала и пилюли из кино-варн, считавшейся даосским лечебным и волшебным снадобьем, можно было якобы оживить давно почившего человека. Для этого достаточно было положить на его грудь зеркало, а на горло — пилюлю, а затем, сорвав расположенную на юго-восточной стороне стебля полыни ветку, поджечь ее и прижечь ею то место, где лежит пилюля. Считалось, что после этого покойный должен был ожить (54, с. 31—32). Хотя о роли зеркала в этом обряде нет никаких сведений, однако, учитывая рассмотренные выше факты, можно предположить, что с его помощью пытались нейтрализовать противодействие процессу оживления покойного со стороны злых духов и нечисти.

Во время археологических раскопок в некоторых погребениях можно встретить не целое, а только половинку зеркала. Относительно обычая класть в могилу одну из половинок сломанного зеркала имеется две версии объяснения этого обряда. Согласно первой версии, зеркало ломалось пополам для того, чтобы умертвить находящуюся внутри него душу покойного и не дать ей возможность появляться среди живых и причинять им вред (48, с. 100). По другой же версии это делалось для того, чтобы в будущем с помощью оставшейся у родственников покойного половинки зеркала они могли бы найти и опознать его в загробном мире после своей смерти (48, с. 100).

Если учесть, что, согласно представлениям древних, душа бессмертна и ее, следовательно, нельзя умертвить, то более правильной будет вторая версия, которая, к тому же, позволяет объяснить наличие половинок зеркал не только в погребениях, но и в жилищах средневековых поселений и городищ (99, с. 104—105, рис. 25, 28), причем с отчетливо видимыми на них следами преднамеренной рубки зубилом или топором. Это, вне всякого сомнения, как раз те половинки зеркал, которые оставались у живых родственников покойного. Следуя же первой версии, невольно возникает вопрос, почему с покойным клали только одну половинку зеркала, а не обе, и почему с ним не клали просто разбитое или намеренно попорченное зеркало, как это делалось согласно широко распространенному в прошлом обычаю преднамеренной порчи личных вещей покойного с целью их "умерщвления", благодаря чему их покойный хозяин мог ими пользоваться в загробном мире.

В пользу второй версии говорят и многочисленные факты использования сломанных половинок зеркал в качестве своеобразных опознавательных знаков. Так, в корейской легенде "Госпожа Соль" говорится о том, что когда настала пора расставания, девушка Соль достала зеркало и, разломив его пополам, передала одну из половинок своему возлюбленному Касилю со словами:

"Пусть это будет знаком нашей верности... Наступит день, когда мы вновь соединим обе половинки". Прошло много лет. Касиль вернулся, наконец, в родные края, но за время долгих скитаний по чужбине он настолько изменился, что Соль смогла признать его лишь тогда, когда он предъявил ей принадлежавшую ему половинку зеркала (39, с. 248—249; 45, с. 166—167).

Аналогичный эпизод описан в одном китайском средневековом предании, согласно которому, когда государство Чэнь подверглось в 589 г. завоеванию, княжна Лэ-чан, младшая сестра монарха, и ее муж Сюй Дэ-янь, предчувствуя разлуку, "раскололи зеркало и каждый взял себе по половинке. Через много лет после долгих мытарств они нашли друг друга" с помощью этих половинок (67, с. 246). Эта история, получив со временем широкую огласку, послужила причиной того, что разбитое пополам зеркало стало впоследствии восприниматься в Китае в качестве символа разлуки супругов, что, в частности, нашло свое отражение в следующих проникновенных строках китайской поэтессы эпохи Юань (XIII—XIV вв.) Чжан Кэцзю:

*Разбилось зеркальце на два куска,
Порвались струны лютни драгоценной.
Была любовь, теперь — одна тоска... (42, с. 241).*

У японцев разбитое зеркало служило символом "расторжения помолвки или супружеских уз" (82, с. 406).

Как видно из приведенных примеров, разбитое пополам зеркало в странах Дальнего Востока выступает в качестве символа разлуки или встречи после разлуки родных и возлюбленных в этом или загробном мире.

Немало интересных сведений о поверьях китайцев относительно сверхъестественных свойств зеркал содержится в новелле танского прозаика VII в. Ван Ду "Древнее зеркало". В ней повествуется о подаренном Ван Ду его другом зеркале. Достаточно было подержать это зеркало "на солнечном свете, — пишет автор новеллы, — как изображения на исподней его стороне проступали совершенно отчетливо. И даже если потом это зеркало помещали в темноту или тень, таинственные знаки не исчезали. Стоило ударить по зеркалу, как раздавался мерный, протяжный звон, и потом не затихал целый день" (13, с. 8).

Следует отметить, что в данном случае Ван Ду совместил в одном зеркале свойства сразу двух различных по конструкции зеркал — акустического и так называемого волшебного, или магического, речь о которых шла уже в предыдущей главе.

Как повествует далее Ван Ду, отражаемого принадлежавшего ему зеркала света смертельно боялись лисички-оборотни, а будучи пойманными его лучами, они принимали свой подлинный облик. Однажды во время солнечного затмения зеркало вдруг "потускнело и больше не отражало света. Очевидно, — заключает Ван Ду, — драгоценное зеркало имело тайную связь с силами света и тьмы Ян и Инь". Но как только солнечное затмение прекратилось, к зеркалу тотчас же возвратился его прежний блеск. А во время полнолуния зеркало, стоило его извлечь из шкатулки в тщательно затемненной комнате, начинало "сиять, озаряя все вокруг ярким светом. Но если в комнату проникали лучи луны, оно не светилось. И это понятно", — делает вывод автор новеллы. — "Разве может зеркало соперничать с луной или солнцем?" (13, с. 9—13). Подвесив это зеркало к поясу, можно было даже ночью бродить по горным

ущельям. "Лучи его освещали на сто шагов вокруг так ярко, что любая былинка была видна" (13, с. 22).

Как-то о зеркале прослышал один буддийский монах и упросил Ван Ду показать его. Когда Ван Ду извлек зеркало из шкатулки, монах, упав на колени, благоговейно взял его в руки и сказал: "Зеркало это обладает сверхъестественными свойствами, многие из которых сокрыты от взора. Если покрыть зеркало амальгамой, а затем снять ее жемчужной пудрой и держать зеркало так, чтобы на него попадали солнечные лучи, то отраженный им луч проникает сквозь стены. Есть средство, сообщающее зеркалу способность делать внутренние органы человека видимыми для глаза. Так можно обнаружить в них смертельный недуг, неизлечимый обычными способами. Если нагреть зеркало в парах расплавленного золота, смыть нефритовой водой и вновь покрыть амальгамой, а затем снять с зеркала амальгаму жемчужною пудрой и поместить его тут же в известь, оно приобретет способность излечивать любой недуг" (13, с. 16).

Не приходится сомневаться в том, что в новелле Ван Ду нашли отражение те приписываемые древним зеркалам свойства, вера в которые имела широкое хождение среди народных масс. В противном случае Ван Ду рисковал прослыть отъявленным лжецом, а это пагубно отразилось бы на его репутации как правдивого сочинителя. По этому поводу советский китаевед А. Н. Желтоховцев писал: "Художественному вымыслу нелегко было войти в литературу. Любой вымысел стыдился самого себя и прикрывался одеждой факта. В танских новеллах непременно приводились ссылки на имена и происхождение героев, часто указывалось очень точно место и время событий, или же автор называл подробно, когда, где и от кого он слышал рассказанную историю. Иногда он объявлял самого себя свидетелем происшедшего, иначе рисковал добрым именем" (30, с. 333—334).

Интересные сведения о необычных свойствах зеркал содержатся в написанной еще в первых веках нашей эры в Китае книге "Рассказы о Западной столице". В ней, в частности, говорится, что во дворце императора Цинь Ши Хуан-ди (246—210 гг. до н. э.) "находилось большое квадратное зеркало, с обеих сторон испускавшее сияние. Когда человек шел смотреться в него, то его изображение казалось перевернутым. Если кто-нибудь подходил, держа руку на сердце, то он мог видеть свои внутренние органы. Если человек имел скрытую болезнь, то ему было достаточно посмотреться в зеркало, чтобы узнать причину болезни. А если у женщины были злые намерения, то ее желчь разливалась и сердце начинало волноваться. Цинь Ши Хуан-ди постоянно пользовался этим зеркалом, заставляя смотреться в него женщин своего гарема. Тех, у кого была разлитая желчь и взволнованное сердце, он убивал" (53, с. 52).

Проявлением древних представлений об очистительных свойствах отражаемого зеркалами солнечного света является использование буддистами зеркал для очищения и освящения воды. С этой целью перед статуей Будды зеркало подвешивалось или устанавливалось таким образом, чтобы в нем отражался лик Будды, и на это отражение лили воду, которую собирали в специально установленный сосуд. Считалось, что на эту воду переходила святость самого Будды (47, с. 1; 18, с. 209—210).

Такой же обряд существовал и у бурят-ламаистов, считавших, что при его исполнении очищались от всяких нечистот высшие божества буддийского пантеона, а

от грязи грехов — живые существа. При этом используемая в данном обряде вода превращалась в аршан, т. е. святую воду, которую верующие пили, смачивали ею голову и применяли в лечебных целях (18, с. 209—210).

Имелась еще особая категория так называемых лунных зеркал, о которых уже довольно подробно говорилось выше. Их назначение состояло в том, чтобы получать "сияющую воду с луны", т. е. выпадающую в лунные ночи росу, используемую для приготовления священных жертвенных блюд (110, с. 13—14; 28, с. 49) и лекарственных снадобий, которым благодаря их связи через росу с лунной приписывались особенно чудотворные сверхъестественные свойства (28, с. 48). Если верить Ло Гуаньчжуну, автору известного средневекового романа "Троецарствие", в древнем Китае были известны и другие способы сбора ночной росы без применения для этой цели лунных зеркал. Он, в частности, сообщает, что император У-ди династии Хань построил башню, на которой была установлена бронзовая скульптура человека с "чашей для сбора росы" в руках. "В нее собирается влага от ночных испарений, посылаемых на землю Северным ковшом во время третьей стражи. Испарения эти называются "нбесным настоем" или "сладкой росой". У-ди подмешивал в эту воду лучшую яшму, истолченную в порошок, и пил ее ежедневно. Так он оставался вечно юным" (49, с. 688). Точно так же, надо полагать, поступали и с росой, собранной при помощи лунных зеркал.

Большая роль отводилась зеркалам при исполнении свадебных обрядов. Так, у корейцев молодую после свадьбы при ее переезде в дом мужа "встречала одна из его родственниц, известная своей добродетелью". Молодая с поклоном передавала ей завернутое в платок зеркало, а та передавала его матери мужа, которая клала зеркало на мешок с рисом. Этот обряд совершался для того, "чтобы невеста и свекровь жили мирно" (34, с. 170—171; 25, с. 346). По всей вероятности, смысл этого обряда был несколько иным, так как зеркало, будучи одним из символов солнца, способствовало, о чем уже говорилось выше, получению изобилия, большого потомства, долголетия, а следовательно, благополучия и мира в семье. В соединении же с мешком риса благожелательная сила зеркала должна была увеличиться во столько крат, сколько содержалось в мешке рисовых зерен. Подтверждением справедливости высказанной мысли о назначении в данном обряде мешка с рисом могут служить следующие слова из одной корейской песни — "на морском берегу много песчинок", применяемые в качестве своеобразного заклинания, магических слов, призванных "способствовать множеству" и увеличению богатства, приплода, урожая" (36, с. 114).

В Китае жених и невеста, войдя в дом, сначала становились на разостланный красный ковер, поскольку "красный цвет предохраняет от злых сил, от беды, от несчастий, болезни" (58, с. 384, примеч. к с. 219), "затем на медном зеркале молодые завязывают в один узел красный шнур в знак того, что они будут единодушны и связывают свою судьбу". При этом считалось, что в "светлом зеркале должна отражаться искренняя взаимная любовь жениха и невесты" (7, с. 49).

Чтобы до конца понять смысл этого обряда, необходимо вспомнить, что в средневековой поэзии китайцев, корейцев и японцев зеркало благодаря его круглой форме, холодному блеску металла на отполированной поверхности рефлекторной стороны и способности пол-

учать "сияющую воду с луны" нередко ассоциировалось с луной (110, с. 14), а луна, в свою очередь, — с Лунным старцем, который соединял брачными узами судьбы людей (87, с. 12; 16, с. 268—269, примеч. 30), в связи с чем возлюбленные по взаимной договоренности смотрели в одно и то же время на луну, полагая, "что в этот момент их души и чувства соединяются" (58, с. 389, примеч. к с. 305).

Интересный свадебный обряд совместного смотрения молодоженов в зеркало существовал у некоторых народов Средней Азии. Так, у горных таджиков во время свидания новобрачных перед свадьбой вокруг них сначала обводили зажженными свечками или окуривали дымом специально подобранных трав, чаще всего руты. Это делалось для того, чтобы защитить новобрачных от злых духов и очистить их от скверны. Затем им в руки давали зеркало, в которое они должны были одновременно посмотреться. Выполнить этот обряд считалось необходимым для того, чтобы жизнь молодоженов была чиста, светла и благополучна (91, с. 87; 51, с. 320—321, 323).

Этот обычай, по мнению Н. П. Лобачевой, очень древний, так как он зафиксирован якобы еще в ведической литературе, содержащей описание древнеиндийского свадебного обряда, и является пережитком весьма давних представлений ираноязычного населения Средней Азии, согласно которым зеркалам "приписывали целый комплекс магических свойств, в частности, способность увеличения плодovitости, сексуальной силы и вообще магическую связь с жизненными силами, а также охранительную магию" (51, с. 321).

Факты, однако, говорят о том, что обряд совместного смотрения брачующихся в зеркало не такой уж и древний и возник он скорее всего во второй половине I-го тысячелетия нашей эры.

Каковы же эти факты?

Во-первых, как это явствует из приведенного Н. П. Лобачевой описания древнеиндийского свадебного обряда, в нем нет даже малейшего намека на обычай совместного смотрения молодоженов в зеркало. В древней Индии невесту, прибывшую в дом жениха, усаживали на шкуру быка или на ковер из нее с целью обеспечения будущей семье богатства и потомства. Жених давал невесте в правую руку иглу дикобраза и скрученный из трех нитей шнур, а в левую — зеркало. Затем невеста садилась лицом в сторону востока, а жених, стоя лицом на запад, провозглашал: "Пусть Праджапати дарует нам потомство" (50, с. 46).

Во-вторых, обряд совместного смотрения в зеркало молодоженов не прослеживается и в сценах свадебного пиршества, запечатленных в настенных росписях V—VI вв. загородной усадьбы в Балалык-тепе и на расписной керамической вазе этого же времени из Мерва, участники которых, как женщины, так и мужчины, держат в руках кубки и зеркала, причем подавляющее большинство зеркал явно направлено там не на лица людей, а на кубки (1, с. 96; 2, с. 95—97, рис. 33; 75, с. 114—116), чем, судя по всему, преследовалась цель очищения содержимого кубков от случайно попавшей туда скверны или преднамеренно подлитого яда. Следовательно, по крайней мере в VI в. н. э. обряд совместного смотрения брачующихся в зеркало еще не был известен народам Средней Азии.

Вместе с тем в рассматриваемом обряде имеется много общего с популярным в средневековом Китае и Японии обычаем одновременного смотрения возлюб-

ленных на луну, а также с представлением о том, что в зеркале должна отражаться их искренняя взаимная любовь. По-видимому, в основе свадебных обрядов совместного смотрения на луну или в зеркало у народов Дальнего Востока и Средней Азии лежит, как это было подмечено Г. П. Снесаревым, представление о том, что человек видит в отражении зеркала не себя, а свою душу, в связи с чем этот обряд должен был иметь значение скрепляющего акта (91, с. 67). К сказанному остается лишь добавить, что во время обряда совместного смотрения в зеркало предполагалось, что в этот момент каждый из молодоженов как бы знакомил своего духа со своим избранником и его духом с тем, чтобы оба духа также сочетались между собой браком и впредь оказывали молодоженам помощь и покровительство.

В XIX в. у русских на свадьбе, очевидно, не без влияния народов Средней Азии, а может быть даже и Индии, зеркало использовалось во время обряда расчесывания, когда жених и невеста сидели разделенные друг от друга покровом. После приказа приложить им щеки к покрову, к жениху подносили зеркало таким образом, чтобы он мог увидеть в нем свою будущую жену и дружелюбно ей улыбнуться. Одновременно один из гостей подходил к ним в вывороченной шерстью наружу шубе и желал невесте занять столько детей, сколько у шубы шерстинок (80, с. 550).

С представлением о том, что отражаемая в зеркале душа человека может оказывать ему помощь, связано, по всей вероятности, существующее у турок поверье, согласно которому если беременная женщина будет часто и пристально глядеться в зеркало, то ребенок родится похожим на нее (85, с. 208).

У таджиков же считалось весьма богоугодным делом "для пожилых людей начинать свой день со смотрения в зеркало", но "ночью и во время траура делать это было нельзя" (98, с. 202).

Выше уже приводились некоторые факты, свидетельствующие, что с течением времени представления о зеркалах несколько видоизменяются, и их все чаще начинают рассматривать не только в качестве символа солнца, но и луны. Это, естественно, не могло не найти своего отражения в декоративном оформлении тыльной стороны некоторых средневековых зеркал Дальнего Востока и Средней Азии, на которых стали помещать изображения календарей с двенадцатимесечным и двенадцатилетним животным циклом. Но иногда встречаются зеркала с двенадцатью небольшими кружками или розетками на их тыльной стороне, символизирующими кругооборот времени в течение всего года (19, с. 217). Похоже, что именно такие зеркала послужили прообразом волшебного зеркала "о двенадцати винтиков" из русской народной сказки "Василий сын купеческий". Согласно этой сказке, стоило только вывинтить из зеркала все двенадцать винтиков, как перед владельцем зеркала тотчас же появлялись двенадцать матросов, готовых выполнить любое его приказание (90, с. 58—64). Не исключено, что в более ранних вариантах этой сказки вместо матросов появлялись двенадцать месяцев в облике людей.

Известны также зеркала, декор на тыльной стороне которых содержит четыре овальных выступа. Анализируя их символику, К. М. Герасимова пришла к выводу, что они символизируют стороны света и одновременно смену сезонов года по принципу восток — весна, запад — осень, север — зима, юг — лето (19, с. 215). Другой тип знакового обозначения четырех времен года — это

разделение тыльной стороны зеркала двумя рельефными диаметральными координатами восток-запад и север-юг на четыре сектора, как это имеет место на некоторых среднеазиатских зеркалах (100, с. 59—65, рис. 1; 43, с. 72—74, рис. 2—3). Иногда же это достигалось крестообразным расположением четырех совершенно одинаковых рисунков, примером чему могут служить зеркало из Ананьевского городища с изображением четырех беседок (101, с. 88—89, рис. 8) и зеркало из Шкотовского района Приморского края с четырьмя цветками (100, с. 65—67, рис. 3).

Следует признать, что рассмотренные выше факты использования зеркал в магико-религиозных обрядах отнюдь не являются исчерпывающими и в дальнейшем могут быть значительно пополнены новыми данными. Тем не менее анализ перечисленных обрядов и поверий позволяет уже сейчас понять и объяснить отдельные аспекты духовной жизни многих народов прошлого, что частично и было осуществлено в ходе разбора собранных материалов. Вместе с тем в свете полученных данных о природе происхождения ряда связанных с зеркалами поверий можно, пожалуй, объяснить и следующие два оставшихся непонятными факта.

Первый из них, касающийся присущих якобы зеркалам необыкновенных свойств, приводится в некоторых волшебных сказках, герой которых прячется от царевны, но та каждый раз находит его, глядя в волшебное зеркало. Это продолжается до тех пор, пока герой сказки не догадывается спрятаться за зеркало, где он сразу же становится невидимым (72, с. 321—322; 89, с. 491). Ответ на вопрос о том, что могло лечь в основу подобного рода представлений, нетрудно получить, если вспомнить об имевшейся якобы связи зеркал с силами потустороннего мира. Последние, пока простой смертный находится в поле обозримого из зеркала зрения, легко находят его, как бы далеко он ни находился в данный момент, и показывают царевне место его пребывания. Но стоит человеку выйти из поля открывающегося изнутри зеркала обзора, а это можно было достичь лишь оказавшись за зеркалом, он тотчас же становился невидимым для глядящих из зеркала духов потустороннего мира.

Второй факт — это почти полное отсутствие в славяно-русских древностях металлических зеркал, в то время как у соседних с древней Русью тюркоязычных народов Поволжья и Южно-русских степей они были очень широко распространены, о чем, в частности, свидетельствуют данные археологических раскопок. Пока известен только один случай находки датируемых XI—XIII вв. бронзовых зеркал, отлитых древнерусскими бронзолитейщиками. Обнаружены они в мастерской по отливке бронзовых зеркал на городище Княжья Гора, расположенном чуть выше устья р. Рось, правого притока Днепра, к юго-юго-востоку от Киева. Это городище, как предполагают исследователи, является остатками древнерусского города Родень (81, с. 105; 95, с. 150). По предположению Б. А. Рыбакова, эти зеркала предназначались для продажи берендеям, торкам и половцам, так как "русские женщины в X—XIII вв. совершенно не пользовались зеркалами" (81, с. 105). Следовательно, говорить о том, что зеркала не были известны древним русичам, нет никаких оснований.

Чтобы уяснить суть причины отсутствия у русичей зеркал, необходимо опять-таки вспомнить, что почти все русские народные поверья и обряды, связанные с зеркалами, восходят к первой мировоззренческой кон-

цепции, в соответствии с которой зеркала являются своеобразным окном в потусторонний мир, мир духов и всякой нечисти. В языческий период славяно-русской истории это обстоятельство послужило главной причиной негативного отношения к зеркалам, как к предметам, связанным с потусторонним миром, в силу чего зеркала в древней Руси использовались главным образом колдунами и ведунками.

После утверждения на Руси христианства повсеместно начались жестокие гонения сторонников язычества, сопровождавшиеся публичными казнями не только колдунов, ведунов и знахарей, но даже скоморохов, причем принадлежавшие им вещи предавались проклятию и подлежали уничтожению (6, с. 411, 413). К таким вещам, надо полагать, относились и зеркала, которые, по представлениям старообрядцев, являются изобретением дьявола. Вот что говорится по этому поводу в одной из старообрядческих легенд.

Один старец, спасаясь в пустыне, как-то прочитал такие слова: "Просите и дается вам". Решив проверить правдивость этих слов, старец пошел просить у царя руки его дочери. Когда царь рассказал обо всем дочери, та, подивившись такой просьбе, сказала: "Так как это дело необыкновенное и чрезвычайное, то должно, чтобы старец, если хочет жениться на мне, оказал бы мне чрезвычайную услугу и принес бы в подарок такую вещь, в которой бы я всю себя видеть могла". Это было сказано в те времена, когда еще не было зеркал. Узнав об условии царевны, старец отправился на поиски затребованной вещи. После долгих скитаний он достиг необитаемую пустыню, где вскоре услышал чей-то стон. На свой оклик старец услышал просьбу: "Почтенный старче! Сжался на мое страдание, ибо я уже несколько лет заключен в этом рукомыльнике, выпусти меня из этой темницы, в которую заключил меня тоже один старец, и я тебе за это услугу, чем пожелаешь". Прежде

чем исполнить эту просьбу, старец запросил в виде вознаграждения ту вещь, которую потребовала от него царевна. Получив обещание, старец снял с рукомыльника крест, и из него вышел дьявол, который через некоторое время принес старцу зеркало. Но когда старец увидел в зеркале свое лицо с морщинами и сединой, дряхлого и немощного, он решил отказаться от женитьбы и стал замаливать свое прегрешение, заключавшееся в том, что он высказал сомнение по поводу правдивости слов священного писания. А так как зеркало впервые было доставлено дьяволом, то самые истые староверы, усматривая в зеркале греховную вещь, никогда не пользовались им (80, с. 265—266).

По этой же причине Русская православная церковь на соборе в 1666 г. постановила запретить использование в домах больших настенных зеркал, разрешив, правда, употребление в качестве предмета женского туалета привозимых из-за границы зеркал малого формата (80, с. 480—481). Но по мере того, как из народной памяти постепенно стали стираться прежние представления о связи зеркал с дьяволом и вообще с темными силами потустороннего мира, в России, особенно в царствование Петра Великого, они все больше получают популярность среди широких слоев населения, чему, видимо, в немалой мере способствовало то обстоятельство, что это уже были не металлические, как в древности, а стеклянные зеркала.

В заключение остается лишь отметить, что, не зная обстоятельств возникновения мистического отношения наших далеких предшественников к зеркалам, трудно, конечно, рассчитывать на какой-либо положительный результат в объяснении происхождения различного рода суеверий, которые, хотим мы этого или нет, все еще находят свое проявление в нашей повседневной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент: Изд. Ан УзССР, 1960. — 228 с.
- ² Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Изд. "ФАН", 1975. — 112 с., ил.
- ³ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Ленинград; Прага: "Артия", "Советский художник", 1966. — 120 с., ил.
- ⁴ Асеев И. В. Два бронзовых зеркала из Чиндантаского могильника // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 1. Новосибирск, 1972. — С. 60—65.
- ⁵ Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. — 201 с.
- ⁶ Афанасьев А. И. Древо жизни: избранные статьи. М.: "Современник", 1983. — 464 с.
- ⁷ Баранов И. Г. Черты народного быта в Китае. (Народные праздники, обычаи и поверья) // Вестник Маньчжурии. 1928. №9. Приложение I. — С. 40—54.
- ⁸ Баруздин Ю. Д., Подольская А. Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1961. Вып. 85. — С. 127—129.
- ⁹ Бенфугаль (Трифопова) Т. И. Ювелирные украшения берберских женщин из Ореса (Алжир) // Страны и народы Востока. Вып. XXV. География, этнография, история. М.: Наука, 1987. — С. 149—164.
- ¹⁰ Богданович Т. Очерки из прошлого и настоящего Японии. СПб., 1905. — 441 с.
- ¹¹ Большой китайско-русский словарь. Т. 4. М.: Наука, 1984. — 1060 с.

- ¹² Бродянский Д. Л. Стрелок Кадо и богиня Аматаэрасу в произведениях неолитических скульпторов (два опыта соединения мифологических и археологических текстов) // Советская этнография. 1985. № 2. — С. 116—121.
- ¹³ Ван Ду. Древнее зеркало // Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII—IX вв.). М.: "Худож. литература", 1970. — С. 7-25.
- ¹⁴ Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. — 484 с.
- ¹⁵ Водзаковская Ю. Суженый, суженый, принеси поужинать // Комсомольская правда. 27 декабря 1990.
- ¹⁶ Возвращенная драгоценность. Китайские повести XVII века. Пер. и коммент. Д. Н. Воскресенского. М.: Наука, 1986. — 272 с.
- ¹⁷ Воробьев М. В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Наука, 1983. — 349 с.
- ¹⁸ Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. В., Митунов Г. Д. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. — 235 с.
- ¹⁹ Герасимова К. М. Особенности знаковой системы "Атласа тибетской медицины" // Новое в изучении Китая. Ч. 1. Культура, лингвистика, знаковые системы. М.: Наука, 1987. — С. 212—222.
- ²⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: ГИС, 1955. — 699 с.
- ²¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: ГИС, 1955. — 555 с.
- ²² Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 2. М.: "Худож. литература", 1984. — 399 с., ил.
- ²³ Девичьи гадания // Газета для женщин "Анна". Декабрь 1991. № 5. — С. 10.
- ²⁴ Джамии А. Саламан и Абсаль. Душанбе: "Ирфан", 1977. — 50 с., ил.
- ²⁵ Джарылгасинова Р. Ш. Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // Итоги, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. — С. 343—349.
- ²⁶ Джарылгасинова Р. Ш. Древние когуресцы (к этнической истории корейцев). М.: Наука, 1972. — 202 с.
- ²⁷ Дуткина Г., Ильчук Н. Японские цуба // Азия и Африка сегодня. 1980. № 12. — С. 55—57, 3-я стр. обложки.
- ²⁸ Евсюков В. Нефритовый заяц-луна // Азия и Африка сегодня. 1987. № 1. — С. 47—49.
- ²⁹ Ельницкий Л. А. Скифские легенды как культурно-исторический материал // Советская археология. 1970. № 2. — С. 64-74.
- ³⁰ Желоховцев А. Танская новелла // Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII—IX вв.). М.: "Худож. литература", 1970. — С. 331—343.
- ³¹ Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977. — 199 с.
- ³² Жуковский В. А. Стихотворения. Поэмы. Проза / Вступит. статья В. Я. Лазарева. М.: "Современник", 1983. — 399 с.
- ³³ Иванов В. В. Проблемы этносемиотики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. — С. 38—62.
- ³⁴ Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. М.: Наука, 1982. — 232 с.
- ³⁵ Ионова Ю. В. Символы в сезонных обрядах сельских общин Кореи (конец XIX — начало XX в.) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. — С. 189—204.
- ³⁶ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Наука, 1985. — 264 с.
- ³⁷ Кедров К. А. Поэтический космос. М.: Советский писатель. 1989. — 480 с.
- ³⁸ Кенин-Лопсан М. В. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. — 164 с.
- ³⁹ Ким Бусик. Госпожа Соль. Из "Исторических записей о трех государствах" // Классическая проза Дальнего Востока. Библиотека всемирной литературы. Серия 1. Т. 18. М.: "Худож. литература", 1975. — 895 с.
- ⁴⁰ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. // Свод археологических источников. Серия EI-36. Л.: Наука, 1971. — 91 с., ил.
- ⁴¹ Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан). М.: ГИХЛ, 1956. — 431 с.

- ⁴² Китайская пейзажная лирика III—XIV вв. Стихи, поэмы, романсы, арии. М.: Изд. МГУ, 1984. — 320 с.
- ⁴³ Копылов И. И. Зеркала из Талгарского городища (к проблеме этнокультурных контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. — С. 70—78.
- ⁴⁴ Корейские народные изречения на корейском и русском языках / Составление, перевод, примечания и предисловие Лим Су. М.: Наука, 1982. — 359 с.
- ⁴⁵ Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: "Худож. литература", 1980. — 286 с.
- ⁴⁶ Крылов И. А. Сочинения в двух томах. Т. I. М.: "Правда", 1984. — 431 с.
- ⁴⁷ Лаврова М. Китайские зеркала Ханьского времени. (Из собрания Русского музея) // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 1. М., 1927. — С. 1—14.
- ⁴⁸ Литвинский Б. А. Зеркало в верованиях древних ферганцев // Советская этнография. 1964. № 3. — С. 97—104.
- ⁴⁹ Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Роман / Пер. с кит. В. Панасюка; Пер. под ред. С. Хохловой; Подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Рифтина. М.: "Худож. литература", 1984. — 791 с.
- ⁵⁰ Лобачёва И. П. Свадебный обряд хорезмских узбеков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXXIV. 1960. — С. 39—48.
- ⁵¹ Лобачёва И. П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. — С. 298—333.
- ⁵² Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XVII. Владивосток. 1922. — 370 с., ил.
- ⁵³ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. — 165 с., ил.
- ⁵⁴ Лю Фу. Ван Сс-морсход // Рассказы у светильника. Китайская новелла XI—XVI веков. М.: Наука, 1988. — С. 27—33.
- ⁵⁵ Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. — 225 с.
- ⁵⁶ Мазин А. И. Таяжные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. — 260 с. с ил.
- ⁵⁷ Малявин В. В. Чжуан-цзы. М.: Наука, 1985. — 309 с.
- ⁵⁸ Манъёсю. Избранное. Пер. с яп., сост., предисл. и коммент. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1987. — 398 с., ил.
- ⁵⁹ Маркарян С. Б., Молодякова Э. В. Праздники в Японии. Обычаи, обряды, социальные функции. М.: Наука, 1990. — 248 с.
- ⁶⁰ Мацокин И. П. Японский миф об удалении богини солнца Аматэрасу в небесный грот и солнечная магия // Известия восточного факультета государственного Дальневосточного университета. Т. 66, вып. 3. Владивосток, 1921. — 41 с.
- ⁶¹ Мендрин В. М. История сиогуната в Японии. Нихон гайси. Сочинение Рай Дзио Сисей в XXII книгах. Перевод с японского с примечаниями и комментариями. Книга У. Кусуноки. Владивосток, 1915. — XVII с., 233 с.
- ⁶² Мифы древних даосов // За рубежом. 1987. № 20 (1401). — С. 18—19.
- ⁶³ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. — 320 с.
- ⁶⁴ Муродов О. Шаманский обрядовый фольклор у таджиков средней части долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. — С. 94—122.
- ⁶⁵ Мухитдинов Х. Ю. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура // Советская этнография. 1973. № 5. — С. 99—107.
- ⁶⁶ Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М.: Наука, 1983. — 261 с.
- ⁶⁷ Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X—XIII вв.). М.: "Худож. литература", 1972. — 255 с.
- ⁶⁸ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982. — 327 с.
- ⁶⁹ Николаева Н. С. Декоративное искусство Японии. М.: "Искусство", 1972. — 87 с., ил.
- ⁷⁰ Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М.: Современник, 1989. — 735 с., ил.

- ⁷¹ Онайко Н. А. О сахновской пластине // Советская археология. 1984. №3. — С. 18—27.
- ⁷² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. Изд. ЛГУ, 1986. — 365 с.
- ⁷³ Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о чудесах. М.: "Худож. литература", 1973. — 573 с.
- ⁷⁴ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: "Искусство", 1979. — 247 с.
- ⁷⁵ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М.: "Искусство", 1982. — 288 с.
- ⁷⁶ Пушкин А. С. Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: "Худож. литература", 1964. — 487 с.
- ⁷⁷ Пэй Син. Куньлунский раб // Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII—IX вв.). М.: "Худож. литература", 1970. — С. 296—302.
- ⁷⁸ Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М.: Наука, 1979. — 359 с.
- ⁷⁹ Рифтин Б. Л. Дянь-му // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М.: "Советская энциклопедия", 1980. — С. 418.
- ⁸⁰ Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. М.: Совместное советско-канадское предприятие "Книга принтшоп", 1989. — 607 с., VIII с.
- ⁸¹ Рыбаков Б. А. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. // Ученые записки МГУ. Вып. 93. История. Книга первая. М.: Изд. МГУ, 1946. — С. 68—112.
- ⁸² Сайкаку Ихара. Новеллы. М.: "Худож. литература", 1984. — 431 с.
- ⁸³ Сариниди В. И. Зеркала древней Бактрии // Советская археология. 1981. № 1. — С. 288—293.
- ⁸⁴ Светлов Г. Е. Путь богов. (Синто в истории Японии). М.: "Мысль", 1985. — 240 с.
- ⁸⁵ Серебрякова М. И. Функциональная роль магии в обрядах деторождения у современных туземцев // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1986. — С. 197—215.
- ⁸⁶ Серошевский В. Корей. Очерки // Собрание сочинений. Т. 4. СПб., (б. г.). — 517 с.
- ⁸⁷ Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. 3-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987. — 448 с.
- ⁸⁸ Симонова-Гудзенко Е. К. О появлении богини Аматаэрасу в японском пантеоне // Советская этнография. 1988. № 1. — С. 98—109.
- ⁸⁹ Сказки: Кн. 1. (Библиотека русского фольклора. Т. 1). М.: "Советская Россия", 1988. — 544 с., 24 л. ил.
- ⁹⁰ Сказки: Кн. 2. (Библиотека русского фольклора. Т. 2.). М.: "Советская Россия", 1989. 576 с., 24 л. ил.
- ⁹¹ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. — 336 с.
- ⁹² Сондерс Э. Д. Японская мифология // Мифология древнего мира. Перевод с английского. М.: Наука, 1977. — С. 405—431.
- ⁹³ Стариков В. С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М.: Наука, 1967. — 255 с.
- ⁹⁴ Сычёв Л. П., Сычёв В. Л. Китайский костюм: символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975. — 132 с., ил.
- ⁹⁵ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев: "Наукова думка", 1980. — 223 с.
- ⁹⁶ Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. — 831 с.
- ⁹⁷ Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // Советская этнография. 1964. № 3. — С. 89—96.
- ⁹⁸ Чвырь Л. А. Судьба одного обряда (о бактрийско-таджикских соответствиях в похоронно-погребальной обрядности) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Наука, 1991. — С. 190—206.
- ⁹⁹ Шавкунов Э. В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. — С. 93—110.

- ¹⁰⁰ Шавкунов Э. В. О происхождении двух бронзовых зеркал из случайных находок в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. — С. 59—69.
- ¹⁰¹ Шавкунов Э. В., Конькова Л. В., Хорев В. А. Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. — С. 80—95.
- ¹⁰² Шимкевич П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Записки Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Т. 1, вып. 2. Хабаровск, 1896. — 133 с., ил. в 23-х приложениях.
- ¹⁰³ Шмелёв А. Кимоно // Азия и Африка сегодня. 1987. № 9. — С. 55-57.
- ¹⁰⁴ Штернберг Л. Я. Орнамент из оленьего волоса и игол дикобраза // Советская этнография. 1931. № 3—4. — С. 103—121.
- ¹⁰⁵ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. — 740 с.
- ¹⁰⁶ Штернберг Л. Я. Культ орла у сибирских народов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 5, вып. 2. Л., 1925. — С. 717—740.
- ¹⁰⁷ Шэнь Фу. Шесть записок о быстротечной жизни. М.: Наука, 1979. — 152 с.
- ¹⁰⁸ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Наука, 1987. — 527 с.
- ¹⁰⁹ Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. — 248 с.
- ¹¹⁰ Rupert M. and Todd O. J. Chinese bronze mirrors. Peiping, 1935. — 260 p., 36 il.

НЕСКОЛЬКО ЭТЮДОВ О ЗЕРКАЛАХ

Сколько стоило зеркало у чжурчжэней?¹

"Что можно было купить в средние века на одну бронзовую китайскую и чжурчжэньскую монету?" — такой вопрос очень часто задают археологам, когда они во время раскопок чжурчжэньских городищ извлекают из земли очередную небольшую бронзовую монету с квадратным отверстием в центре.

Честно признаться, еще каких-то пять лет назад на такой вопрос мы, археологи, шутливо ссылаясь на отсутствие у нас чжурчжэньских ценников, отвечали, что это остается пока тайной за семью печатями. Единственное, что нам было доподлинно известно, так это то, что, как и у китайцев, основной денежной единицей у чжурчжэней была как раз та самая извлеченная из земли небольшая бронзовая монета весом от 2,94 до 3,73 г, известная в Китае под названием *вэнь*, а в западноевропейской и русской исторической литературе — *чох*. Были у чжурчжэней и большие бронзовые монеты достоинством в 10 *вэней*, хотя их вес был намного меньше веса 10 малых монет, т. е. *вэней*. Наряду с бронзовыми монетами, в которых всегда испытывался острый недостаток, в обращении находились еще бумажные ассигнации достоинством до 100 до 10.000 *вэней*. В качестве эквивалента денег использовались также серебряные и золотые слитки, шелковая ткань.

Но постепенно, благодаря прежде всего стараниям российских ученых М. В. Воробьева и Н. В. Ивочкиной, этот вопрос стал проясняться. Им, в частности, удалось установить, что в 1189 г., когда цена на медь сильно подскочила вверх в связи с истощением государственной казны Золотой империи чжурчжэней, был издан правительственный указ, в соответствии с которым отныне бронзовые зеркала должны были продаваться по цене 314 *вэней* за каждый *цзинь* (596,8 г) их веса. В те времена в Китае и других странах Дальнего Востока существовала весьма дробная весовая система, одной из основных мелких весовых единиц которой был *цзянь* (3,73 г). Ему-то и соответствует вес наиболее полновесного чжурчжэньского *вэня* с легендой на одной из его сторон "Да Дин тунбао" — "Находящаяся в обращении монета периода Да Дин", выпускавшаяся с 1175 по 1189 г. Если теперь вес одного чжурчжэньского *вэня* умножить на 314, то в итоге мы получим 1171,22 г. Иначе говоря, при покупке зеркала весом в 596,8 г, т. е. в 1 *цзинь*, надо было выложить столько *вэней*, суммарный вес которых почти вдвое превышал вес самого зеркала.

Но что можно было купить в чжурчжэньской империи за 314 *вэней*?

Согласно данным написанной в XIV в. "Истории Золотой империи" ("Цзинь ши"), если во второй половине XII в. за зеркало весом в 596,8 г надо было уплатить 314 *вэней*, то за такое же количество соли — 30—42 *вэня*, за 10,35 л зерна — 80 *вэней*, за 37,3 г серебра — 2.000, а за сверток шелковой ткани длиной 12,9 м и шириной полотна 61,6 см — 3.000 *вэней*. Для сравнения отмечу, что за те же 314 *вэней* можно было купить кусок шелка длиной 1,68 м и шириной 61,6 см.

В соответствии с официально установленной в Золотой империи нормой, на пропитание простолюдином полагалось в месяц 51,77 л зерна, за которое, как не-

трудно подсчитать, надо было уплатить 400 *вэней*. Но за эту же сумму можно было купить бронзовое зеркало весом чуть более 600 г. Купить такое зеркало простолюдину был явно не по карману. Да и не только простолюдину. Далеко не всякий чиновник мог позволить себе такую роскошь.

Справедливость сказанного можно проиллюстрировать на следующем примере. На Ананьевском и Шайгинском городищах в Приморском крае, являющихся памятниками культуры чжурчжэней второй половины XII — первой трети XIII вв., были обнаружены два совершенно одинаковых чжурчжэньских зеркала из бронзы (рис. 7) весом 152,1 и 149,7 г. Следовательно, их стоимость была равна примерно 80 *вэням*, за которые можно было купить 10,35 л зерна, что составляло шестидневную норму питания простолюдина. О том, что эти зеркала были рассчитаны для продажи мелким чиновникам, видно из семантики рисунка на их тыльной стороне. Так, в верхней части этих зеркал изображен среди облаков нарождающийся месяц, в нижней части — лежащий на земле единорог с повернутой назад и одновременно вверх, в сторону месяца, головой, благодаря чему создается впечатление, что между ними имеется какая-то невидимая связующая нить. В Китае и других средневековых странах Дальнего Востока единорог символизировал мудрого и гуманного правителя. Появление единорога несло якобы умиротворение и процветание природе, было знаком предстоящего рождения мудреца. Позади единорога на зеркале изображена гряда гор, а над их вершинами по левую и правую стороны парят, стоя на облаках, два небожителя, обращенные лицами друг к другу, чем опять-таки подчеркивается наличие какой-то невидимой между ними связи. Небожитель справа держит в руках на специальной подставке или подносе ветку коралла — символ богатства, тогда как небожитель слева держит под мышкой аиста, считавшегося символом долголетия и одновременно успеха на служебном поприще.

В целом же весь рисунок на зеркалах можно понять как символическое пожелание нового (нарождающийся месяц), мудрого и гуманного правителя (единорог), богатства (ветка коралла) и успешного продвижения по служебной лестнице в течение долгих лет жизни (аист). Как нетрудно догадаться, пожелание подобного рода могло быть адресовано прежде всего мелкому чиновнику.

Следует подчеркнуть, что стоимость зеркал определялась не только количеством расходуемой на их изготовление бронзы, но и ее качеством. Не случайно же китайские мастера помещали на некоторых зеркалах своеобразные надписи-рекламы, возвещавшие, что данное "зеркало сделано из превосходного металла, сто крат очищенного" или что "металл, выплавленный сто раз, пригоден для изготовления зеркала", а также что "из зеленого благоприятствующего металла сделал зеркало по своему рецепту".

Особенно ценились зеркала, отлитые из так называемой белой бронзы — сплава, известного у персов под названием *карчини*, т. е., дословно, "китайского камня". Зеркала из белой бронзы довольно часто встречаются во время раскопок чжурчжэньских городищ в Приморье. Их отличительной особенностью является то, что, пролежав в земле несколько столетий, они, как

¹ Авторская переработка статьи: Шавкунов Э. В. О стоимости зеркал у чжурчжэней // Древний и средневековый Восток. Ч. 1. М.: Наука, 1985. — С. 224—235.

правило, не подверглись коррозии. Кроме того, декор на тыльной стороне таких зеркал в своем большинстве выполнен на более высоком, чем у зеркал из желтой бронзы, художественном уровне, что, естественно, также влияло на их стоимость, тем более если этот декор содержал в виде различных символов-заклинаний благопожелания счастья, богатства, большого мужского потомства, долгих лет жизни и т. п.

Насколько зависела стоимость зеркал от качества используемого на их изготовление сплава, видно из того, что у тех же чжурчжэней бронзовые музыкальные тарелки, на изготовление которых шел специальный сплав, обладавший особо мелодичным звуком, стоили почти в четыре раза дороже, чем зеркала из обычной бронзы одного с ними веса.

Не менее высоко ценились зеркала и у других народов средневековья. Прекрасной иллюстрацией сказанному служит новелла "Древнее зеркало" китайского прозаика VII в. Ван Ду, в которой говорится о зеркале, обладавшем якобы "сверхъестественными свойствами". Оно, во-первых, было древнего происхождения, что уже само по себе свидетельствовало о его большой ценности. Во-вторых, одним из достоинств зеркала, как подчеркивает автор, было наличие на его тыльной стороне сложного рисунка астрально-космогонического содержания. В-третьих, оно было отлито из сплава, обладавшего необычными свойствами. "Стоило ударить по зеркалу, как раздавался мерный, протяжный звон, и потом не затихал целый день". Обладая многими "сверхъестественными свойствами", это зеркало требовало и особого к нему отношения, и не случайно поэтому его наделяли такими эпитетами, как "Небесное", "не имеющее себе равных в мире", "чудодейственное", "драгоценное", что не оставляло сомнения в его огромной ценности, а следовательно, и стоимости.

Другой пример отношения к зеркалу, как к дорогостоящему предмету, можно найти в средневековой японской новелле "Дневник путешествия из Тоса в столицу", автором которой является Ки-но Цураюки, жившая в конце IX — первой половине X вв. В новелле приводится описание злоключений, выпавших на долю возвращавшейся домой после длительного пребывания на одном из отдаленных островов группы придворной знати. В пути их корабль неожиданно настигла буря, и кормчий потребовал от пассажиров, чтобы те пожертвовали богу Сумиёси — защитнику мореходов — какой-нибудь дорогой подарок. Посовещавшись, пассажиры пришли к выводу, что у каждого из них по два глаза, и потому они не представляют большой ценности. А вот зеркало на корабле одно на всех, и оно действительно является дорогим подарком. И все единодушно решили принести в жертву Сумиёси единственное на корабле зеркало. "Всем его жалко. Но о, чудо! — море вдруг становится похожим на гладкое зеркало", в безмятеж-

ной глубине которого все вдруг "узрели истинное сердце бога Сумиёси, такое же алчное до подачек, как и у кормчего".

Как видно из содержания новеллы, пассажирами корабля были придворные японского императора, т. е. вполне состоятельные люди. Тем не менее у них оказалось только одно зеркало, так как из-за чрезмерной дороговизны оно было доступно далеко не каждому придворному. Интересно также будет отметить, что зеркало было оценено придворной знатью дороже собственного глаза — цена, конечно, аллегорическая, но весьма выразительно говорящая о высокой стоимости зеркала.

Очень ценились зеркала и у уйгуров, о чем можно судить на основании того факта, что к числу многочисленных и притом поистине дорогих подарков, которые поднесли в 951 г. китайскому императору уйгурские послы, они не сочли для себя зазорным присовокупить еще и два бронзовых зеркала.

Столь же высоко ценились зеркала и у енисейских кыргызов, о чем красноречиво свидетельствует текст каменного памятника, установленного в честь знатного военачальника Ынанчу. Среди перечисляемых в тексте бесчисленных богатств, принадлежавших Ынанчу, упоминаются также "восемь медных зеркал и десять черных зеркал", которые, очевидно, представляли собой предмет особой гордости этого военачальника при его жизни.

Лишь большой дороговизной зеркал следует объяснить и тот факт, что в древнетюркской "Книге гаданий" VIII — начала IX вв. в качестве примера того, что есть "плохо", говорится: "Женщина свое зеркало уронила в озеро. Утром она хнычет, а вечером голосит, говорят. Так знайте: это печально, это очень плохо".

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют, что стоимость бронзовых зеркал в средние века была очень высокой не только у чжурчжэней, но и у многих других современных им народов. Отсюда становится понятным, почему во время раскопок зеркала встречаются не так уж и часто, а там, где их все же находят, например, в погребении или на месте остатков древних жилищ, то это означает, что исследуемые археологические объекты принадлежали людям, занимавшим при жизни одну из высших ступеней иерархической лестницы изучаемого общества. И чем крупнее по своим размерам и весу обнаруженное зеркало, чем выше уровень художественного исполнения рисунка на его тыльной стороне, чем больше отдает благородной белозной сплав, из которого отлито это зеркало, тем, следовательно, дороже оно когда-то ценилось и тем состоятельней был его владелец.

Как полировали зеркала дальневосточные зеркальщики

Одним из наиболее существенных недостатков бронзовых зеркал является то, что, будучи однажды отполированными до ослепительного блеска, они под воздействием внешних факторов со временем настолько тускнели, что переставали отражать. Поэтому время от времени их необходимо было заново полировать или обновлять имеющийся на них слой амальгамы. В средневековом Китае для этих целей существовала даже "специальная профессия — бродячие шлифовальщики зеркал, которые переходили из дома в дом, полируя

зеркала, находившиеся в употреблении". Вместе с тем там имелись и целые заведения, занимавшиеся полировкой зеркал (18, с. 30—31).

А как обстояло дело у чжурчжэней? Были ли у них подобные профессии?

Ответить на этот вопрос утвердительно не удавалось до тех пор, пока при раскопках чжурчжэньских городищ в Приморском крае не были обнаружены небольшие сильно залощенные со всех сторон камни с характерным "металлическим" блеском. Форма их самая

разнообразная, в том числе и в виде брусочков, на которых иногда прослеживаются узкие желобки, полученные в результате проработки этими местами тонких выпуклых поверхностей, например, ободка зеркал. Одним словом, достаточно было бросить на эти камни беглый взгляд, чтобы понять, что это какие-то орудия труда, изготовленные из таких мелкозернистых минералов, как гематит, магнетит, углистые и кремнистые сланцы, аргеллит, яшма, киноварь и т. п.

Чтобы выяснить назначение этих камней, Н. А. Кононенко был осуществлен трасологический анализ, позволивший установить по имеющимся на их поверхности следам сработанности, что это абразивные инструменты, применявшиеся для шлифовки и полировки рефлекторной стороны бронзовых зеркал. Но этого, конечно, было еще недостаточно для того, чтобы выяснить, как и при помощи каких именно средств чжурчэньские зеркальщики шлифовали и полировали зеркала. Можно было лишь предварительно отметить, что эти абразивы использовались в начальном этапе обработки зеркал, т. е. для снятия после их отливки шероховатостей и выравнивания поверхности рефлекторной стороны. Последующие этапы полировки могли, судя по всему, заключаться в обработке поверхности зеркала, например, пемзовым или кварцевым порошком при помощи куска кожи или ткани. Для накатки глянца мог использоваться такой тонкий абразивный материал, как мел (15, с. 78).

Но как все же обстояло дело в действительности, было не совсем ясно. Поэтому, чтобы восстановить хотя бы частично процесс обработки рефлекторной стороны зеркал, пришлось обратиться к тем немногим отрывочным сведениям, которые можно было найти в различных письменных источниках, и прежде всего в средневековых художественных произведениях Китая и Японии.

Интересные данные о технологии обработки бронзовых зеркал в средневековой Японии после их отливки приводит, в частности, Масакэ Накано в своем фундаментальном исследовании "Ва кё" ("Японские зеркала").

Как отмечает этот исследователь, в Японии изготовлением зеркал в основном занимались находившиеся в ведении буддийских и синтоистских храмов мастера. Известно, например, что в эпоху Нара (710—794 гг.) и в начале эпохи Хэйан (794—1192 гг.) в мастерской при знаменитом храме Тодайдзи в г. Нара в процессе изготовления зеркал было задействовано 22 человека, из числа которых 2 человека отливали зеркала, 18 полировали их (рис. 8), а 2 человека были подсобными работниками, причем на полировку зеркал уходило в 8 раз больше времени, чем на их отливку. Для полировки зеркал ремесленники этого храма применяли железные опилки и каменные абразивы в форме бруска, а затем обработанную таким способом рефлекторную сторону шлифовали пропитанной маслом тканью, после чего ее лудили оловом или амальгамировали смесью олова с ртутью. Последнюю операцию, поскольку дело было связано с вредными испарениями ртути, осуществляли подневольные работники. В эпоху Камакура (1192—1233 гг.), как отмечает М. Накано, после амальгамирования рефлекторной стороны зеркал смесью олова с ртутью ее промывали соком окзалиса — одного из видов сорной травы. Позже вместо сока травы окзалис стали использовать сок граната. В XVII—XIX вв. при полировке зеркал применялся порошок из точильного камня и сливовый уксус, с помощью которого с рефлекторной стороны зеркала удалялись окислы,

образовавшиеся в результате воздействия ртути на бронзу. Кроме того, сохранились сведения, что после отливки зеркал их сначала обрабатывали напильником и шабером, а затем полировали древесным углем из магнолии (11, с. 78—79).

В китайской средневековой художественной литературе можно найти отрывочные сведения, в какой-то мере проливающие свет на технологию обработки рефлекторной стороны зеркал.

Так, в одном из таких произведений его героиня Цзинь-лянь приказывает слуге позвать зеркальщика, чтобы тот отполировал зеркала. "Войдя во двор, старик опустил коромысло, поклонился и стал в сторонке, а когда принесли зеркала, сел на низенькую скамеечку и достал ртуть. Не прошло времени, необходимого для обеда, как все зеркала, — их было восемь, — засверкали. Цзинь-лянь погляделась в одно. Его поверхность походила на чистую гладь осенних вод" (20, с. 166).

В новелле танского прозаика VII в. Ван Ду "Древнее зеркало" говорится о сверхъестественных якобы свойствах доставшегося ему зеркала, которое, если покрыть его амальгамой, а затем снять ее жемчужной пудрой и держать зеркало так, чтоб на него попадали солнечные лучи, то отраженный им луч проникает сквозь стены". Если же нагреть это "зеркало в парах расплавленного золота, смыть нефритовой водой и вновь покрыть амальгамой, а затем снять с зеркала амальгаму жемчужной пудрой и поместить его тут же в известь, то оно приобретает способность излечивать любой недуг" (1, с. 15—16).

Имеется также свидетельство о том, что в старину бронзовые "зеркала наводились", т. е., говоря иначе, начищались, чтобы в них лучше можно было глядеться, "порошком из темного олова (свинца) и натирались белым сандалом" (12, с. 197, цзинь).

Как можно заключить из приведенных цитат, в средневековом Китае рефлекторная сторона бронзовых зеркал вначале подвергалась шлифованию и полировке с помощью таких же, как обнаруженные на чжурчэньских городищах, абразивов и жемчужной пудрой, т. е. истолченных в порошок раковин морских моллюсков, а затем амальгамировались смесью ртути с оловом и, возможно, золотом или серебром. Для того, чтобы обновить нанесенную на зеркало позолоту, его держали над расплавленным золотом, в результате чего, надо полагать, под воздействием высокой температуры остаточная ртуть в старой амальгаме испарялась, а позолота после обработки зеркала водным раствором измельченного в порошок нефрита приобретала свой первоначальный блеск. В случае же необходимости удаления с поверхности зеркала амальгамы ее удаляли путем тщательной протирки жемчужной пудрой, которая, как и мел, выступала здесь в роли полировочного материала. Обращает в связи с сказанным на себя внимание факт неоднократного нахождения на Шайгинском городище раковин гребешка и других морских моллюсков, которые доставлялись сюда с расположенного в 70 км морского побережья скорее всего для изготовления из них так называемой жемчужной пудры.

Что касается упоминаемой в новелле Ван Ду извести, то она могла применяться для обезжиривания поверхности зеркал и удаления с нее окислов с целью более прочного соединения амальгамы с металлом.

В целом же, принимая во внимание все перечисленные выше факты, процесс обработки рефлекторной стороны зеркал можно реконструировать в следующем порядке. После отливки зеркала с помощью напильника или крупнозернистого песчаника, а также шабера с его

поверхности счищались и выскабливались все видимые невооруженным глазом неровности. Затем обработанную таким образом поверхность шлифовали каменными абразивами, а иногда еще и железными опилками. Для полировки рефлекторной стороны зеркал в зависимости от личного опыта и склонностей зеркальщика использовался истолченный в порошок точильный камень или ракушечник морских моллюсков (жемчужная пудра), а чтобы в процессе работы порошок не сыпался с поверхности зеркала, его "насаживали" на смоченный маслом кусок кожи или ткани. Завершающим этапом обработки рефлекторной стороны зеркала было ее амальгамирование смесью ртути с оловом, реже с серебром и золотом, после чего поверхность зеркала еще раз полировалась водным раствором измельченного в порошок нефрита или древесным углем преимущественно ценных пород дерева, так как, по-видимому, считалось, что именно таким углем можно было добиться наилучшего эффекта.

В случае же необходимости обновить амальгаму, поверхность зеркала очищалась от окислов и жиров с помощью промывки ее уксусом или кислым соком некоторых трав и плодов, а иногда, очевидно, и известью. Затем остатки старой амальгамы счищались жемчуж-

ной пудрой или другим каким-либо мелко истолченным порошком, после чего зеркало вновь амальгамировали.

Надо полагать, что рассмотренная выше технология обработки бронзовых зеркал, применявшаяся в средние века в Китае и Японии, была известна и чжурчжэням, захватившим и в течение более ста лет удерживавшим под своим владычеством обширные китайские территории, что позволило им интенсивно использовать производственный и технико-технологический потенциал китайских ремесленников, в том числе занятых изготовлением и обработкой бронзовых зеркал. Не приходится сомневаться и в том, что у чжурчжэней, как и в средневековом Китае или Японии, имелись собственные профессионалы-зеркальщики, а также специализированные мастерские по отливке зеркал.

Прорабатывая вопрос о том, как полировались в средние века бронзовые зеркала, у меня как-то само по себе в стихотворной форме сложилось описание процесса изготовления зеркал в те далекие от нас времена. Не мне, конечно, судить о художественных достоинствах этого стихотворчества, которое ниже я выношу на суд читателей, но за достоверность хода работ зеркальщика я ручаюсь.

Загадочный случай на древнем городище

*Был многолюдный город здесь когда-то,
Кипела жизнь на улицах его...
Но враг пришел, все сжег, разрушил,
И воины его устроили на пепелище пиршество.
Прошли века...
И вот стою я у городских развалин —
Кругом тайга да буйная трава.
Присел я отдохнуть...
И вдруг случилось что-то —
Развалин больше нет, везде стоят дома
И дым из труб валит густой и едкий.
Спешишь куда-то девушки веселая толпа,
А где-то громко женщины судачат,
Ребенок в чьем-то доме, проснувшись, плачет.
Вот едет пахарь на буйволе верхом,
За ним сынишка скачет босиком.
Вблизи ручья зеркальщик горн раздул мехами,
Расплавил бронзу и зеркала отлил.
Затем напильником и шабером
Неровности с них он удалил
И, укрепив в тисочках абразив,
Стал шлифовать их...
Но вот настало время полировки
Жемчужной пудрой.
Чтоб получить ее, морских моллюсков раковины
Зеркальщик в порошок истер
И, обмакнув кусочек кожи в масло,
А вслед за этим — в порошок,
Он, пот смахнув рукой со лба,*

*Воды отпив потом глоток,
Стал полировать усердно зеркала.
Покончив с этим делом,
В сосуд, где ртуть хранилась,
Зеркальщик положил кусочек серебра.
Когда же серебро смешалось с ртутью,
Он амальгаму получил и ею зеркала покрыл.
Затем, чтоб ртуть из амальгамы удалить,
Он зеркала прогрел над пламенем огня
И, остудив их, нефритовой водой промыл,
Жемчужной пудрой вновь почистил
И войлоком старательно протер.
Лишь после этого,
Взглянув поочередно в зеркала,
Он улыбнулся, усталый и довольный...
Но вот исчезло все куда-то,
Я оглянулся вокруг себя —
Кругом все та же тишина, руины и тайга...
Уехал я домой, но, право,
До сих пор не знаю,
Что приключилось там со мной:
Действительно ль я спал и видел сон?
Иль наяву все это было?
Ведь на городище увидел я такое,
Чего до этого не знал и знать не мог...
В одном лишь нет сомненья —
То, что увидел я,
Все было очень достоверно!*

Шли кони по Соболевой дороге...

Изучая археологический материал, собранный во время раскопок бохайских и чжурчжэньских памятников на территории Приморья, в какой-то момент я вдруг заметил, что он содержит немало изделий, которые были изготовлены в Средней Азии. Среди этих изделий имелись и такие, на которых имелись надписи на арабском языке.

Но каким образом эти изделия могли попасть на Дальний Восток?

Этот вопрос заставил меня заново и основательно просмотреть доступный мне археологический материал и проанализировать факты, так или иначе имевшие отношение к существу данной проблемы. В результате был сделан вывод, что наряду с Великим шелковым

путем существовала более северная торговая трасса, которая была проложена древними согдийцами — предками современных таджиков. Благодаря этой трассе согдийцы получили относительно более безопасный доступ к обширнейшему пушному и кожевенному рынку народов Монголии, Сибири, Приамурья и Приморья. При этом главной статьей импорта у согдийских купцов являлись получившие широкую известность в Китае собольи шкурки Приамурья и Приморья, которые у властителей восточных стран всегда пользовались огромной популярностью и ценились дороже шелка и парчи. Не исключено поэтому, что эта торговая трасса по аналогии с Великим шелковым путем самими согдийцами была названа Соболевой дорогой (22, с. 146—155).

Начиналась Соболя дорога скорее всего в Семиречье, которое во второй половине I-го тысячелетия н. э. уже основательно было заселено согдийцами, и через Южную Сибирь шла в Западную Монголию и дальше на восток к долине р. Селенги, где по приказу уйгурского кагана Моюн-чура согдийскими и китайскими строителями был воздвигнут город Бай-Балык. Из Бай-Балыка Соболя дорога скорее всего сворачивала на юг к верховьям р. Орхон, где находилась столица Уйгурского каганата Орду-Балык. Затем она шла к верховьям р. Толы, а оттуда уже было недалеко до верховьев Онона и Керулена. Здесь Соболя дорога разветвлялась на два направления. Одно из них вело по Керулену к озеру Далай-Нор, а затем по Аргуню к Амуру. Второе направление вело по Онону в Забайкалье, где Онон сливается с Шилкой, притоком Амура. По Амуру согдийские суда плыли до низовьев Сунгари и Уссури, по которым они достигали самых глубинных районов древней Маньчжурии (Северо-Восточного Китая) и Приморья (22, с. 150—151).

По всему пути своего следования согдийцы создавали своеобразные колонии, т. е. поселения, где они могли в случае необходимости отдохнуть, сменить заболевших выючных животных или прохудившиеся суда, пополнить запасы пищи, наконец, найти защиту от набегов воинственных кочевников. Вместе с тем это были и крупные торгово-ремесленные центры, куда местное население сбывало свою продукцию в обмен на изделия проживавших здесь согдийских ремесленников.

Одна из таких согдийских колоний VIII-X вв. обнаружена на территории Приморского края вблизи г. Арсеньева. Как показали результаты раскопок, ее жители занимались бронзолитейным делом и сбывали свою продукцию бохайцам, проживавшим на расположенном примерно в 0,5 км Новогордеевском городище на Круглой сопке. То, что согдийцы предпочли поселиться не вместе с бохайцами, а рядом с ними, объясняется тем, что так они могли без каких-либо помех со стороны бохайцев жить по законам и обычаям своей далекой родины (23, с. 100—105).

Это, конечно, была не единственная на Дальнем Востоке согдийская колония. Но, к сожалению, они еще не обнаружены. В связи с этим хотелось бы отметить, что, судя по всему, подобная колония вполне могла находиться в провинции Хэйлунцзян Северо-Восточного Китая вблизи слияния рек Сунгари и Муданьцзян. Именно здесь находятся остатки городища Тучэнцзы, на месте которого, как полагают китайские археологи, находился древний город Угочэн (2, с. 30), т. е., если перевести дословно его название с китайского языка, "Город пяти государств", "Город пяти владений".

Если верить письменным источникам, это был крупный административный центр племен угу, т. е. племен "Пяти владений", которые отличались от проживавших к югу от них чжурчженей языком, одеждой, жилищами, способом обработки земли. Иначе говоря, угу принадлежали к совершенно другому, чуждому во всех отношениях дальневосточным племенам этнокультурному миру. Большой интерес представляет также и свидетельство о том, что угу "свободно общаются и торгуют с северными варварами" (3, с. 304). Учитывая же тот факт, что главной причиной появления на Дальнем Востоке согдийцев явилось их стремление установить торгово-экономические связи с проживавшими здесь племенами, нетрудно догадаться, что под именем угу скорее всего скрывались обосновавшиеся здесь согдийские колонисты. В этом случае находит себе объяснение происхождение названия древнего города Угочэн. Это не что иное, как перевод на китайский язык согдийского названия находящегося в Средней Азии города Пенджикент, означающего в переводе на русский язык "Пять городов", "Пять областей", "Пять владений".

По всей вероятности, согдийские купцы, основав в районе слияния реки Муданьцзян с Сунгари свою колонию, очень скоро разросшуюся до размеров крупного города, назвали ее в память о родном городе, откуда они прибыли, Пенджикентом. Китайские же летописцы название этого города перевели с согдийского на китайский язык. Так и появился загадочный Угочэн, под именем которого в свете высказанных выше соображений вполне может скрываться дальневосточный собрат среднеазиатского Пенджикента.

В Приамурье согдийцы-пенджикентцы обосновались, очевидно, где-то в первой половине I-го тысячелетия н. э. В пользу такой даты говорит прежде всего то обстоятельство, что эта территория, изобилующая болотистыми местами, была названа согдийцами Шибэр, или Шивэр (Шивэй в китайской иероглифической записи), что в переводе на русский язык означает "болото", "заболоченная местность". Впоследствии это название было перенесено на проживавшие там монголоязычные племена, первые сведения о которых появились в Китае при династии Восточная Вэй (534—550 гг.). И еще один интересный в связи с этим факт. У черноречных мукрийцев, или, как их называли китайцы, хэйшуй мохэ, проживавших южнее племен угу, т. е. согдийских колонистов из Пенджикента, в титулатуре их родоплеменных вождей по крайней мере уже в VII веке имелось слово бакфур, или фагфур, как древнеиранские народы, а значит и согдийцы, называли восточных монархов, которое было эквивалентным китайскому титулу "Сын Неба". Но внедрение этого титула в лексику тунгусоязычных мукрийцев могло произойти лишь при условии очень длительного их контактирования с ираноязычными согдийцами, начало которому, следовательно, было положено значительно раньше VII века (22, с. 146, 151).

А недавно стало известно еще об одном интересном факте, свидетельствующем в пользу существования Соболевой дороги согдийцев. Об этом поведали находки двух одинаковых согдийских зеркал, отлитых из бронзы. Одно из них обнаружено в Южной Сибири в Минусинской котловине (9, с. 103—104, рис. 97), а второе (рис. 9) было случайно найдено на склоне оврага около с. Кути Приаргуньского района Читинской области, т. е. вблизи слияния Шилки с Аргунью. Выше уже говорилось о том, что Соболя дорога к востоку от верховьев

р. Толы разветвлялась на Ононо-шилкинское и Керуленно-аргуньское направления, которые снова соединялись между собой при слиянии Шилки с Аргунью. Находка же согдийского зеркала в районе слияния этих рек дает основание предполагать, что где-то здесь должны находиться остатки согдийской колонии, тем более если учесть весьма выгодное стратегическое положение этого участка Соболей дороги.

Зеркало из Приаргуньского района в настоящее время хранится в фондах Читинского областного краеведческого музея под шифром ЧОМ 10517. Ободок у него имеет вид узкого и невысокого бортика, столь характерного для большинства среднеазиатских зеркал второй половины I-го тысячелетия н. э. В центре тыльной стороны диска находится держатель в виде петельки. Вся эта сторона зеркала разделена двумя окружностями из мелких перлов, или жемчужин, на три концентрически расположенные декоративные зоны: внешнюю, среднюю и центральную.

Судя по всему, основная семантическая нагрузка здесь приходится на рисунок средней зоны, тогда как рисунки остальных зон лишь дополняют ее, в связи с чем сперва, очевидно, целесообразней будет рассмотреть рисунки внешней и центральной зон, выполненных техникой литья в низком рельефе.

На внешней зоне зеркала вдоль его ободка помещены мелкие, а потому трудно различимые изображения каких-то животных, птиц и растений.

В центральной зоне находится изображение колеса с одиннадцатью фигурными спицами. Осью колеса служит петельчатый держатель, а его ободом — окружность из перлов.

В средней зоне имеются изображения восьми всадников, причем у коней видна только верхняя часть крупы, тогда как нижняя вместе с ногами отсутствует, благодаря чему создается впечатление как бы плывущих по воде животных. Это впечатление еще больше усиливается из-за наличия под изображениями животных узкого желобка, который одновременно был призван показать, что между всадниками на конях и находящимися в центре зеркала изображением колеса существует не прямая, а лишь косвенная связь. Всадники движутся вокруг колеса против часовой стрелки. В одном месте между двумя всадниками помещена частично заходящая на внешнюю зону рельефная рамка, у которой отсутствует правая сторона. В эту рамку заключена надпись, выходящая с правой стороны за ее пределы. Прорисовка этой надписи в свое время была показана мной крупнейшему в нашей стране знатоку языков и письменностей древнеиранских народов В. А. Лившицу, который отметил, что в целом надпись очень похожа на

согдийскую, но от дальнейших комментариев он воздержался в виду возможных погрешностей в ее прорисовке. Скорее всего надпись содержит имя мастера, а может быть, и название места, где было отлито зеркало. В то же время не исключено, что это какое-нибудь благопожелательное заклинание.

Чтобы разобраться в смысле всего рисунка на этом зеркале, необходимо вначале отметить, что хотя всадники, как, впрочем, вообще кони, колесницы и даже отдельно взятое изображение колеса, являются древними символами солнца, они в данном случае не имеют прямого отношения к солнцу и солнному культу. Это станет еще более очевидным, если вспомнить, что солнце движется по небосклону в направлении с востока на запад, т. е. по ходу часовой стрелки, тогда как всадники на зеркале — в противоположном направлении. Тем самым древний художник, видимо, хотел подчеркнуть, что всадники несут в себе вполне самостоятельную от колеса-солнца семантическую нагрузку, отражающую скорее всего реалии земной жизни, например, переправу торгового каравана через водную преграду на пути его следования, возможно даже возникшей по маршруту именно Соболей дороги, где как раз и были обнаружены оба согдийских зеркала.

Помещенное в центре зеркал колесо может также символизировать одну из восьми буддийских "драгоценностей", или "эмблем славы" — колесо закона. Но как бы там ни было, общий смысл всего рисунка от этого не изменяется.

В целом же весь рисунок на этих зеркалах можно предварительно расшифровать как пожелание благополучного прибытия торгового каравана в страны, дальше которых за морем восходит солнце (в нижней части зеркал всадники двигаются на восток), выгодного приобретения там большого числа разнообразной продукции животного и растительного происхождения, обозначенной на рисунках внешней зоны зеркал, а затем столь же благополучного возвращения к себе домой (в верхней части зеркал всадники следуют на запад, в сторону Средней Азии). И чтобы так было бесконечно, как бесконечно катится по небосводу колесо-солнце!

Видимо, путь из Средней Азии на Дальний Восток по Соболей дороге был далеко не из легких, во время которого согдийских купцов поджидали многие опасности, в том числе со стороны охочих до наживы воинственных кочевников. Поэтому согдийские купцы и брали с собой в дорогу зеркала-талисманы, призванные оказывать им помощь и охранять в пути от всяческих невзгод и нежелательных встреч с разбойниками.

"Свет мой, зеркальце! скажи..."²

"Прошлое молчит, когда его ни о чем не спрашивают". Этот случайно услышанный афоризм вспоминается мне каждый раз, когда после очередной лекции или рассказа о далеком прошлом народов российского Дальнего Востока вдруг раздастся чей-то недоверчивый возглас: "А откуда вы знаете, что все было именно так?" И тогда мне приходится объяснять, что все это нам, археологам, стало известно благодаря тем ответам, которые

² Данная статья с небольшими изменениями опубликована автором в газете "Дальневосточный ученый" (1989 г., № 24, с. 8).

мы получаем на задаваемые нами вопросы при очередной находке какого-нибудь древнего изделия, особенно если оно отличается необычностью своей конструкции, формы или декоративного оформления.

Сказанное не следует, естественно, понимать в том смысле, что дело происходит как в хорошо известной всем "Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях" А. С. Пушкина, в которой стоило только царице воскликнуть: "Свет мой, зеркальце! скажи да всю правду доложи", как зеркальце тотчас же давало ответ на заданный вопрос.

Для того, чтобы сработанное древним умельцем изделие, в том числе и зеркало, действительно "заговорило", исследователю предстоит проделать большую и кропотливую работу прежде всего по выявлению соответствующих аналогов, причем нередко обнаруженных на весьма удаленных от места находки изучаемого изделия территориях. Как все это получается, можно проиллюстрировать на примере двух недавно найденных в Приморском крае бронзовых зеркал.

Одно из них было случайно найдено известным среди археологов Владивостока краеведом из с. Черниговки Приморского края Ф. П. Тригубом. Зеркало, переданное им в дар Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, сразу же обратило на себя внимание необычным для дальневосточных зеркал ободком в виде высокого тонкого бортика и неприсущим для них декоративным оформлением его тыльной стороны, выполненной в технике низкорельефного литья вихревой розеткой (рис. 10). Обнаружено оно было на вспаханной поверхности средневекового поселения вблизи с. Дмитриевки, где люди жили в VIII—X и в XII — начале XIII вв.

Как показали исследования, зеркала, декорированные вихревой розеткой, правда, выполненные в совершенно иной манере, в результате чего розетка на них приобретала вид рельефного цветка, в X—XIII вв. отливались в Китае. А поскольку у китайских зеркал к тому же были совершенно иные ободки, это дало основание продолжить поиски, в процессе которых удалось установить, что декор в виде вихревой розетки, символизирующей солнце, впервые появляется в Средней Азии и соседних с ней районах Ирана и Афганистана еще в эпоху бронзового века. Но особую популярность этот декор получает там в VIII—XI вв. И хотя зеркала с изображением вихревой розетки в Средней Азии пока не обнаружены, нельзя не отметить, что этот вид декора очень часто встречается на керамических сосудах и штампах VIII—XI вв., причем по стилю исполнения они полностью соотносятся с вихревой розеткой на зеркале из Дмитриевского поселения в Приморье. Таким образом, вся совокупность рассмотренных выше данных позволила заключить, что это зеркало было изготовлено в Средней Азии, откуда где-то в VIII—X вв. оно было привезено в Приморье, входившее в то время в состав созданного тунгусоязычными племенами мукри государства Бохай (698—926 гг.).

Находка этого зеркала служит еще одним свидетельством в пользу существования Собольей дороги согдийцев, которые вели интенсивную торговлю с бохайцами и монголоязычными шибэрами Приамурья. Возможно, что именно к этому же времени относится и обнаруженный на территории Хабаровского края клад серебряных среднеазиатских драхм, представляющих собой подражания сасанидским драхмам Пероза и Варахрана V и находившиеся в обращении с VII по XII в. включительно. Этот клад в настоящее время хранится в фондах Хабаровского краевого краеведческого музея. Нет необходимости доказывать, что наряду с торговыми связями между народами и племенами российского Дальнего Востока и Средней Азии существовали и культурные контакты, оказавшие, надо полагать, положительное воздействие на развитие средневековых культур населения Приамурья и Приморья. В чем конкретно нашло это свое проявление — предстоит еще ответить на основе детального анализа большого круга данных археологических исследований.

Почти одновременно с находкой описанного выше зеркала на Ананьевском городище — самом южном на территории Приморья памятнике культуры чжурчженей второй половины XII — первой трети XIII вв. — было обнаружено еще одно не менее интересное зеркало. В. А. Хорев, который бессменно руководит раскопками этого памятника с 1972 г., сразу же обратил внимание на оригинальность его декоративного оформления (рис. 11).

И действительно, ободок этого зеркала в разрезе имеет вид равнобедренного треугольника, что крайне редко встречается на дальневосточных зеркалах. В центре его тыльной стороны находится держатель в виде широколенточной петельки, которую на некотором от нее удалении опоясывает окружность из перлов. Такая же окружность имеется вдоль ободка. Обе окружности соединены между собой крестообразно расположенными прямыми линиями также из перлов, разделяющими заключенное между окружностями пространство на четыре равновеликих сектора. В каждом из этих секторов имеется по стилизованному изображению бабочки, контуры которых обозначены низкорельефными линиями. Головки бабочек составлены из трех относительно крупных перлов, причем один из них, выступающий вперед, приходится на место носика с хоботком, а два других, расположенных чуть позади и по бокам первого, — на место глаз. Из-под глаз в обе стороны от головок отходят по длинному закручивающемуся на концах в небольшую спираль уску. Туловище изображено в виде сильно удлинённого овала, расчлененного двумя поперечными дужками на ячейки. Крылья у бабочек украшены мелкими розетками, образованными самым малое из трех и самое большое из девяти перлов.

Поиски аналогий привели меня в Семиречье, где недалеко от Алма-Аты на Талгарском городище в развалах домов кара-киданьского ювелира и кара-киданьского торевта в свое время были обнаружены два бронзовых зеркала. От ананьевского они отличаются лишь тем, что вместо бабочек в секторах помещены изображения аистов: на одном из них по летящему аисту и облаковидному завитку, а на другом — по три летящих в разные стороны аиста. Тем не менее на всех трех зеркалах чувствуется единый почерк, одна художественная школа, что и дает основание считать зеркало из Ананьевского городища кара-киданьским по происхождению.

Кара-киданьское государство Западное Ляо (1124—1211 гг.) было образовано бежавшими в Семиречье и Восточный Туркестан киданями после разгрома чжурчженями киданьской империи Ляо, включавшей в себя обширные районы Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), Восточной Монголии и Северного Китая. Переселившиеся в Семиречье и Восточный Туркестан кидани получили наименование кара-киданей, т. е. черных киданей. Здесь они подверглись значительному этнокультурному воздействию со стороны народов Средней Азии, сохранив в то же время многое из того, что было присуще ранее их культуре, когда они еще проживали на Дальнем Востоке. Поэтому, касаясь семантики декора на зеркале из Ананьевского городища, следует отметить, что бабочка у многих народов Дальнего Востока является символом долголетия и счастья. Если учесть, что бабочек на зеркале четыре (по одной в каждом секторе), то весь декор можно расшифровать как пожелание владельцу зеркала долголетия на протяжении непрерывно сменяющихся времен года — весны, лета,

осени, зимы и снова в той же последовательности каждый год.

Но как это зеркало могло попасть из далекого Семиречья в Приморье, учитывая, что между чжурчжэньской Золотой империей и кара-киданьским государством Западное Ляо всегда существовали крайне натянутые враждебные отношения?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно будет вспомнить, что среди киданей, оставшихся на Дальнем Востоке, и кара-киданами Семиречья оказалось немало разделенных друг с другом волею судеб родственников, которые, несмотря на противодействие чжурчжэней, никогда не прерывали связей между собой, что, естественно, не могло не способствовать обмену культурными ценностями народов обоих столь отдаленных регионов. Эти связи скорее всего осуществлялись все по той же Соболей дороге, которую когда-то проторили древние согдийцы.

"Золотой город" чжурчжэней

На ободках обнаруженных во время раскопок чжурчжэньских бронзовых зеркал довольно часто встречаются выбитые зубильцем надписи, назначение которых стало понятно лишь сравнительно недавно.

Как известно, после образования Золотой империи (1115—1234 гг.) чжурчжэни переходят к активной завоевательной политике по отношению к своим ближайшим соседям. Довольно скоро им удается отторгнуть у Китая примерно две пятых его территории, под их контроль переходит значительная часть киданьской империи Ляо и даже какая-то часть далекого тангутского государства Си Ся, не говоря уже о северных районах корейского королевства Корё. Ни один из народов этих стран не мог, естественно, смириться с чужеземным игом, и они все чаще начинают выступать против чжурчжэней с оружием в руках. Чтобы удержать под своим контролем захваченные земли, чжурчжэни на протяжении всего периода существования своей империи вынуждены были содержать огромную армию и не менее огромный чиновничье-бюрократический аппарат, а также императорский двор с его пышными апартаментами и многочисленной прислугой. Все это требовало огромных расходов. Поскольку же основным видом денег у чжурчжэней были бронзовые монеты, то очень скоро для их отливки они стали испытывать настолько острый дефицит меди, что уже в 1157 г. правительство вынуждено было ввести "запрет на медь". Этот запрет имел статус закона, в соответствии с которым каждый житель Золотой империи имел право владеть только определенным количеством изделий из бронзы и меди согласно его общественно-правовому положению. В случае же наличия бронзовых и медных изделий сверх установленной нормы их излишки необходимо было в обязательном порядке сдать в казну. Лиц, нарушивших этот закон, приговаривали к каторжным работам, а то и к смертной казни.

Несмотря на столь строгие меры, население империи все же находило выгодным для себя переплавлять бронзовые монеты в зеркала и другие предметы повседневного обихода, а затем втирало их на черном рынке и даже контрабандой вывозить в соседние страны. Чтобы воспрепятствовать частным отливкам, чжурчжэньское правительство издало постановление о необходимости подвергать все отлитые в государственных

Так благодаря находке рассмотренных выше зеркал и анализу их декоративного оформления они "рассказали" не только о своем происхождении, но и о некоторых событиях прошлого, о которых в летописных источниках трудно найти хотя бы намек. В этом и заключается научная ценность подобного рода находок, содержащих в себе интересную и богатую информацию по истории и культуре наших далеких предшественников. Следует в связи с сказанным подчеркнуть, что этой информации могло бы и не быть, если бы не добровольные помощники археологов, такие, например, как Ф. П. Тригуб, которые считают своим гражданским долгом передать в распоряжение ученых случайно сделанные ими находки древних изделий и тем самым внести посильную лепту в изучение далекого прошлого нашей многонациональной Родины.

мастерских бронзовые изделия, в том числе и зеркала, обязательной регистрации административными органами власти на местах. Лишь после того, как на изделие с помощью зубильца была нанесена регистрационная надпись с указанием, где и кем оно было зарегистрировано, его можно было купить или продать. Надпись, как правило, делалась на китайском языке, так как подавляющая часть населения Золотой империи не владела чжурчжэньским языком, а тем более их оригинальной письменностью. На чжурчжэньском языке проставлялась лишь фамилия, а может быть, должность регистрирующего чиновника. Сказать что-либо более определенное о том, что представляли собой выбитые на бронзовых изделиях знаки чжурчжэньской письменности, пока невозможно, так как ни один из таких знаков еще не удалось, к сожалению, расшифровать.

Таким образом, встречающиеся на ободках бронзовых зеркал надписи являются свидетельством того, что они прошли в свое время регистрацию и благодаря этому получили разрешение на их куплю и продажу.

Среди многочисленных регистрационных надписей на зеркалах мое внимание привлекли те из них, в которых упоминается город Цзиньчэн, в переводе на русский — Золотой город. Интерес к Цзиньчэну был вызван, во-первых, тем, что из всех известных сейчас по регистрационным надписям на зеркалах чжурчжэньских административно-территориальных центров название этого города встречается чаще других — на шести зеркалах. А во-вторых, все эти шесть зеркал обнаружены на сравнительно компактной территории: одно в Нижнем Приамурье в устье р. Тунгуски, два в Приморье на Шайгинском и Ананьевском городищах и три в соседних с Приморьем провинциях Северо-Восточного Китая. Эти обстоятельства дали основание предположить, что Цзиньчэн, где были зарегистрированы эти зеркала, должен был находиться в пределах очерченной выше территории, а не в провинции Шаньси, где, согласно свидетельствам письменных источников, тоже был город с таким же названием. Но там, что самое интересное, до сих пор не найдено ни одного зеркала, зарегистрированного в Цзиньчэне. Еще больше уверенность в том, что Цзиньчэн должен был находиться где-то поблизости с Приморским краем, укрепила во мне, когда стало известно о находке в соседней

провинции Гирин зеркала, на ободке которого оказались сразу две регистрационные надписи. Одна из них свидетельствовала, что это зеркало прошло регистрацию в Цзиньчэне, а другая — в Шанцзине. Случай, следует подчеркнуть, беспрецедентный, так как для того, чтобы зеркало получило разрешение на его куплю-продажу, достаточно было зарегистрировать его только один раз. Следовательно, наличие на зеркале из провинции Гирин сразу двух регистрационных надписей следует, по всей видимости, объяснять не как результат его повторной регистрации, а скорее как нечто совсем иное, вызванное какими-то особыми обстоятельствами.

Но что может скрываться под фактом двойной регистрации зеркала из провинции Гирин?

Ответ на этот вопрос удалось получить после всестороннего анализа известных фактов и событий, связанных с упомянутым в регистрационной надписи на этом зеркале административным центром Шанцзина.

Шанцзин — дословно Верхняя столица, каковой она стала в 1138 г. и была учреждена на месте главной ставки первого чжурчжэньского императора Агуды, известной еще под названием Хуйнин. Остатки этого древнего города находятся недалеко от современного г. Ачэна на берегу р. Ашихэ, известной во времена чжурчжэней под именем Аньчуху. С восшествием в результате кровавого переворота в 1149 г. на престол императора-узурпатора Дигунай, последний, чтобы подорвать социально-экономическую и политическую базу своих противников в лице сторонников свергнутого им императора Хэла и опасаясь их мести, приказал в 1153 г. перевести свою резиденцию из Шанцзина в Яньцзин (современный Пекин), лишить Шанцзин статуса столицы, разрушив и перепавхав ее в 1157 г.

Надо полагать, что разрушению и вспашке подверглась далеко не вся территория бывшей столицы, а только так называемый "внутренний город", где располагалась резиденция предшествующих императоров, дома их ближайших родственников и приближенных вельмож. Именно эта часть города официально именовалась Шанцзином, тогда как примыкавший к нему "внешний город" Хуйнин не был подвергнут разрушению, а только низведен до уровня заштатного уездного центра. Иначе как в таком случае объяснить тот факт, что после свержения в 1161 г. Дигунай пришедший ему на смену император Улу уже в 1170 г. вернул древнему Хуйнину статус Верхней столицы, а в 1173 г. издал указ о восстановлении Шанцзина, т. е. императорской резиденции во "внутреннем городе". Скорее всего статус Верхней столицы был присвоен не пустому месту, а существовавшему здесь населенному пункту. В противном случае следовало бы ожидать, что вначале должен был быть издан указ о восстановлении города, а затем только о присвоении ему определенного статуса.

Судя по всему, Дигунай, стремясь уничтожить всякую память о своих предшественниках, решил не только ликвидировать императорскую резиденцию Шанцзин, но и переименовать примыкавший к нему "внешний город" Хуйнин, присвоив ему имя Цзиньчэн и статус небольшого уездного городка, о чем можно судить на основании наличия в его втором названии слова "чэн", означающего административно-территориальную единицу ниже уездного центра.

По всей вероятности, именно этот факт и нашел свое отражение в виде двойной регистрационной надписи на зеркале из провинции Гирин. Дело, очевидно, обстояло следующим образом. Вскоре после отливки это зеркало было зарегистрировано в Цзиньчэне, как, надо полагать, с 1153 и вплоть до 1170 г. назывался древний Хуйнин. Однако не успело еще зеркало поступить в продажу, как вышел указ императора Улу о восстановлении Цзиньчэна в его прежнем статусе Верхней столицы, т. е. Шанцзина, и о переименовании Цзиньчэна в Хуйнин, в связи с чем на зеркале спешно была выбита столь необычная вторая регистрационная надпись, но на этот раз содержащая уже название Шанцзина, как места его регистрации. Вполне можно допустить, что одновременно с этим актом название Цзиньчэн было перенесено на один из городов в провинции Шаньси, упоминание о котором имеется в "Истории империи Цзинь" ("Цзинь ши").

Но почему, спрашивается, Дигунай при переименовании Хуйнина выбрал для него название Цзиньчэн, т. е. Золотого города?

Ответ на этот вопрос не так уж трудно будет найти, если принять во внимание то обстоятельство, что Хуйнин находился на берегу р. Аньчуху, название которой, если верить письменным источникам, происходит от чжурчжэньского слова "аньчунь", означающего "золото", "золотой", "золотая", а земли, входившие в состав области Хуйнин и включавшие в себя обширные районы Маньчжурии и южную часть Приморья, исторически назывались Цзиньюань — "Истоки Золотой (империи)". Все это наталкивает на мысль, что при переименовании Хуйнина император Дигунай решил присвоить ему название Цзинь (Золотой) по имени реки и окрестной местности. Добавив же к этому названию слово "чэн" ("город"), он тем самым низвел бывшую столичную область и сам город Хуйнин до уровня заштатного уездного центра. А поскольку эта акция была предпринята ненавистным всем узурпатором, незаконно воссевшим на престол, то она, так же в связи с этим считавшаяся незаконной, не нашла какого-либо отражения в официальной историографии, но зато дала знать о себе в виде регистрационных надписей на зеркалах, ареал находок которых, если не считать зеркала из Приморья, приходится как раз на территорию Цзиньюань, считавшуюся исконно чжурчжэньской землей.

Зеркала-талисманы чжурчжэньских мореходов

На Ананьевском городище обнаружено уже несколько интересных бронзовых зеркал, каждое из которых позволяет узнать что-то совершенно новое из прошлого народов российского Дальнего Востока. К их числу относится и зеркало из жилища № 27. Оно имеет форму древесного листа, от нижнего основания которого отходит подобно черешку держатель в виде боковой ручки (рис. 12). Почти на всей поверхности рефлекторной

стороны у него сохранился тонкий слой серебристо-белой амальгамы, еще и сейчас дающей довольно отчетливое отражение. На тыльной стороне корпуса зеркала, а также на его ручке имеется ленточный ободок. Здесь же помещен выполненный техникой литья в высоком рельефе сюжетный рисунок, уровень художественного исполнения которого, как, впрочем, и качество отливки самого зеркала, очень высокие. На рисунке запечатлено

штормящее море. Над его волнами летит крылатый дракон-рыба, причем настолько низко, что одна из волн даже перехлестнула через его хвост. А в облачном небе летят два аиста. Главная роль здесь отведена несомненно дракону-рыбе, являющемуся властелином и укротителем морских пучин и водной стихии вообще. Судя по всему, дракон-рыба, низко пролетая над штормящим морем, умирят бурю, гася волны крыльями, а в небе, как провозвестники хорошей погоды, появились аисты, которые, как известно, не могут летать во время бури.

Если вспомнить, что чжурчжэньская Золотая империя была великой морской державой, обладавшей крупным торговым и военно-морским флотом, то станет очевидным, что зеркала с благовещим рисунком-заклинанием умирения драконом-рыбой шторма предназначались скорее всего чжурчжэньским мореходам.

Это не единственное зеркало, отлитое специально для чжурчжэньских мореходов в качестве своеобразного талисмана, призванного умирить штормящее море.

Так, в соседних с Приморьем провинциях Северо-Восточного Китая на чжурчжэньских памятниках обнаружено уже несколько зеркал с одинаковыми на их тыльной стороне сюжетными рисунками, на которых запечатлен плывущий по штормящему морю относительно небольших размеров корабль (рис. 13). У него всего одна мачта с развевающимся по ветру вымпелом. На корме и на носу сидят, очевидно, за веслами, люди, у которых видны лишь верхняя часть туловища и головы. Корабль, очень напоминающий очертаниями средневековую китайскую джонку, носом обращен на восток. Паруса у него убраны, что, надо думать, сделано во избежание опрокидывания ветром судна. В верхней части зеркала имеется заключенная в рельефную рамку надпись на китайском языке: "Светлого, чрезвычайно благоденствующего Неба!"

Как содержание самого рисунка, так и надписи, закливающие стихию умириться, чтобы дать возможность кораблю с находящимися на его борту людьми благополучно завершить плавание, свидетельствуют, что эти зеркала являются тоже своего рода талисманами, призванными охранять и помогать в плавании по морю их хозяевам, т. е., по всей видимости, морякам.

В свое время такие зеркала в большом количестве были найдены на территории Северной Кореи в памятниках эпохи Корё (918—1392 гг.), что дало основание считать их корёскими по происхождению. Однако, что убедительно было доказано китайскими археологами, в действительности эти зеркала были изготовлены первоначально чжурчжэнями. А то, что они встречаются и на корёских памятниках, скорее всего следует объяснять тем, что эти зеркала благодаря торговым связям с чжурчжэнями получили большую популярность среди корёских мореходов, в связи с чем корёские ремесленники, используя чжурчжэньские оригиналы, стали отливать их копии. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что почти все корёские зеркала с аналогичным рисунком отличаются от чжурчжэньских оригиналов низким качеством как используемой при их отливке бронзы, так и изображения рисунка. Последнее наблюдается как раз в тех случаях, когда зеркала многократно отливались по оттиску какого-нибудь оригинала. Здесь уместно будет отметить, что зеркала с изображением корабля, обнаруженные на чжурчжэньских памятниках, выгодно отличаются от аналогичных им корёских экземпляров высоким качеством отливки.

Изображение корабля, прочерченного каким-то острым предметом на керамическом вазовидном сосуде, обнаружено также на Шайгинском городище. Корабль имеет одну мачту с четырехугольным парусом, разделенным горизонтальной линией на две части — нижнюю и верхнюю. Это говорит о том, что у корабля был рейковый парус, которым оснащались небольшие одно- и двухмачтовые суда типа китайской джонки.

Наличие у чжурчжэней джонки китайского типа не может вызвать удивления, так как, захватив значительную часть территории Китая, они широко использовали для строительства кораблей принадлежавшие до этого китайцам верфи, а также опыт и знания китайских корабелов. Средневековые китайские джонки были разных размеров. Малые джонки достигали в длину обычно 25 м и в ширину 6 м. Длина больших джонок доходила до 50 м. Но были и такие, длина которых достигала 120—150 м. У таких джонок имелось 50—60 кают, вмещавших несколько сот, а то почти и тысячу пассажиров. Большие джонки могли быть многопалубными и имели от четырех до двенадцати несущих парусов мачт. Во время штиля применялись весла, которых было от восьми до двадцати пар. На борту больших джонок находилось по нескольку лодок, при помощи которых с берега доставлялись пассажиры, дрова, питьевая вода, ловилась рыба и т. п. Ночью направление судна определялось по звездам, а днем — по солнцу. С конца XI — начала XII вв. для определения нужного направления в пасмурную погоду стали использовать компас. Для строительства джонок в основном использовалась сосна, причем суда обшивались сю в три — четыре слоя. Для отражения нападения морских пиратов на джонках имелось специальное вооружение.

Первые упоминания в письменных источниках о существовании у чжурчжэней судоходства относятся к 1019 г., т. е. задолго до образования Золотой империи. В тот год чжурчжэни на 50 с лишним судах совершили несколько нападений на побережье Корейского полуострова с целью грабежа местного корёского населения, а затем высадились на острова Цусима и Ики, взяв в плен и убив свыше тысячи жителей, а также захватив в качестве добычи несколько сот голов лошадей и коров и попутно разграбив там серебряные рудники. После этого флотилия чжурчжэней произвела грабительский налет на Японские острова, жители которых долго не могли забыть "ножевых дикарей", как они прозвали чжурчжэньских моряков за то, что те были вооружены какими-то ножами или, быть может, мечами типа палашей. Как поясняют письменные источники, этот налет чжурчжэни совершили "на больших военных судах", приспособленных для плавания в открытом море.

Несмотря на то, что чжурчжэни умели строить крупные морские суда, предпочтение они все же отдавали небольшим джонкам, способным совершать плавание не только по морю, но и по рекам. Это было вызвано тем, что большинство чжурчжэньских городов и поселений располагалось не на морском побережье, а вблизи рек, причем на значительном удалении от моря. Во всяком случае, в Приморье пока не известно ни одного чжурчжэньского городища, которое было бы расположено на берегу моря. Очевидно, это было вызвано тем, что в XII в. широкое развитие получает морское пиратство, и пираты при случае, пользуясь возможностью внезапного своего появления, были не прочь пожить грабежом прибрежных поселений.

Естественно, что на небольших кораблях чжурчжэни не всегда рисковали заплывать далеко в море, предпочитая совершать каботажные плавания вблизи видимых пределов побережья. Но даже такие меры предосторожности не спасали чжурчжэньские суда от гибели во время морских штормов. Нет поэтому ничего

удивительного в том, что чжурчжэньские мореходы с целью отвращения от себя беды прибегали к помощи различных оберегов и талисманов, в том числе и в виде зеркал, рисунки и надписи на тыльной стороне которых заклинали море утихомириться и быть спокойным и тихим подобно глади их рефлекторной стороны.

Зеркало со свастиками

Необычное зеркало обнаружено на Шайгинском городище при раскопках остатков жилища № 229. Интерес к нему вызван имеющимися на его тыльной стороне рельефными изображениями расположенных по кругу вдоль широколенточного ободка шести свастик (рис. 14). Кроме свастик справа от расположенного в центре полусферного с отверстием для шнура держателя находится изображение небольшой кумирни или беседки, основанием которой служит распустившийся цветок лотоса. Внутри кумирни помещен китайский иероглиф "гуань" — "чиновник", "ведомство", "управление", "управлять". От основания и шпиля на крыше кумирни в обе стороны отходят, образуя вокруг держателя полукружье, двенадцать перлов.

В тот день, когда было обнаружено это зеркало, к нам в гости заехал директор соседнего совхоза. Увидев зеркало со свастиками, он с неподдельным удивлением воскликнул: "Как, неужели уже в средние века были фашисты?!" Пришлось мне в популярной форме объяснить директору, что свастика — это очень древний символ солнца, получивший почти повсеместное распространение еще в эпоху бронзового века, т. е. примерно 5.000 лет тому назад. Сказал я и о том, что особенно большой популярностью свастика пользовалась у древних ариев Индии, прямыми потомками которых считали себя немецкие нацисты, на основании чего они и выбрали в качестве эмблемы нацистской партии этот священный для многих древних народов солярный знак, чем, собственно говоря, объясняется столь негативное к нему отношение многих наших современников. Чтобы окончательно убедить директора в правдивости моих слов, я сказал ему, что и пятиконечная звезда, входившая составной частью в Государственный герб СССР, была известна задолго до образования Советского Союза. Ее изображения известны, например, на керамической посуде IX—X вв. бохайцев Приморья. В заключение я сообщил директору, что зеркала с изображением свастики были известны в Китае еще во времена династии Тан, т. е. в VII—X вв. А в настоящее время свастика — один из знаков Будды, буддийский знак счастья и добродетели, символ бесконечного множества и вечности.

Спустя несколько лет после находки на Шайгинском городище зеркала со свастиками О. Мезенцева опубликовала интересную статью, в которой она так же, как это было рассказано директору совхоза, но более детально рассказала о том, как свастика стала символом нацизма (10, с. 46—48). Вместе с тем в этой статье приводятся некоторые интересные сведения об этом древнем символе. О. Мезенцева пишет, в частности, что слово свастика санскритского происхождения и в переводе на русский язык означает "пожелание всех благ, всего самого хорошего".

"Свастика может быть, — пишет она далее, — трех- и четырехконечной, может отличаться направлением стрелок — слева направо или справа налево. В первом случае она ассоциируется с солнцем, с ведическим богом Вишну, с вечным движением и развитием, с бесконечным вращением и эволюцией. Свастика с противоположным направлением стрелок символизирует осеннее и зимнее солнце, она связывается с женским началом и считается менее благоприятным знаком. Таково примерное содержание свастики в индуизме и буддизме" (10, с. 46).

Но что могут означать свастики на зеркале из Шайгинского городища?

Выше уже говорилось о том, что свастика с глубокой древности является символом солнца (5, с. 255). На зеркале свастик шесть, в связи с чем нельзя не вспомнить, что, согласно японским мифам, когда первобог Идзанаги и Идзанами породили на свет богиню солнца Аматэрасу, то они, восхитившись исходящим от нее "в шести направлениях", т. е. на юг, север, восток, запад, верх и низ сиянием, отправили ее на Небо (4, с. 9). Следовательно, шесть свастик на зеркале символизируют исходящие в шести направлениях, а значит, всюду проникающие лучи солнца, которое вращается по небосводу вокруг Оси мира, в роли которой здесь выступает расположенный в центре зеркала держатель в виде полусферного выступа. Двенадцать перлов на зеркале — это двенадцать месяцев года, а кумирня — это небесное ведомство, или канцелярия, ведавшая надзором за бесконечным гармоничным чередованием времен года, что в итоге должно было обеспечить человеку достаток и долголетие.

Зеркала с "летающими" музыкальными инструментами

Однажды на Шайгинском городище было обнаружено небольшое бронзовое зеркало, сразу же привлечшее к себе внимание необычным декором на его тыльной стороне, состоящим из изображений перевязанных лентами одиннадцати музыкальных инструментов (рис. 15). Начиная от центра, где помещено изображение кастаньет (трещотки), поверх которых находится полусферный с отверстием для шнура держатель, все инструменты расположены в виде раскручивающейся к

краю диска по ходу часовой стрелки, или по ходу солнца, спирали: бубен с высокой обечайкой, свирель, или продольная флейта, ручной двухсторонний барабан, рама с звучащими камнями, лира, губной орган, лютня, поперечная флейта, флейта Пана, цитра.

Глядя на такое расположение музыкальных инструментов, невольно возникает впечатление, будто они, взмывая с земли, устремляются ввысь, в заоблачные дали неба, символом которого, как известно, выступает

круг, а в данном случае — ободок зеркала. Интересно при этом будет отметить, что вдоль ободка, т. е., следовательно, на Небе находятся наиболее благозвучно и нежно звучащие инструменты, призванные улаживать своим звучанием слух небожителей.

На изображении лиры зубильцем выбит знак большой чжурчжэньской письменности, что в свое время и дало основание считать это зеркало чжурчжэньским. Правда, при этом было отмечено, что имеющиеся на зеркале изображения музыкальных инструментов несколько отличаются от аналогичных им инструментов средневекового Китая и Кореи (21, с. 103, рис. 19). А спустя какое-то время выяснилось, что ободок на этом зеркале, представляющий собой в разрезе невысокий и узкий остроугольный валик, окаймленный с внутренней стороны узким желобком, совершенно нехарактерен для дальневосточных зеркал.

В дальнейшем удалось выявить еще четыре аналогичных по декору зеркала. Одно из них, хранящееся в фондах Читинского государственного пединститута, случайно обнаружено школьниками в Могочинском районе Читинской области в верховьях р. Черной вблизи станции Сбега. Второе — в Минусинской котловине в с. Бейское (9, с. 89, № 216), третье, хранящееся в фондах отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР в Алма-Ате под инвентарным номером Б-100 КП-375, обнаружено в Семиречье, а четвертое, место находки которого неизвестно, хранится в фондах отдела Востока Государственного Эрмитажа под инвентарным номером ЛМ 953.

Все перечисленные зеркала имеют некоторые особенности. Так, зеркало из Забайкалья в отличие от шайгинского экземпляра не имеет какого-либо держателя (рис. 16), благодаря чему имеющееся у него в центре изображение кастаньет видно полностью. А на рефлекторной стороне у него вдоль края диска зубильцем выбита регистрационная надпись на китайском языке, в которой удалось разобрать только первые два иероглифа — "Шан цзин", т. е. "Верхняя столица". Отсюда следует, что это зеркало было зарегистрировано в Верхней столице чжурчжэньской Золотой империи. Это могло произойти не ранее 1170 г., т. е. времени восстановления императором Улу в своем прежнем статусе Верхней столицы, которая была упразднена в 1157 г. императором-узурпатором Дигунаем. Вполне возможно, что данное зеркало в начале XIII в., когда начались военные действия монголов против чжурчжэней, стало трофеем одного из монгольских воинов и вместе с ним оно затем оказалось в Забайкалье.

У зеркала из Эрмитажа поверх кастаньет приделан усеченный в верхней части конусовидный выступ, но без отверстия для шнура.

Что касается шайгинского экземпляра, то, судя по некоторым визуально прослеживаемым деталям, оно было отлито, причем скорее всего чжурчжэньскими ремесленниками, по оттиску аналогичного забайкальско-

му экземпляру оригинала. При этом в оттиске на месте кастаньет был еще сделан оттиск столь привычного для чжурчжэней полусферного держателя. Подобные держатели имеются и на зеркалах из Семиречья и Минусинской котловины. Это говорит в пользу того, что первоначально зеркала с изображением одиннадцати пересвязанных лентами музыкальных инструментов были изготовлены без полусферного держателя. Данное обстоятельство, как и необычная для дальневосточных зеркал форма ободка, могут свидетельствовать лишь о том, что зеркала этого типа впервые были отлиты не на Дальнем Востоке, а где-то в другом регионе Азии. Попав же к чжурчжэням, они благодаря изображенным на них музыкальным инструментам и связанной с ними символике сразу же получили широкую популярность среди чжурчжэней, что и побудило их приступить к изготовлению копий этих зеркал.

Но где же была родина этих зеркал и чем был вызван такой чересчур повышенный интерес и спрос на них у чжурчжэней?

Оказывается, изображения музыкальных инструментов, пересвязанных лентами, а значит, летающих в раю будды Амитабы, которые при этом "не касаются, сами звучат", в XII — первой четверти XIII вв. получают широкое распространение в буддийской иконографии тангутов, о чем свидетельствуют археологические находки в Хара-Хото. Там, в частности, была обнаружена деревянная алтарная принадлежность в форме древесного листа, на которой тушью и красками изображены пересвязанные лентами 16 музыкальных инструментов (6, с. 326, 328-331, табл. VI). В их число входят и все инструменты, изображения которых имеются и на рассмотренных выше зеркалах. Все это и позволяет высказать предположение о том, что родиной этих зеркал было тангутское государство Си Ся. При этом не исключено, что хранящийся в Эрмитаже экземпляр был обнаружен в Хара-Хото.

Что касается обстоятельств появления таких зеркал у чжурчжэней, то к ним они могли попасть как в качестве трофея, поскольку чжурчжэни вели длительные с небольшими перерывами войны с тангутами, так и в результате имевших место между обоими государствами торгово-экономических и культурных связей (7, с. 228-234, 243-252; 8, с. 136-142). Среди чжурчжэней, особенно среди придворной знати и чиновников, буддизм имел немало своих приверженцев, чем и объясняется их интерес к зеркалам с рисунками, символизирующими рай будды Амитабы. Но попасть в этот рай могли лишь те, кто твердо верил в Амитабу, за что он "своей силой поможет каждому верующему дойти до нирваны и сам погрузится в нее только тогда, когда все верующие будут им спасены" (6, с. 326). Очевидно, рассмотренные зеркала должны были служить своеобразным вещественным доказательством веры их хозяев в Амитабу, а может быть, одновременно и пропуском в его рай.

Зеркала с изображением вселенной³

Среди огромного числа средневековых бронзовых зеркал особый интерес представляют те из них, чья

тыльная сторона декорирована сложным геометрическим орнаментом из пересекающихся друг с другом рельефных кружков, образующих в итоге сложный узор, известный в литературе под названием "сетки из четырехлепестковых розеток". Поскольку зеркала с таким декором имеют разное историко-культурное проис-

³ Авторизованная переработка статьи: Шавкунов Э. В., Гусева Л. И. О семантике декора из четырехлепестковых розеток на средневековых металлических зеркалах // Древний и средневековый Восток. Ч. 2. М.: Наука, 1988. — С. 352-363.

хождение, то наличие на них одинакового в своей основе декора может свидетельствовать о его большой популярности у разных народов средневековья прежде всего благодаря заключенной в нем семантической нагрузке, раскрытие которой позволит заглянуть в мир представлений древнего человека о вселенной.

Одно из таких зеркал обнаружено вблизи д. Хмельницкой в Приморском крае в составе клада чжурчжэньских зеркал. Оно имеет форму восьмилепестковой розетки (рис. 17). В центре его тыльной стороны находится держатель в виде небольшой полусферы с отверстием для шнура. Ободок — широкая низкорельефная лента, вдоль внутреннего края которой проходит одинаковая по ширине желобчатая выемка, оконтуренная с внутренней стороны кругом из перлов. Вся оставшаяся поверхность тыльной стороны зеркала декорирована сеткой из четырехлепестковых розеток, в центре каждой из которых имеется рельефная точка.

Другое зеркало с таким же декором (рис. 18) обнаружено на датированном XII—XIV вв. поселении Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи. Отличительными особенностями этого зеркала является то, что ободок у него имеет вид узкого и невысокого валика, вдоль которого проходит узкий желобок. В центре диска вместо держателя находится его имитация в виде овального выступа, оконтуренного кольцевым валиком. Еще одно отличие заключается в том, что вдоль центра лепестков розеток проходят прямые рельефные линии, а между лепестками помещены составленные из перлов изображения миниатюрных розеточек и треугольников.

С таким же декором зеркала обнаружены на Южном Урале в Тлягуловском могильнике XIII—XIV вв. и в провинции Сычуань в Китае, которое датируется X—XII вв.

Довольно сложный декор с элементами четырехлепестковой розетки оказался на бронзовом зеркале (рис. 19), обнаруженном во Внутренней Монголии в местности Данинцы уезда Чифэн в могиле умершего в 959 г. Сяо Шагу — зятя киданьского императора. В отверстии полусферного держателя, расположенного в центре тыльной стороны этого зеркала, сохранились остатки железного колечка, при помощи которого зеркало когда-то было прикреплено к потолку погребальной камеры. Ободок у него оформлен в виде низкорельефной широкой ленты, оконтуренной с внутренней стороны кругом из перлов. Таким же кругом, но меньших размеров, оконтурен и полусферный держатель. Этот круг расположен внутри квадрата, вписанного в следующий, больший по размерам круг, а этот, в свою очередь, в третий по счету круг, причем заключенное между вторым и третьим кругами пространство декорировано подтреугольными розеточками из перлов и зигзагообразно расположенной между ними двойной линией. А пространство вписанного во второй круг малого квадрата с заключенным внутри него держателем декорировано сеткой из четырехлепестковых розеток. Наконец, пространство между вторым кругом и сторонами вписанного в него малого квадрата декорировано сеткой из миниатюрных квадратиков с рельефной точкой в центре. Здесь необходимо будет отметить, что квадрат или ромб с точкой в центре уже с III-го тысячелетия до н. э. у многих земледельческих народов древности служил графическим символом пашни, пахотных земель, засеянных семенами. Уже неоднократно упоминавшиеся второй и третий круги вписаны в три концентрически расположенных по отношению друг к другу квадрата:

внутренний, срединный и внешний. У внутреннего квадрата по всем четырем его углам помещены изображения бабочек с волнисто изогнутыми длинными усиками. Как известно, бабочки в странах Дальнего Востока издревле символизируют счастье и долголетие. Пространство между сторонами внутреннего и срединного квадратов декорировано розеточками из разного количества перлов и зигзагообразной двойной линией между ними. Все три квадрата вписаны в образуемый ободком зеркала круг, а заключенное между сторонами внешнего квадрата и ободком поле декорировано все той же сеткой из четырехлепестковых розеток, в центре и между лепестками которых помещены рельефные точки.

Еще одно бронзовое зеркало, на котором также имеется декор в виде сетки из четырехлепестковых розеток, обнаружено в Корее и датируется эпохой Корё, т. е. X—XIV вв. Оно квадратное, ободок на тыльной стороне имеет вид широкой низкорельефной ленты. В центре зеркала расположен полусферный держатель. Повторяя форму зеркала, в него вписан образованный из узкой двойной рельефной линии квадрат, декорированный внутри сеткой из четырехлепестковых розеток. Заключенное между ободком и вписанным квадратом пространство расчленено на восемь секторов: два с изображением бабочек, а шесть остальных с изображением каких-то цветов.

Имеющийся на перечисленных зеркалах декор в виде сетки из четырехлепестковых розеток такой же древний, как квадрато-точечный и ромбо-точечный, так как он встречается на керамической посуде из Чанху-даро, одного из поселений эпохи культуры Хараппа в долине р. Инд, датируемого III-м тысячелетием до н. э. Впоследствии ареал этого декора значительно расширяется. К настоящему времени он зафиксирован на ряде парфянских памятников I—III вв. н. э., в том числе в Кух-и Хваджа и в Пальмире на Гипогее Трех братьев. Имеется он и на датируемой II—III вв. мозаике с эмблемой "Похищение Европы" из жилого дома в Библе, а также в датируемых эпохой Великих Кушан (II—III вв.) "пещерных" помещениях буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе". Его же мы находим на одном из серебряных позднесасанидских блюдов и на блюде из Пенджикента. Этот же декор можно встретить и на произведениях византийского искусства. В Китае, помимо упоминавшихся выше зеркал, аналогичный декор известен на поливной посуде конца XIV или первой половины XV в. В Японии интересующий нас декор, видимо, был известен также давно, поскольку в XVII в. он уже применялся в настенной росписи. В несколько модифицированном виде (сетка из шестилепестковых розеток) этот декор во второй половине II тысячелетия получает широкое распространение на русских и сербских пряках.

Столь длительное и к тому же на обширной территории — от долины Инда, Передней и Средней Азии до стран Дальнего Востока и Восточной Европы — существование декора в виде сетки из розеток далеко не случайно и обусловлено, очевидно, какими-то присущими ему с глубокой древности сакральными свойствами.

Но какой смысл вкладывали в этот декор наши далекие предшественники?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо детально проанализировать этот декор, который, кстати, если взглянуть на него под несколько иным углом зрения, предстаёт перед нами в виде своеобразной комбинации

кругов с вписанными в них квадратами или ромбами с одной или несколькими рельефными точками внутри них. Нетрудно заметить, что в этом случае данный декор обладает уже чертами, сближающими его с ромбо-точечным орнаментом древних земледельцев, что, по всей вероятности, указывает на некую генетическую общность обоих видов декора. Самое же интересное заключается в том, что во втором случае каждый отдельно взятый элемент декора в виде круга с вписанным в него квадратом или ромбом напоминает собой сильно уменьшенное в размерах схематичное изображение декора тыльной стороны рассмотренного выше киданьского зеркала с вписанными внутрь образуемого ободком круга концентрически расположенных квадратов с полусферным держателем в центре. Как известно, во многих странах Древнего Востока круг ассоциировался с понятием Неба, тогда как квадрат — с понятием Земли. Такие же представления существовали и в Китае, где зеркала с вписанным внутри них изображением квадрата и полусферным держателем уже в эпоху династии Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) осмысливались в качестве своеобразной космогонической модели мира. При этом ободок зеркала в данном случае выступал в качестве символа Неба и мужского начала Ян, а вписанный внутрь него квадрат являлся символом Земли и женского начала Инь. Расположенный же в центре зеркала и одновременно внутри квадрата полусферный держатель символизировал находящуюся в центре Земли священную гору — ось мира, которая связывала Небо с Землей, мужское начало Ян с женским началом Инь.

Следует отметить, что далеко не все зеркала имеют на тыльной стороне изображение вписанного внутрь образуемого ободком круга квадрата, который в таких случаях чаще всего присутствует здесь в завуалированном виде, например, в виде изображений изогнувшихся чуть ли не под прямым углом в стремительной погоне друг за другом двух рыб, двух птиц, двух драконов и т. п. Но это только один из многих примеров завуалированного изображения квадрата на зеркалах. В качестве символа женского начала Инь в декоре на тыльной стороне зеркал могли выступать четыре крестообразно расположенных одинаковых декоративных элемента или сюжетных рисунков. В тех же случаях, когда форма зеркала была квадратной и, следовательно, несущей в себе идею женского начала, то в его декоре на тыльной стороне всегда можно найти такие элементы, которые символизируют идею мужского начала.

Таким образом, наличие в декоре рассмотренных зеркал элементов, символизирующих светлое мужское (круг) и темное женское (квадрат) начала, не является случайным. Более того, их присутствие здесь всегда обязательно, в связи с чем будет уместно вспомнить об одном из главных мировоззренческих постулатов древних китайцев, в соответствии с которым весь процесс миротворения рассматривался ими как результат взаимодействия вечно стремящихся друг к другу и чередующихся друг с другом (но не противоборствующих!) мужского светлого (Ян) и женского темного (Инь) начал, причем кульминацией этого взаимодействия считалось полное слияние в творческом акте Неба и Земли, знаменующих начало весеннего пробуждения природы. При этом подразумевалось, что данный процесс должен

происходить так же беспрерывно, как беспрерывно вращается вокруг своей оси небосвод, что, кстати, находит свое отражение в декоре рассмотренных выше зеркал, где сочетание изображений круга с квадратом дано множество раз, т. е. бесконечно. О бесконечности этого процесса говорит и наличие на киданьском и корёском зеркалах изображений бабочек — символов не только долголетия, но и долговечности.

В связи с затронутым вопросом небезынтересно будет отметить, что наличие на русских и сербских прялках обилия солярных знаков в виде шестилучевых розеток всегда ассоциировалось с идеей долгой, как нить, жизни, вечного круговорота суток и беспрерывности движения солнца. Обращает вместе с тем на себя внимание тот факт, что изображаемый на тех же прялках огромный солярный знак является составным, т. е. скомпонованным из множества мелких шестилучевых розеток, и у него нет изображения испускаемых вовне лучей. "Мы, как правило, — замечает по этому поводу академик Б. А. Рыбаков, — каждый солнцеобразный знак рассматриваем как изображение солнца, конкретного светила, а между тем в сознании людей прошлого существовала своеобразная дифференциация: солнце и свет... Вполне возможно, что великолепная, полная гармонии геометрическая резьба, вся проникнутая лучами, исходящими из всех углов прялки и освещающими большой центральный круг, и есть попытка изобразить не солнце, а тот загадочный неисповедимый белый свет, существовавший, по мысли древних, независимо от солнца" (14, с. 246).

Прекрасной иллюстрацией справедливости высказанного Б. А. Рыбаковым предположения относительно семантики имеющихся на славянских прялках солярных знаков, состоящих из множества мелких розеток, представляет рисунок на одном из серебряных поздне-сасанидских блюх, на котором вместе с всадником изображен в верхней левой части огромный диск, сплошь покрытый сеткой из четырехлепестковых розеток. Судя по огромным размерам диска, это, конечно, не солнце, а вселенная со всем множеством видимых на небосводе светил, каждое из которых испускает на землю свои светонесущие лучи и тем самым оказывает определенное воздействие на протекающие на ней жизненные процессы.

Олицетворением и своеобразным символом вращающейся вокруг своей оси вселенной, включающей в себя Землю, Небо и Вселенский свет, излучаемый всем скопищем светил, служили, надо полагать, и рассмотренные выше средневековые зеркала с центральным, а значит, осевым полусферным держателем и сложным солярным декором, который предстает перед нами, с одной стороны, в виде сетки из четырехлепестковых розеток-солнц, а с другой, в виде квадрато-кругового или ромбо-кругового декора. Судя по всему, ромбо-круговой и квадрато-круговой декоры сформировались на базе ромбо-точечного и квадрато-точечного путем присоединения к ним солярной символики. А поскольку в ромбо- и квадрато-круговом декоре присутствуют те же элементы, что и в ромбо- и квадрато-точечном, то имеются все основания утверждать, что и эти декоры были связаны с земледельческой символикой и являлись сложной графической идеограммой оплодотворенной Вселенским светом и дождями вспаханной и засеянной семенами земли, нивы.

О феномене "вещего" сна

Думаю, не ошибусь, если скажу, что каждый, кому хотя бы раз довелось побывать на археологических раскопках, будь ему 7 лет или все 70, страстно мечтал сделать если уж не сенсационную, то, по крайней мере, оригинальную и к тому же редкую археологическую находку. Эта мечта никогда не покидает и археолога-профессионала, для которого, казалось бы, это привычное дело. Что уж тут говорить о студенте-практиканте, впервые попавшем на раскопки!

Как сейчас помню, было это в конце июня 1953 года. Нас, группу студентов восточного факультета Ленинградского государственного университета, привезли на остров Лесной, находившийся посреди Ангары выше Иркутска, т. е., как нам пояснили, на дне будущего моря. После того, как были поставлены палатки и поверх брезентового пола разостланы спальные мешки, мы попросили нашего научного руководителя Алексея Павловича Окладникова сводить нас на раскоп. Он оказался совсем рядом, в каких-нибудь 100 метрах от наших палаток. Алексей Павлович рассказал нам, что раскопки здесь ведутся уже несколько лет и что древние люди жили на этом месте в эпоху неолита и железного века.

Мне не терпелось сразу же сделать какую-нибудь интересную находку, особенно древнюю монету. Поэтому я долго ходил по старым раскопам, внимательно присматриваясь к грудам накопанной еще в прошлом году и сброшенной в отвалы земли, но ничего, кроме каменного наконечника стрелы и нескольких невзрачных черепков керамической посуды так и не смог найти.

А через несколько дней ночью мне приснился сон, будто бы во время раскопок я нашел семь монет. Утром во время завтрака я рассказал Алексею Павловичу про этот сон, заявив, что сегодня монеты обязательно будут найдены. Алексей Павлович рассмеялся, а затем сказал, что это было бы, конечно, очень здорово, но все дело в том, что за сто примерно лет раскопок в Прибайкалье не найдено еще ни одной монеты, так что мне придется расстаться со своей мечтой. И каково же было удивление всех участников раскопок, когда в тот же день я нашел семь китайских бронзовых монет! Ровно столько, сколько мне приснилось накануне ночью.

Об этом случае я, уже будучи руководителем раскопок на Шайгинском городище — уникальном памятнике культуры чжурчженей второй половины XII — первой трети XIII вв. на территории Приморского края, — часто рассказывал участникам раскопок. И вот однажды один из наших сотрудников, Валерий Александрович Хорев, во время завтрака говорит, что ночью ему приснился сон, будто бы он нашел клад железных изделий чжурчженей. Я, естественно, пожелал ему удачи, но в душе, признаться, не очень-то надеялся, что сон сбудется. К большому моему удивлению Валерий Александрович в этот же день действительно нашел клад железных изделий, состоявший из сложенных аккуратной стопкой 25 ножей от комбинированных копий, железной арматуры от станка соломорезки, которую мы тогда приняли за арматуру колчана для стрел, нескольких наконечников стрел и чугунной втулки от колеса. На этот раз даже самые закоренелые скептики вынуждены были признать, что в этом есть что-то такое, над чем следует хорошенько подумать.

Спустя некоторое время мой тогда еще двенадцатилетний сын Володя во время обеденного перерыва подошел ко мне и сказал: "Папа, сегодня ночью я видел во сне, что нашел очень красивую бронзовую накладку от пояса. Такие мы еще не находили. Я копал, копал, но так ничего и не нашел. А ты говорил, что если приснится какос-нибудь древнее изделие, то оно обязательно будет найдено!" Чтобы как-то успокоить сына, я сказал ему, что мы проработали только полдня и не исключено, что после обеда приснившаяся ему накладка все же будет найдена. И действительно, после обеда Володя нашел-таки изумительную по декоративной отделке бронзовую накладку, подобную которой до этого на Дальнем Востоке еще не находили. Впрочем, и позже такие накладки также не были найдены.

Впоследствии я еще дважды видел подобные "вещие" сны. В первом из них приснилось, что будто бы во время раскопок мы нашли одно бронзовое зеркало, которое и в самом деле было найдено в тот же день. Во второй же раз мне приснилось, что мы нашли сразу четыре зеркала. Но в то утро я не совсем хорошо себя чувствовал и не пошел на раскоп. Рассказав о своем сне, я напутствовал своих сотрудников, чтобы они во время раскопок были особенно внимательными. В обеденный перерыв руководители раскопок стали, как это уже вошло у нас в традицию, докладывать о результатах проделанных работ с демонстрацией находок. Один из них, Юрий Никитин, тогда еще студент, уже издали громко возвестил, высоко подняв над головой зеркало, что мой сон сбылся. Я, конечно, очень обрадовался и с интересом стал рассматривать находку.

— Эрнст Владимирович, а теперь посмотрите второе зеркало, — сказал Юра, извлекая его из своей полевой сумки.

— Ну вот, видишь, — сказал я, — все-таки мои сны действительно вещие.

— Но это еще не все, — проговорил Юра, вытаскивая из сумки третье зеркало.

Только на этот раз я вспомнил, что во сне было найдено четыре зеркала, и я попросил показать и четвертое.

— А четвертого зеркала нет, но зато мы нашли вот что! — При этих словах Юра извлек из сумки бронзовый календарь в виде плоского, как и зеркала, круглого диска, на одной из сторон которого по кругу были помещены изображения 12 животных восточного календаря, а на другой — сюжетный рисунок с закодированным с помощью символов пожеланием счастья и долгих лет жизни.

Таким образом, как во сне, так и наяву были найдены четыре бронзовых диска!

Долгое время я не мог найти какого-либо объяснения этому феномену. Порой мне даже начинало казаться, что во всем этом есть что-то около мистики. Но постепенно природа этого феномена стала, кажется, проясняться.

Как-то, просматривая подшивку журнала "Техника — молодежи", я наткнулся на несколько чрезвычайно заинтересовавших меня статей (17, с. 48—51; 16, с. 50—55; 13, с. 48—53). Кроме того, одна подобного же содержания статья была опубликована и в газете "Зарубежом" (19, с. 20—21). Из этих статей стало очевидным, что человек обладает какими-то биолокационными

ми свойствами, о природе которых существует несколько взаимоисключающих точек зрения. От некоторых из них пришлось сразу же отказаться, так как они не давали объяснения еще одному весьма интересному явлению ни с позиций магнитной чувствительности человека, ни с позиций воздействия на человеческий организм микролептонного сверхлегкого газа.

В чем же суть этого явления?

В нашем коллективе работает Лариса Николаевна Гусева. Когда-то она, пока не стала мамой, каждый год ездила с нами в экспедиции, выполняя там обязанности художника и коллектора. Ей часто приходилось бывать на раскопах, вычерчивая их планы и стратиграфические разрезы. Но еще чаще Лариса Николаевна оставалась в лагере, поскольку надо было шифровать находки и делать их зарисовки. Короче говоря, самой ей покопаться в земле практически не удавалось. А ведь как хотелось найти самой что-нибудь необычайно редкое и красивое! И вот как-то утром, провожая нас на раскоп, Лариса Николаевна, не очень-то склонная к открытому выражению своих эмоций, неожиданно обратилась к нам с мольбой-просьбой: "Вчера, когда я была на раскопе, мне так хотелось найти выточенную из камня птичку! Но, к сожалению, мне так и не удалось ее найти... Найдите сегодня птичку!" Поразительно, но факт остается фактом — в этот день был найден выточенный из нефрита павлин с бантом в клюве. Причем как раз на том раскопе, где за сутки до этого была Лариса Николаевна!

В другой раз Лариса Николаевна чертила на одном раскопе план, но на следующий день она не смогла пойти на раскоп из-за накопившейся работы в лагере. И когда мы пошли на раскоп, она сказала, что у нее такое предчувствие, будто мы найдем сегодня керамическое пряслице с какими-то прочерченными на нем знаками. Нашему изумлению не было предела, когда такое пряслице действительно было обнаружено, причем опять-таки на раскопе, где накануне побывала Лариса Николаевна!

Все это случилось на Шайгинском городище. А на Ананьевском городище Лариса Николаевна предсказала находку каменной печати, предугадав при этом выгравированный на одной из ее боковых сторон рисунок!

В случаях предсказания каменных изделий ни о какой, естественно, магнитной чувствительности не может быть и речи. Следовательно, объяснение этому явлению следует искать, исходя из принципиально иных позиций.

Хотя я и не биофизик, тем не менее осмелюсь высказать по поводу этого явления свою точку зрения, в основу которой взята гипотеза профессора С. Стоева о том, что "человек — физическая система, тело среди других тел" и что информация "может передаваться на физическом электронном уровне от одного тела к другому, в том числе от неживого объекта к человеку" (13, с. 53).

И действительно, во всех описанных выше случаях каждый из участников этих явлений перед тем, как ему приснился "вещный" сон или им было высказано пожелание найти что-либо конкретное, побывал и притом сравнительно длительное время на месте, где впоследствии были найдены названные им вещи. Следует отметить, что во время пребывания на месте будущей находки у каждого из участников события было страстное желание найти в одном случае монеты, в другом — зеркало и т. п. Вполне вероятно, что, когда человек идет по земле, он, как физическая система, на электронном или еще на каком-то уровне все время взаимодействует с окружающим его физическим миром и, сам того не осознавая, получает информацию о том, над чем он в данный момент проходит, т. е. что находится под его ногами и вокруг него. Воспринимая эту информацию, человек при этом на бессознательном уровне "всегда проявляет определенную избирательность, исходя из своих потребностей", и отбрасывая ту часть информации, которая в данном случае не является для него существенной, тогда как существенная часть опять-таки на бессознательном уровне воспринимается и фиксируется сознанием (17, с. 49). И если в тот момент, когда мысли человека поглощены желанием найти монеты или зеркало, он проходит над ними, скрытыми в толще земли, то человек получает от них соответствующую информацию, сигнал, поскольку эти вещи и являются тем существенным, информацию о котором этот человек хочет получить. Эта информация фиксируется подсознанием человека, хотя сам он этого пока еще не осознает. И лишь во время сна эта поступившая в подсознание человека на неосознанном им уровне информация преобразуется в зрительный образ, а порой, как это случалось с Ларисой Николаевной, в спонтанно высказанную мольбу-просьбу.

Так на сегодняшний день я склонен объяснять описанный выше феномен. Как это обстоит на самом деле, покажут дальнейшие исследования специалистов в этом направлении. А пока можно считать, что данный вопрос все еще остается открытым. Но надолго ли?

ЛИТЕРАТУРА

¹ Ван Ду. Древнее зеркало // Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII—IX вв.). М.: "Худож. литература", 1970. — С. 7-25.

² Дань Хуаша, Сунь Сюжэнь. Муданьцзян чжун ся ю каогу дяоча цзяньбао (Краткий отчет об археологической разведке в среднем течении р. Муданьцзян) // Каогу. 1960. № 4. — С. 23—30. (На кит. яз.).

³ Е Луили. История государства киданей. (Цидань го чжи). М.: Наука, 1979. — 607 с.

⁴ Ермакова Л. М. Мифопоэтический строй как модус ранней японской культуры // Человек и мир в японской культуре. Сборник статей. М.: Наука, 1985. — С. 7—25.

⁵ Есян С. А. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении // Советская археология. 1968. № 2. — С. 255—260.

⁶ Зубер С. М. Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото // Труды Отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Т. 3. — С. 325—337.

- ⁷ Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968. — 355 с.
- ⁸ Кычанов Е. И. Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1973. — С. 136—142.
- ⁹ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. — 165 с., ил.
- ¹⁰ Мезенцева О. Украденный символ // Азия и Африка сегодня. 1989. № 7. — С. 46—48.
- ¹¹ Накано М. Ва кё (Японские зеркала) // Нихон-но бидзюцу. Токио, 1969. № 42. — 118 с. (На яп. яз.).
- ¹² Палладий, Попов П. С. Китайско-русский словарь. Пекин, 1888. Т. 2. — 666 с., 69 с.
- ¹³ Проблемы биолокации // Техника - молодежи. 1983. № 2. — С. 48—53.
- ¹⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. — 607 с. с ил.
- ¹⁵ Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. — 362 с.
- ¹⁶ Спиркин А. Г. Познавая психобиофизическую реальность // Техника — молодежи. 1980. № 3. — С. 50—55.
- ¹⁷ Стоев С. Сознательное и бессознательное в творчестве // Техника — молодежи. 1980. № 3. — С. 48—51.
- ¹⁸ Стужина Э. П. Китайский город XI—XIII вв.: Экономическая и социальная жизнь. М.: Наука, 1979. — 408 с.
- ¹⁹ Уильямсон Т. Лозоходство: миф или реальность? // За рубежом. 1987. № 32 (1413). — С. 20—21.
- ²⁰ Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй. Т. 2. М.: "Худож. литература", 1977. — 502 с.
- ²¹ Шавкунов Э. В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. — С. 93—110.
- ²² Шавкунов Э. В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней // Проблемы древних культур Сибири. (Сборник научных статей). Новосибирск, 1985. — С. 146—155.
- ²³ Шавкунов Э. В. Согдийская колония VIII—X веков в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. — С. 100—105.

ЗЕРКАЛА В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Афоризмы и изречения

Будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина (1, с. 42).

В зеркале... подобен ты смотрящему на себя глазами другого (9, с. 61).

Глаза — верный разведчик души и ее проводник, ведущий на прямой путь, и блестящее ее зеркало, которым воспринимает она сущность вещей, улавливает свойство и познает ощущения (9, с. 60).

Глаза по природе своей близки к зеркалу (9, с. 61).

Дети — зеркало семьи, ее общей культуры, ее быта (13, с. 9).

Дети — зеркало семьи и общества (6, с. 156).

Если выставлено светлое зеркало, красота и уродство разделяются сами собой (1, с. 50).

Если зеркало не пачкать, оно само по себе будет отражать свет (1, с. 120).

Истина — зеркало, отражение которого невыносимо для притворства и лицемерия. Ф. Шиллер (6, с. 31).

Качество работы — зеркало твоей совести (Сборы автора).

Мир похож на зеркало: если ты улыбаешься — он улыбается в ответ, если хмуришься — он тоже нахмуривается (30, с. 17).

Поведение — это зеркало, в котором каждый человек показывает свой облик. — И. В. Гете (6, с. 94).

Правда не вышла бы из колодезя, если бы сырость не испортила ее зеркала (23, с. 141).

Пытаться раскрыть свет сердца, не овладев своими помыслами, — все равно что чистить зеркало, покрывая его пылью (1, с. 123).

Пытаться судить о блеске своего слова все равно что пожелать увидеть ясное изображение в потускневшем зеркале (31, с. 23).

Разговор — зеркало говорящего, не бойся крикливого, бойся молчаливого, — М. Шевердин (6, с. 182).

Слабеющие глаза всегда уподоблю старому потускневшему зеркалу, даже надтреснутому (23, с. 123).

Смотри вдаль — увидишь даль; смотри в небо — увидишь небо; — взглянув в маленькое зеркальце, увидишь только себя (23, с. 130).

Сознание мудреца подобно зеркалу: оно не влечется за вещами и не стремится навстречу им, отражает — и не удерживает их (1, с. 181).

Человек человеку служит зеркалом. — Восточная мудрость (6, с. 105).

Чтобы убрать вещи, которые отражаются в зеркале, нужно не смотреться в него (1, с. 41).

Пословицы и поговорки.

Вьетнамские:

Сколько вещей ни поставь перед зеркалом, оно отразит их все разом (14, с. 32).

Небесная добродетель беспристрастна, как весы или зеркало (14, с. 32).

Индийские:

В маленьком зеркале даже слон становится меньше зеркала (29, с. 100).

Разве нужно зеркало человеку, у которого нет глаз? (29, с. 122).

Китайские:

Сердце достойного человека подобно зеркалу (10, с. 14).

Не сердись на зеркало, коль родился с изъяном (10, с. 42).

Корейские:

Винит зеркало в своем уродстве (12, с. 59).

Внешность — зеркало души (12, с. 214).

Внешность увидишь в зеркале, характер — в вине (12, с. 221).

Не видит, что сам некрасивый, а бьет зеркало (12, с. 90).

Не видит, что своя рожа безобразна, а пеняет на зеркало (12, с. 90).

Некрасивая не любит смотреть в зеркало (12, с. 111).

Разбитое зеркало бесполезно (17, с. 87).

Осетинские:

Лицо — зеркало души (18, с. 80).

Русские:

Брюхо не зеркало: что попало в него, то и чисто (2, с. 681; 5, с. 78).

Брюхо не зеркало: что проглотил, то и чисто (5, с. 297; 19, с. 261).

В кривом зеркале и рот на боку (4, с. 98; 22, с. 36).

Глаза — зеркало души (16, с. 199; 19, с. 84; 21, с. 72).

Ей бы перед зеркальцем погадать (т. е. пора замуж) (2, с. 681; 5, с. 204).

Зеркало не виновато, коли рожа крива (22, с. 105).

Зеркало не виновато, что рожа кривовата (19, с. 85; 21, с. 73).

Коли петух в зеркало поглядит, то жених щеголь будет (5, с. 224; 22, с. 341).

Кривая рожа от зеркала отворачивается (4, с. 152; 19, с. 86).

Любовь, что зеркало: разобьешь — не склеишь (19, с. 124).

На зеркало нечего пенять, коли рожа крива (20, с. 97; 21, с. 74; 22, с. 193).

На то у селезня зеркальце на крыльях, чтобы утки гляделись (4, с. 141).

На то у селезня зеркальце, чтобы утки гляделись (2, с. 681).

Не каждое слово — зеркало (21, с. 192).

Не на зеркало пенять, коли рожа крива (4, с. 142; 20, с. 101).

Не на зеркало с пеньми, коли рожа крива! (2, с. 681).

Не нужно слепому зеркало, смотрится и в доску (20, с. 160).

Неча на зеркало пенять, коли рожа крива (19, с. 89).

Нечего на зеркало пенять, когда своя рожа косая (19, с. 89).

Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива (20, с. 175).

Нечего пенять на зеркало, коли рожа коса (20, с. 143).

Нечего пенять на зеркало, что рожа кривая (20, с. 160).

Рябая рожа зеркала не любит (19, с. 86; 20, с. 109).

Старому в зеркале калач не продашь (20, с. 63).

Худая рожа зеркала не любит (19, с. 86).

Худая харя зеркала не любит (2, с. 681; 4, с. 153).

Что на зеркало пенять, коли рожа крива (4, с. 142).

Уйгурские:

Если у тебя лицо кривое, не вини в этом зеркало (26, с. 57).

Японские:

Женщина любит только ту женщину, которая смотрит на нее из зеркала (Сообщила Н. Н. Кузьменко).

Меч — душа воина, зеркало — душа женщины (28, с. 58).

Загадки.

Алжирские:

Оно меня увидело, и я его увидел; я его встретил и купил (35, с. 347).

Дагурские:

С того берега моря тетя приглашает (24, с. 117).

Коми:

Земля каменная, а межа деревянная (11, с. 58).

Корейские:

Каждому, кто посмотрит, показывает по-другому — что это такое? (12, с. 293).

Человек смотрит на юг, а видит север, человек смеется, и оно смеется, человек злится, и оно злится — что это такое? (12, с. 293).

Марийские:

Сквозь стенку без окон вижу сына матери своей (15, с. 112).

Посмотришь сзади — никому не нужен, посмотришь спереди — всем пригоден (15, с. 112).

Переступил через порог — сноха надо мною смеется (15, с. 112).

Мордовские:

За один миг рожаю человека (27, с. 130).

Когда смотрю на него, оно покажет меня самого (27, с. 130).

Кто на него посмотрит, того и покажет (27, с. 130).

Осетинские:

На стене у нас козий глаз (18, с. 314).

Румынские:

Вижу себя, вижу тебя (34, с. 256).

Глаза госпожи на дне горшка (34, с. 256).

Имею пухлую курочку в кладовке запертую (34, с. 256).

Клеенный-переклеенный лист зеленоватый (34, с. 256).

Курица пухлая висит у матери на стене (34, с. 256).

На вершине ольхи немного ясного неба (34, с. 256).

Не имеет ни рта, ни языка, но показывает всякую суть (34, с. 255).

Не имею ни рта, ни языка, но показываю всякую суть (34, с. 255).

От природы не имею ни языка, ни рта, но каждому укажу на его недостатки, и никто не обидится, да еще захочет меня иметь (34, с. 255).

От рождения не имею ни языка, ни рта, чтобы говорить, но всем указываю на их недостатки, и никто не сердится (34, с. 255).

Перо журавля блестит среди базара (34, с. 257).

Сереневый-полусереневый лист зеленоватый (34, с. 256).

У меня есть волк с остекленевшими глазами, сквозь которые ты себя видишь (34, с. 256).

У меня курица пухлая сидит в закрытой кладовке; что мне сделать, чтобы открыть ее и схватить (курицу) за хохолок? (34, с. 256).

У меня нет рта, но всем я говорю об их недостатках и никто на меня не в обиде (34, с. 256).

У меня мисочка зеленая: виднеется ее тень (34, с. 256).

У меня толстая курица в кладовке заперта: что мне сделать, чтобы схватить ее за хохолок? (34, с. 257).

Русские:

Блюдо оловянно, а края деревянные (7, с. 110; 19, с. 435).

В ступе вода, в огороде лебеда, за морем огонь добро, ясно горит (7, с. 110).

В ступе вода, в огороде трава, за морем огонек горит (20, с. 238).

Золото гумёшко, овсяный бережок (7, с. 110).

И языка нет, а правду скажет (7, с. 110; 19, с. 435; 20, с. 238).

Какая женщина не смотрится с зеркало? (Слепая) (7, с. 163).

Красная девица в зеркало глядится. (Солнце) (7, с. 22).

Мудрец в нем видит мудреца, глупец — глупца, баран — барана, овцу в нем видела овца, и обезьяну — обезьяна (32, 20 февраля).

Переменчив, но все слово не выдумает (7, с. 100).

Под полом под нахребистым стоит баба снаряжиста (7, с. 110).

Поле водяно, огороды кожаны (7, с. 110; 19, с. 435).
Светленько, чистенько, посмотреть любенько (7, с. 110; 19, с. 435).

Ток серебрян, берега мякинны (7, с. 110).

Словацкие:

Смотримся — видим, но потрогать не можем (36, с. 66).

Когда смеюсь, смеется и оно, когда я плачу, плачет и оно, когда я ем, ест и оно, и во всем меня повторяет (36, с. 66).

Ни рта, ни языка не имею, но тем не менее каждому говорю правду (36, с. 66).

Я искусный художник, но ничего не рисую (36, с. 66).

Туркменские:

В дереве камень, в камне душа (8, с. 70).

Филиппинские:

Я смотрюсь в него, и оно смотрит на меня; если я смеюсь, оно смеется (33, с. 226).

Анекдоты

№ 1. Зеркальная болезнь — это когда человек из-за очень большого своего живота не может увидеть без помощи зеркала то, что у него ниже пупа.

№ 2. Ватсон на пирушке так напился, что сел на разбитую бутылку и, естественно, то место, на котором сидят, немного повредил. Придя домой, он нарезал лейкопластырь на кусочки, встал около зеркала и начал "лечиться".

Утром Ватсон спускается в столовую, где сидит Холмс.

— Ватсон, вы вчера опять основательно "набрались".

— Как вы узнали, Холмс?

— Элементарно, Ватсон, — все зеркало в лейкопластыре.

№ 3. Один пьянчужка, возвращаясь поздно ночью домой с очередной попойки, свалился в канаву с грязной водой, угодив при этом мягким местом на разбитую

стеклянную банку. Кое-как выбравшись из канавы, порезанный стеклом и перепачканный грязью вперемешку с кровью, он, проклиная все и всех на свете, добрался, наконец, до своего дома. Обругав жену за то, что та несколько замешкалась, открывая ему дверь, пьянчужка прошел в свою комнату, закрылся там на крючок, разделся и, глядя в поставленное на стул зеркало, стал старательно заклеивать лейкопластырем порезы на мягком месте. Затем он свалился на кровать и заснул. Утром, когда пьянчужка проснулся и вышел из комнаты, чтобы умыться, жена стала его отчитывать. "Все могу понять, — сказала она ему, — и даже простить тебя за твою ругань, но одного не могу понять — зачем ты заклеил лейкопластырем все зеркало?"

Примечательно, что на аналогичный сюжет в начале 80-х годов в Китае была поставлена комическая сценка под названием "Лейкопластырь" (25, с. 109—115).

ЛИТЕРАТУРА

¹ Афоризмы старого Китая. М.: Наука, 1988. — 192 с.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: ГИС, 1955. — 699 с.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: ГИС, 1955. — 555 с.

⁴ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 1. М.: "Худож. литература", 1984. — 383 с., ил.

⁵ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 2. М.: "Худож. литература", 1984. — 399 с., ил.

⁶ Жемчужины мысли народной. Афоризмы. Изречения. Пословицы. Ташкент: "Ёш гвардия", 1972. — 208 с.

⁷ Загадки. Л.: Наука, 1968.

⁸ Загадки закаспийских туркмен в русском переводе // Живая старина. Вып. II-III. Год XVIII. СПб., 1909. — С. 52—79.

⁹ Ибн Хазм. Ожерелье голубки // Средневековая андалусская проза. М.: "Худож. литература", 1985. — С. 23—196.

¹⁰ Китайские народные пословицы и поговорки / Пер. с кит. А. Тишкова. М.: ИЛ, 1962. — 80 с.

¹¹ Коми народные загадки. Составитель Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1975. — 111 с.

¹² Корейские народные изречения на корейском и русском языках / Составление, перевод, примечания и предисловие Лим Су. М.: Наука, 1982. — 359 с.

¹³ Купчак Л. С. "Химическая радость" — не в радость // Здоровье. 1987. № 10. — С. 8—9.

¹⁴ Нгуен Зы. Пространные записи рассказов об удивительном. Старинная вьетнамская проза. Ханой: Изд. литературы на иностранных языках, 1983. — 307 с.

¹⁵ Марийские народные загадки / Составил А. Е. Китиков. Йошкар-Ола, 1967. — 182 с.

¹⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: "Русский язык", 1986. — 797 с.

- ¹⁷ Описание Кореи (с картой) / Составлено в канцелярии министра финансов. Ч. П. СПб.: Издание Министерства финансов, 1900. — 490 с.
- ¹⁸ Осетинские (дигорские) народные изречения. На осетинском (дигорский диалект) и русском языках. Из собрания Г. А. Дзагурова. М.: Наука, 1980. — 355 с.
- ¹⁹ Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. — 512 с.
- ²⁰ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961. — 289 с.
- ²¹ Разумов А. А. Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки. М.: Детгиз, 1958. — 239 с.
- ²² Русские пословицы и поговорки. М.: "Худож. литература", 1988. — 431 с.
- ²³ Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Гослитиздат, 1955. — 419 с.
- ²⁴ Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М.: Наука, 1986. — 189 с.
- ²⁵ У Сяолин, Хоу Баолин. Комический диалог — популярное искусство // Древняя и современная культура Китая. Культуры — диалог народов мира. 1984. № 4. Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО (Госкомиздат СССР). — С. 109–115.
- ²⁶ Уйгурские пословицы и поговорки. На уйгурском и русском языках и с русскими параллелями. Собраны М. К. Хамраевым. М.: Наука, 1981. — 182 с.
- ²⁷ Устно-поэтическое творчество мордовского народа (в восьми томах). Т. 4, кн. 2: Мордовские загадки. Саранск, 1968. — 324 с.
- ²⁸ Федоренко Н. Т. Японские записи. М.: "Советский писатель", 1966. — 416 с.
- ²⁹ Хитопадеша. Доброе наставление // Индийская средневековая повествовательная проза. М.: "Худож. литература", 1982. — С. 23–155.
- ³⁰ Чаудхари В. Если ты улыбаешься // Новое время. 1987. № 38. — 617 с.
- ³¹ Шень Фу. Шесть записок о быстротечной жизни. М.: Наука, 1979. — 152 с.
- ³² 1989 год. Семейный календарь. М.: Политиздат, 1988.
- ³³ A little book of Filipino Riddles. Collected and edited by Frederick Starr. Yonkers, New York, 1909. —
- ³⁴ Cimiliturile Romanilor de Artur Gorovei. Bucuresti, 1898. —
- ³⁵ Recueil d'Egmes arabes populaires par Le R. P. A. Giacobetti. Alger, 1916. —
- ³⁶ Slovenske l'udove hadanky. Vyber tekstov, spracovanie, doslov, poznamky a komentare Milan Lescak. Bratislava, 1981. —

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда я держу в руках древнее зеркало, мне невольно представляется, как много столетий тому назад в это зеркало смотрелись наши далекие предшественники. Приходится только сожалеть, что мы не можем получить с помощью этого зеркала нечто наподобие фотоснимка тех, кто когда-то смотрелся в него. А ведь как много, случись такое чудо, мы могли бы узнать, а может быть, коренным образом и пересмотреть наши представления об историческом прошлом самых разнообразных народов! Но даже и без этого зеркала способны, как мы уже могли убедиться, очень много рассказать о том, какие мысли и идеи волновали когда-то людей, какие у них были представления об окружающем их мире и даже далеком космосе, какие исполнялись ими религиозные обряды, каков был уровень их производства, с кем и как они поддерживали торгово-экономические и культурные связи. Наконец, что также немаловажно, благодаря наличию на зеркалах декоративных композиций и сюжетных рисунков самого разнообразного репертуара мы получаем уникальную возможность ознакомиться с декоративно-изобразительным искусством древних народов, с их художественным творчеством, эстетическим восприятием человеком тех далеких и безвозвратно ушедших эпох окружающей его действительности.

Изучая древние зеркала и то, что прямо или косвенно имеет к ним отношение, нетрудно заметить, как в мире все взаимосвязано и взаимообусловлено. И действительно, будучи одним из популярнейших товаров на рынке спроса, зеркала свободно и без особых затруднений преодолевали огромные расстояния и границы различных владений и стран, выступая при этом в роли своеобразных культуртрегеров. Благодаря зеркалам многие мифологические и религиозные представления, обычаи и обряды, пословицы и поговорки, всевозможные виды орнаментов и художественно-изобразительные приемы, наконец, секреты технологии производства и обработки зеркал, раз возникнув в каком-нибудь одном месте, очень скоро получали известность и распространение не только в соседних, но зачастую и в весьма удаленных регионах.

Нет необходимости доказывать и то, что многие зеркала представляют собой поистине подлинные шедевры художественного творчества наших далеких предшественников, чьи произведения до сих пор вызы-

вают обширную гамму чувств или, во всяком случае, не позволяют равнодушно пройти мимо них. Собранные же вместе, пусть даже в виде небольшой коллекции, зеркала по сути дела образуют нечто наподобие картинной галереи, репертуар которой характеризуется большим тематическим и композиционным разнообразием, манерой и техникой исполнения рисунков, богатством изобразительных приемов и средств их достижения.

Из всего сказанного становится очевидным, что зеркала — это ценнейшие культурно-исторические памятники и вместе с тем столь же ценные исторические источники, которые при надлежащем к ним подходе могут поведать о многих тайнах давно минувших эпох. К сожалению, доступ ко всей массе обнаруженных к настоящему времени древних зеркал, как историческим источникам, у нас в стране крайне затруднен из-за их рассредоточенности по различным хранилищам и частным коллекциям, из-за отсутствия единого общегосударственного центра, например, в виде специализированного научно-исследовательского института или музея по типу Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства или Государственного Русского музея, в котором можно было бы сосредоточить подлинники и точные гальванокпии древних зеркал, хранящихся в фондах многочисленных краеведческих музеев, научно-исследовательских институтов и т. п. Со временем в таком центре можно было бы начать сбор гальванокпий древних зеркал, хранящихся в зарубежных музеях и частных коллекциях, что сразу же привлекло бы к нему внимание многочисленных зарубежных исследователей и туристов. А это весьма и весьма немаловажно с точки зрения получения соответствующих доходов, необходимых для содержания штатных сотрудников и обеспечения нормального функционирования всех подразделений пока еще, увы, гипотетического Музея древних зеркал.

Закончить же свою книгу мне хочется призывом ко всем, кто владеет древними зеркалами, выполнить свой гражданский и, я бы даже сказал, патриотический долг — передать их в дар соответствующим научно-исследовательским учреждениям или краеведческим музеям, внося тем самым посильную лепту в дело изучения истории и культуры не только народов нашей многонациональной Родины, но и многих зарубежных стран.

Рис. 1. "Хохотушка лет пяти" перед зеркалом. Худ. В. Колышова.

Рис. 2. Один из способов фиксации в руке зеркала с центральным полусферным держателем и продетой через него лентой. (Фрагмент настенной росписи киданьского могильного склепа). Рисунок скопирован из журнала "Вэнью" № 8 за 1973 г. Л. К. Розенберг.

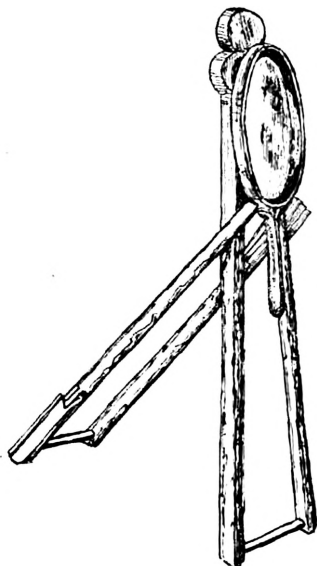

Рис. 3. Установка зеркала на складной деревянной раме-подставке. Рисунок скопирован Л. К. Розенберг из книги: Bird J. L. Unbeaten tracks in Japan. London, 1905. P. 201.

Рис. 4. Зажигательное зеркало. (Фонды Иркутского областного краеведческого музея). Рисунок Л. И. Гусевой.

Рис. 5. Лунное зеркало. (Из коллекции автора).

Рис. 6. Японское "волшебное" зеркало. (Из коллекции автора).

Рис. 7. Зеркало с единорогом и небожителями. (Ананьевское городище).

Рис. 8. Полировальщик зеркал. Рисунок скопирован Л. Н. Гусевой из книги М. Накано "Японские зеркала"

Рис. 9. Согдийское зеркало со всадниками. (Фонды Читинского областного краеведческого музея).

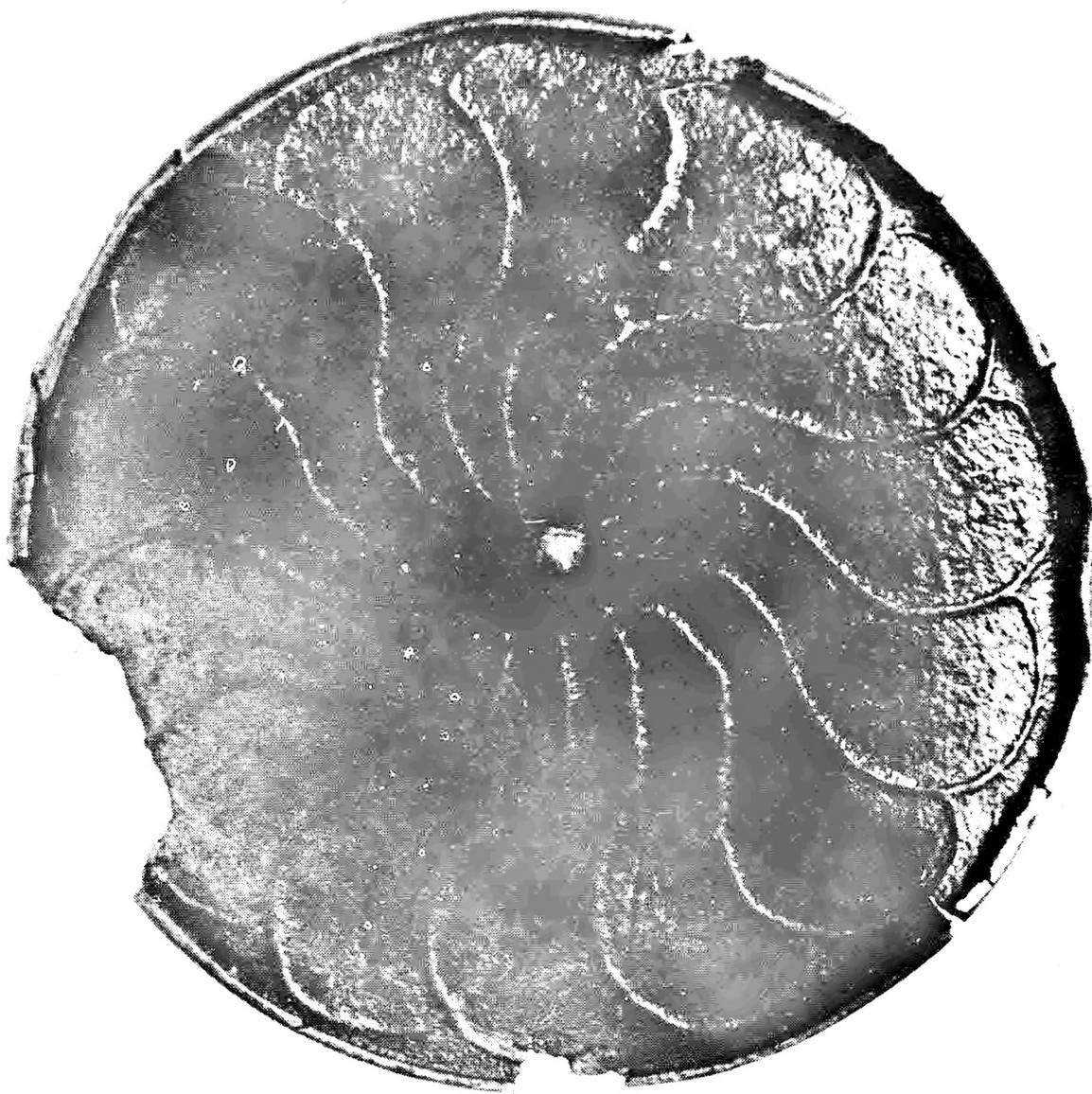

Рис. 10. Зеркало с вихревой розеткой. (Дмитриевское поселение).

Рис. 11. Зеркало с четырьмя бабочками. (Апаньевское городище).

Рис. 12. Зеркало с летящим драконом-рыбой. (Анапьевское городище).

Рис. 13. Зеркало с джонкой. Фотокопия.

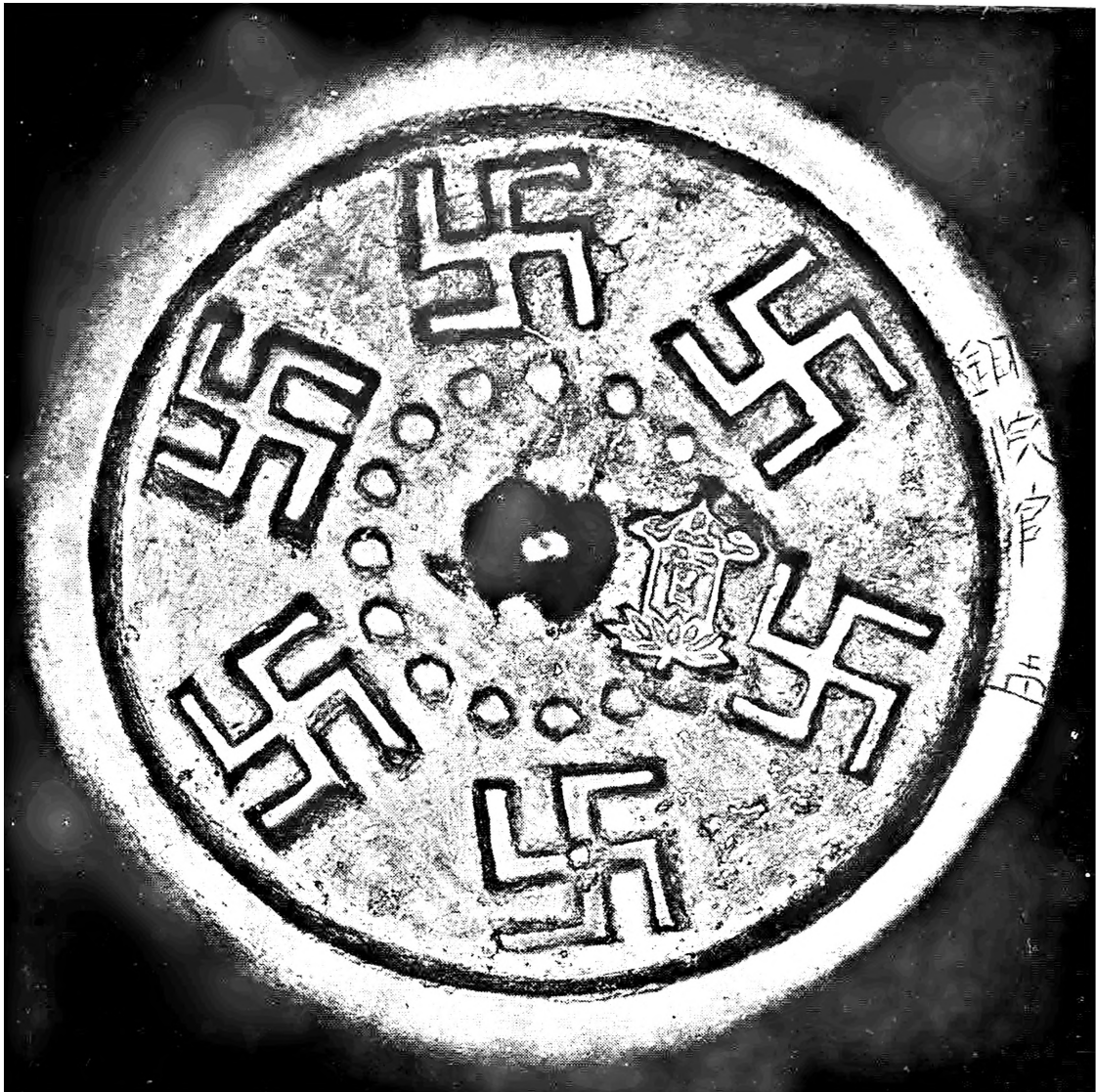

Рис. 14. Зеркало со свастиками. (Шайгинское городище).

Рис. 15. Зеркало с "летающими" музыкальными инструментами. (Шайгинское городище).

Рис. 16. Зеркало с "летающими" музыкальными инструментами без центрального полусферного держателя. (Фонды кафедры истории Читинского государственного пединститута).

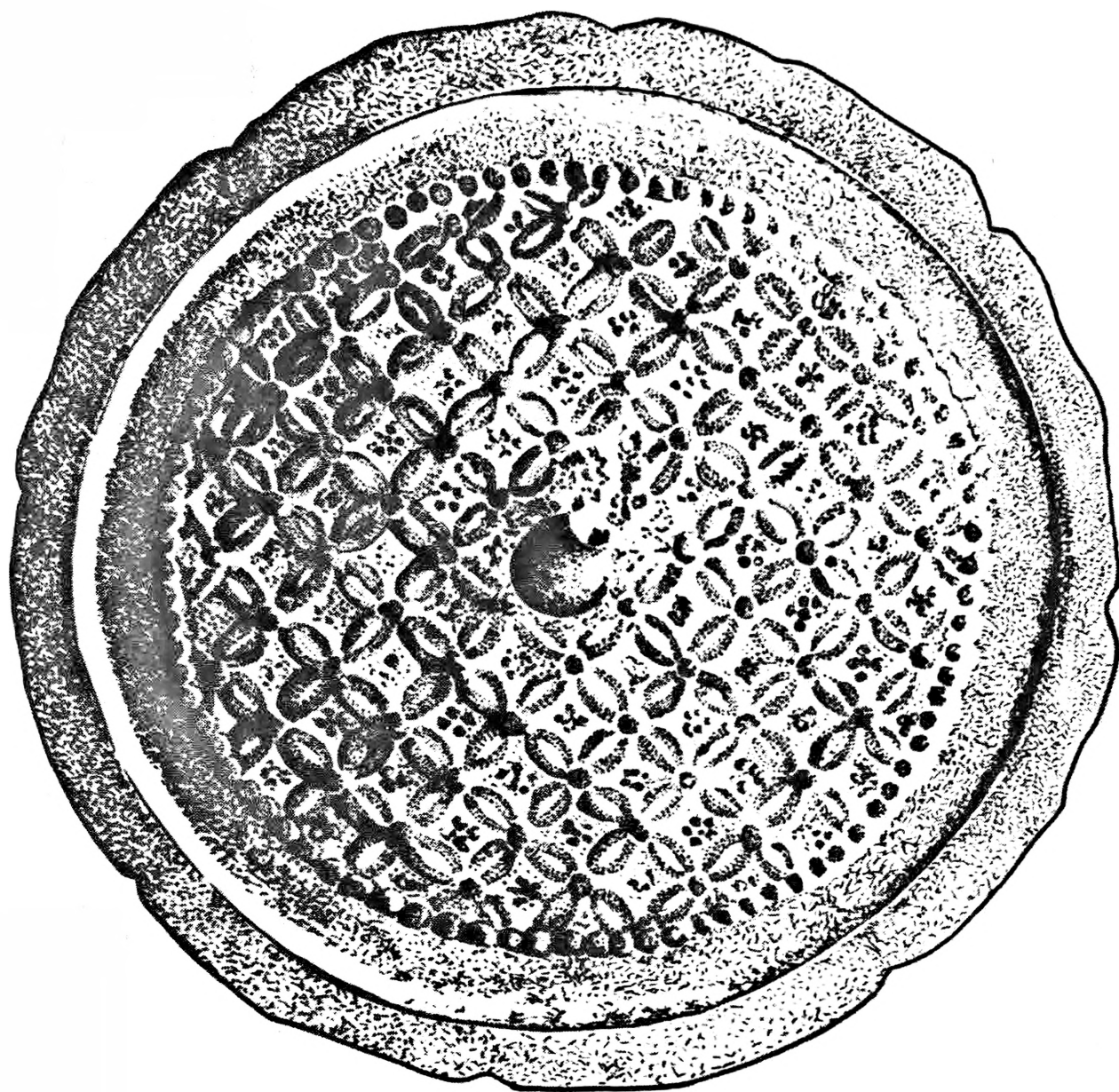

Рис. 17. Зеркало с четырехлепестковыми розетками из клада чжурчжэньских зеркал.

Рис. 18. Зеркало с четырехлепестковыми розетками из Уйгарака.

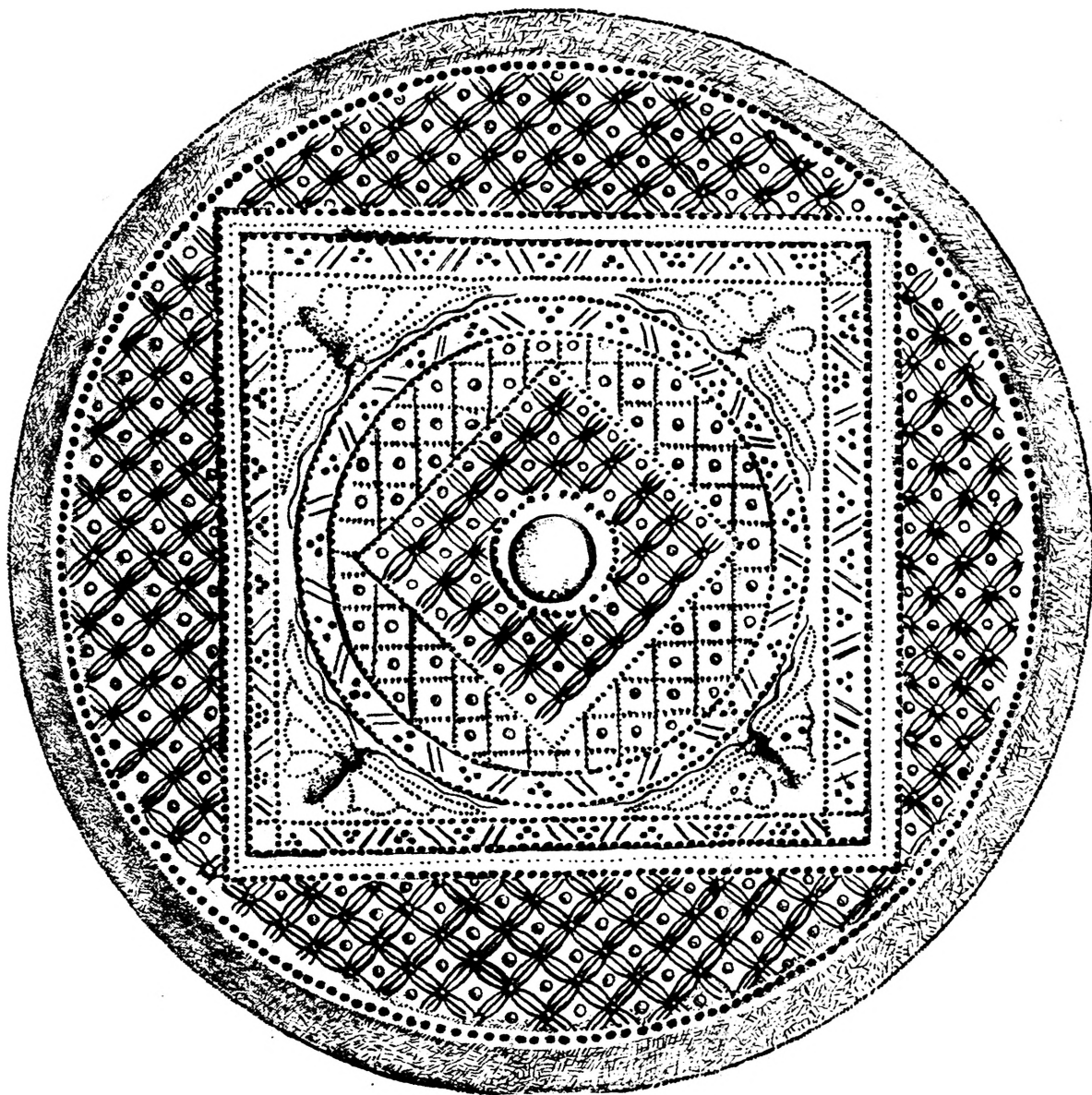

Рис. 19. Киданское зеркало с четырехлепестковыми розетками и бабочками. Рисунок скопирован Л. П. Ходзевич.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловие.	
В древности зеркала тоже были разными.	7
Магия зеркал.	14
Несколько этюдов о зеркалах.	
Сколько стоило зеркало у чжурчжэней?.....	31
Как полировали зеркала дальневосточные зеркальщики.....	32
Загадочный случай на древнем городище.....	34
Шли кони по Соболей дороге... ..	34
"Свет мой, зеркальце! скажи..." ..	36
"Золотой город" чжурчжэней.	38
Зеркала-талисманы чжурчжэньских мореходов.....	39
Зеркало со свастиками.....	41
Зеркало с "летающими" музыкальными инструментами.	41
Зеркала с изображением вселенной.	42
О феномене "вещего" сна.....	45
Зеркала в устном народном творчестве.	
Афоризмы и изречения.	48
Пословицы и поговорки.	48
Загадки.	49
Анекдоты.	50
Заключение.	52
Иллюстрации.	

ИПК "Дальпресс"
Э. В. ШАВКУНОВ
Тайны древних зеркал

Художник А. Арсененко
Технический редактор А. Шалаева

Формат 60х90/8. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 10000 экз. Заказ 434.

ИПК "Дальпресс". 690600, Владивосток, ГСП, пр. "Красного знамени", 10.

